

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2021 – 4 (322)

Научно-информационный бюллетень

Издаётся с 1992 года

**Москва
2021**

**Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «Институт научной информации
по общественным наукам РАН»**

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Отдел Азии и Африки

Редакционная коллегия

*В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, профессор, научный консультант,
Е.Л. Дмитриева – главный редактор, А.В. Белинский – канд. полит.
наук, В.К. Белозёров – д-р полит. наук, О.П. Бибикова – канд. ист.
наук, первый зам главного редактора, Н.В. Гинесина – отв. за выпуск
на англ. яз., А.В. Гордон – д-р ист. наук, И.П. Добаев – д-р филос.
наук, канд. полит. наук, Ш.Р. Кашаф – магистр теологии,
Д.Б. Малышева – д-р полит. наук, А.В. Малащенко – д-р ист. наук,
А.Ш. Ниязи – канд. ист. наук, зам главного редактора, В.Н. Сченс-
нович – отв. секретарь*

**Россия и мусульманский мир : научно-информационный
 бюллетень / ИНИОН РАН, Центр науч.-информ. исслед. глобаль-
 ных и региональных проблем. – Москва, 2021. – № 4 (322). – 123 с.**

ISSN 1998-1813

DOI: 10.31249/rimm/2021.04.00

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

2021.04.001. Сченснович В.Н. Проблемы адаптации и интеграции мигрантов в России: роль религии. (Сводный реферат).....	5
2021.04.002. Дмитриева Е.Л. Исламские финансовые институты в современной России. (Сводный реферат).....	12

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2021.04.003. Атамали К.Е. Внутриисламские противоречия в умме Крыма и этнополитическая мобилизация крымских татар в контексте внешнего влияния. (Сводный реферат).....	20
2021.04.004. Дмитриева Е.Л. Каспийский регион в фокусе геополитических интересов мировых держав. (Сводный реферат).....	27

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Бибикова О.П. Турция строит новый канал в Чёрное море: возможные последствия	36
Азимов К.С. Положение сирийских беженцев в Ливане: проблемы и перспективы	49
Кириченко В.П. Езиды Ирака: прошлое и настоящее	61

<i>Куклин Н.С.</i> Этапы социально-политического развития исламской общины в Индонезии: культурная самобытность и национальные особенности. (Статья вторая)	69
<i>Сченснович В.Н.</i> Иран в условиях новых санкций США. (Аналитический обзор).....	86
<i>Белинский А.В.</i> Свой среди «чужих». Мигранты в немецкой политике.....	104

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Хазанов А.М., Гасратян С.М.</i> Роль «шиитского полумесяца» в нынешней ситуации на Ближнем Востоке (2000–2020)..... 111
Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2021 г. № 1 (319) – 4 (322)..... 120

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

2021.04.001. Сченнович В.Н.*

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИИ: РОЛЬ РЕЛИГИИ. (Сводный реферат)

DOI: 10.31249/rimm/2021.04.01

1. Кульбачевская О.В. Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в России: к вопросу о межкультурном взаимодействии // Вестник антропологии. 2020. № 4 (52). С. 136–152.

2. Леденева В.Ю., Бегасилов Б.Т. Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 118–130.

Ключевые слова: социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в России; государственная миграционная политика; межкультурное взаимодействие; стереотипы; восприятие культурных отличий в молодежной среде; религиозный фактор; транснационализм; диаспоры.

Кульбачевская О.В.,

научный сотрудник,

Институт этнологии и антропологии РАН,

эксперт Сети этнологического мониторинга
и раннего предупреждения конфликтов, г. Москва

Леденева В.Ю.,

доктор социологических наук, доцент,

Федеральный научно-исследовательский

социологический центр Российской академии наук,
Институт демографических исследований, г. Москва

* Сченнович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки ИНИОН
РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Бегасилов Б.Т.,

докторант, Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

В статье О.В. Кульбачевской [1] рассматривается характер взаимодействия мигрантов и принимающего российского общества, его влияние на интеграционные процессы. Согласно Концепции миграционной политики на 2019–2025 гг. условия для адаптации мигрантов будут создаваться за счет формирования механизмов социальной и культурной адаптации, принятия мер, препятствующих сегрегации мигрантов.

Несмотря на то что в России в последние годы есть подвижки в области адаптации мигрантов, тем не менее инфраструктура, охватывающая всю страну и созданная на государственной основе с применением единых стандартов обучающих, информационных и социокультурных программ для мигрантов, до сих пор отсутствует, подчеркивает автор. К настоящему моменту так и не существует ни специализированного телевизионного канала, ориентированного на социокультурную адаптацию трудовых мигрантов, ни инфраструктуры для их проживания. Решением вопросов по адаптации и интеграции мигрантов в основном занимается общественный сектор, располагающий опытом и методиками, но не имеющий административных и финансовых ресурсов, вследствие чего институты гражданского общества не могли оказывать услуги мигрантам в необходимом масштабе.

Исследователь отмечает, что в адаптации в России в первую очередь нуждаются мигранты, приезжающие из сельской местности в города, т.е. это преимущественно социальная адаптация к урбанистическому пространству, а не проблемы этнокультурного характера. Но также важна языковая адаптация, поскольку, чем больше проходит времени с момента распада СССР, тем больше мигрантов, плохо знающих русский язык, приезжают в Россию из бывших союзных республик.

Непосредственные задачи в области социокультурной адаптации и интеграции возложены на Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России), которое отвечает за выработку предложений по созданию комплексной многоуровневой системы адаптации и интеграции иностранных граждан в РФ, учитывая многообразие укладов жизни населения России и соблюдение ее национальных интересов. ФАДН проводит мероприятия по социальной и культурной адаптации мигрантов в целях обеспечения на территории РФ межнационального и межрелигиозного мира.

С точки зрения бесконфликтного межэтнического сосуществования наиболее предпочтительной и эффективной является интеграция, когда мигранты имеют возможность сохранить приверженность своей культуре и в то же время усвоить инокультурные атрибуты. Интеграция предполагает межкультурный диалог между мигрантами и доминирующим этническим большинством, усвоение вновь прибывшими базовых ценностей и норм российской социокультурной среды и адаптацию со стороны принимающего сообщества социальных институтов к потребностям и запросам новых этнических групп.

Однако степень заинтересованности местного населения РФ в интеграции мигрантов не очень высока. Местное население склонно недружелюбное отношение со стороны некоторых мигрантов включать в список негативных стереотипов о них. Негативные стереотипы и список миграционных рисков формируются в первую очередь через призму культурных отличий. Проведенный автором анализ комментариев, оставляемых читателями под статьями на тему миграции в электронных СМИ, показывает, что большинство комментариев имеет негативную окраску и враждебный настрой к мигрантам. Лишь несколько процентов от общего числа комментаторов выступают в их защиту.

Очевидно, что в школах и вузах происходит более тесное общение, когда дети-мигранты и местные обучающиеся объединены общими образовательными процессами. Поэтому образовательные учреждения являются лучшей средой для приобретения навыков межкультурного диалога и интеграции детей-мигрантов в российскую среду. В связи с этим в 2017–2018 гг. Институт этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этнологического мониторинга проводил исследование (серию опросов) в московских школах и вузах, в задачи которого входило выявление запросов на этнокультурное образование, а также характера взаимоотношений в учебных коллективах, где учатся инокультурные ученики и студенты. Опросы проводились путем анкетирования.

Более половины респондентов относятся нейтрально и треть позитивно к совместному обучению с мигрантами. Отрицательное отношение к присутствию в своих классах и группах мигрантов обозначила лишь десятая часть опрошенных. При этом почти половина школьников и студентов полагают, что мигранты полностью интегрированы в учебные коллективы. Все это в целом свидетельствует о спокойном климате межнациональных и меж-

культурных отношений в школах и вузах г. Москвы. Это подтверждают также данные о том, что подавляющее большинство респондентов (почти 90%) за последний год не испытывали негативного к себе отношения из-за языка, на котором говорят, своей национальности и религии. Сталкивались с негативным отношением чуть более десятой части (половина из них – из-за национальности, другая половина – из-за языка и религии).

Общие итоги исследования показали, что восприятие культурных отличий у московской молодежи в целом характеризуется нейтральностью на фоне довольно слабого интереса к изучению различных национальных культур. Для школьников и студентов, выделяющих культурные отличия, важным является то, каких традиций и норм поведения придерживаются члены учебного коллектива; на втором месте стоит язык; на третьем – национальность. На религиозные отличия обращает внимание меньшее количество молодых москвичей. По результатам исследования можно сказать, что в учебных коллективах московских школ и вузов превалируют нейтральные стереотипные отношения. Их придерживаются более половины обучающихся. Состав таких стереотипов выглядит следующим образом: «Особого доверия нет, но и не тревожат» – треть опрошенных; «Не поддерживаю, но и не отрицаю» – четверть опрошенных; «Мне от этого нет ни выгод, ни проблем» – четверть опрошенных; «Особого интереса нет, но общение допускаю» – пятая часть респондентов.

Преобладание негативных стереотипов отмечается по отношению к членам учебных коллективов с религиозными различиями. Ощущение полной интегрированности учеников с иной религией выражено у респондентов в небольшой степени (половина от общего числа опрошенных обозначила полную интеграцию, пятая часть – значительную или определенную интеграцию). И десятая часть опрашиваемых ощущает, что соученики с религиозными особенностями полностью изолированы от коллектива.

Автор резюмирует: при преобладании нейтральности в отношениях между учениками разных культур и наличии негативных стереотипов (у десятой доли учащихся) преимущественным все же является вектор в сторону позитивного взаимодействия. В качестве рекомендации следует обратить внимание государственных институтов на возможность использовать образовательный процесс в качестве одного из инструментов при проведении политики по адаптации и интеграции мигрантов. Необходимо внедрить

в школы и вузы единую методику по воспитанию навыков ведения межкультурного диалога.

Несмотря на то что в РФ на сегодняшний день отсутствуют полноценные условия для успешной интеграции мигрантов, в последние несколько лет происходят положительные изменения. Усиливается работа по обучению русскому языку, истории России и основам законодательства РФ. Со стороны органов власти увеличивается поддержка некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность по адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество.

В.Ю. Леденева и Б.Т. Бегасилов [2] анализируют роль религиозного фактора в вовлечении мигрантов в социокультурную, языковую и этнорелигиозную среду принимающего сообщества, влияние религиозных практик на процессы их интеграции в России. В условиях современной глобализации мигранты создают новые модели поведения и транснациональные практики, включая религиозные, которые могут способствовать или, наоборот, препятствовать их интеграции в новое общество. Теории транснационализма показывают: иммигранты XXI в. одновременно принадлежат двум общинам: своей исторически родной и новой, чуждой, – однако постепенно они включаются в повседневные институты страны, в которую мигрировали.

В рамках исследования авторы останавливаются на оценке роли диаспоры в формировании религиозной идентичности мигрантов. Основной чертой диаспоры является связь с родиной: коллективная память о родине; сильное этническое сознание, которое основано на чувстве дискриминации в принимающих сообществах. В сентябре 2020 г. был проведен опрос членов экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН). Эксперты отметили значительную роль диаспор в повседневной жизни мигрантов в России. В последние годы качественно изменилась работа диаспор: повысилась их активность в области адаптации интеграции, ответственность за поведение соотечественников, прибывших из-за рубежа, и за освоение мигрантами русского языка на организованных диаспорой курсах. Однако результаты социологического мониторинга, ежегодно проводимого ВЦИОМ, показывают: россияне продолжают испытывать неприязнь к мигрантам-мусульманам.

В ноябре 2019 г. по заказу ФАДН ВЦИОМ провел общероссийский опрос о состоянии межнациональных отношений в России. В частности, рассматривалось отношение россиян к религии, вере

и к мигрантам. В целом неприязнь к представителям других религий испытывают лишь 7,8% россиян. Среди православных доля людей с религиозными предубеждениями составляет 9,2%, среди мусульман – 1,6, среди представителей других конфессий – 7,2%. В качестве объектов неприязни чаще всего упоминаются «исламисты» и «мусульмане». Отмечено: действия мигрантов, как правило, не провоцируют конфликтность в межнациональных и межрелигиозных отношениях, но, по мнению большинства опрошенных, необходим контроль, позволяющий предупредить радикализацию мусульман. Масштабы присутствия мигрантов особенно настороживают наименее обеспеченные круги населения – тех, кто может реально конкурировать с мигрантами на рынке и кто, скорее, проигрывает, чем выигрывает от их присутствия.

Успешные на рынке труда мигранты предпочитают «своих» по принципу родства и религии. В то же время исследования обнаруживают связь религиозной активности мигрантов и нелегального бизнеса, построенного на родственных и религиозных связях. Чем больше мигрантов, тем более критически оценивают ситуацию респонденты в области межнациональных конфликтов и чаще допускают вероятность серьезных конфликтов на межнациональной почве, что становится препятствием для интеграции мигрантов в локальные социумы. Местное население в большинстве своем воспринимает мигрантов как носителей чуждой культуры, источник распространения преступлений, причину потери рабочих мест и снижения оплаты труда, угрозу распространения инфекционных заболеваний. В свою очередь и мигранты, видя негативное отношение к себе со стороны основной массы местного населения, ведут себя порой дерзко по отношению к нему, попирают местные традиции, культуру и законы страны приема. Отсутствие у иммигрантов социальных корней на новом месте жительства, трудно преодолимые культурные и социально-экономические барьеры между ними и местным населением вынуждают мигрантов объединяться, чтобы коллективно решать общие проблемы.

Вопрос легализации мигрантов – это обязательный этап их пребывания в России, от которого зависит, как будет складываться трудовая деятельность мигранта и какую стратегию он выберет для пребывания в принимающем сообществе: адаптационную или дезадаптационную. Официальные статистические данные не позволяют отследить количество легальных мигрантов из стран Центральной Азии, можно только констатировать общую тенденцию трудоустройства мигрантов, значительное количество которых

пребывает и работает на территории РФ нелегально, вне правовых практик.

По заявлениям официальных представителей ГУВМ МВД, нелегальных мигрантов в России около 3 млн человек. Как правило, вновь прибывшие трудовые мигранты из стран Средней Азии не имеют опыта жизни в инокультурной среде, что приводит к росту социальной и межнациональной напряженности. Мигранты отрываются от привычного социального окружения и оказываются в иной этнокультурной и языковой среде. У них отсутствует мотивация к адаптации в условиях развитой сети этнических диаспор с высоким уровнем социальной автономии, поэтому возникают формы пространственной сегрегации и анклавизации (выбор мигрантами стратегии совместного расселения для сохранения традиционной религиозной модели поведения). Правовой нигилизм иностранных граждан и присутствие в их среде нелегальных мигрантов создают благоприятную среду для формирования теневой экономики и коррупционных проявлений; члены семей мигрантов (чаще дети) испытывают проблемы, способствующие их дезадаптации, а для второго поколения, изначально оторванного от родины, данные проблемы проявляются значительно острее. По мнению экспертов ФАДН, особую обеспокоенность вызывают территории, в которых «анклавно» проживают представители Средней Азии и Закавказья. Отмечается рост числа представителей нетрадиционного ислама, ориентированных на другие мусульманские ценности, чем у представителей традиционного ислама. Это ведет к локальным столкновениям на религиозной почве.

Ввиду отсутствия в России развитой инфраструктуры для этнических общин, основным механизмом адаптации выступают родственные, клановые и национальные связи, т.е. сетевые группы. Участие мигрантов в социальных сетях и сетевых сообществах происходит, когда они делают выбор в пользу этнического сообщества, а не принимающего общества. Миграция рабочей силы является благоприятной почвой для развития транснациональных религиозных сетей. Религиозные сети во многом решают проблемы трудоустройства и жизнеобеспечения мигрантов.

Анализ религиозных практик мигрантов-мусульман из стран Средней Азии в Россию выявил основные причины их слабой интеграции в российское общество. Без социокультурного, языкового и правового образования или программ интеграции невозможно достичь гармоничного развития общества. Концептуальными остаются вопросы формирования модели управления миграционны-

ми процессами, направленной на решение проблем интеграции мигрантов, а также реализация эффективных практик противодействия формированию этнических анклавов. Главный вывод исследования заключается в особом значении религиозного фактора в жизни трудовых мигрантов. Растущая напряженность среди мигрантов из-за несправедливого обращения на рабочем месте и нетерпимости российских граждан может стать причиной обособления и консолидации мигрантов на религиозном фоне, но использовать его можно в политических целях. Это следует учитывать при формировании и реализации государственной миграционной политики.

2021.04.002. **Дмитриева Е.Л.***

**ИСЛАМСКИЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. (Сводный реферат)**

1. Рамазанова С.Б. Возможности использования зарубежного опыта для повышения эффективности исламских финансовых институтов в России // Актуальные вопросы современной экономики. – Махачкала, 2021. № 4. С. 572–581.

2. Юзеф Х. А. Финансовый механизм развития исламского бизнеса в Российской Федерации // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12. № 1. С. 56–70.

Ключевые слова: исламские финансы; исламский бизнес; исламское финансирование; исламское право; халяль-индустрия; «исламское окно»; светское законодательство; экономическое развитие; предпринимательство.

Рамазанова С.Б.,

старший преподаватель ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет Народного хозяйства»,
г. Махачкала

Юзеф Хайтам Аббас Мохамед,

аспирант, РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва

* Дмитриева Е.Л., старший научный сотрудник, отдел Азии и Африки ИНИОН РАН, e-mail: eldmi@list.ru

Автор статьи, С.Б. Рамазанова [1], определяет основные понятия, связанные с функционированием исламской финансовой системы. Финансовые институты – это компании, использующие в своей деятельности исламскую финансовую модель, которая представляет собой комплекс методов, механизмов и инструментов, позволяющих осуществлять финансовую деятельность без нарушения базовых принципов шариата. Исламская финансовая система включает в себя исламские банки и финансовые компании, страховые компании (такафул), фонды, исламский эквивалент облигаций (сукук), регулирующие органы. Исламские финансовые институты строго соблюдают законы шариата.

С. Рамазанова отмечает, что фундаментальные различия между исламскими и традиционными финансами заключаются в принципах регулирования рынка и функциях денег. Традиционные банки работают в соответствии с принципами рыночной экономики, которая со временем приводит к спекулятивному поведению ее участников, деривативным транзакциям, финансовым пирамидам, спекулятивным играм, ростовщическому проценту, нерегулируемой и безудержной максимизации прибыли и прочим неэтическим практикам, которые негативно воздействуют на социальное, политическое и экономическое благополучие общества. Исламские же финансы и экономика запрещают ростовщические проценты, монополизацию рынка, спекулятивные игры, торговлю запрещенными в исламе товарами и услугами. Все это, в свою очередь, ведет к установлению справедливой и стабильной экономической системы.

Теория образования идеального исламского рынка капитала была в значительной степени разработана лишь после середины 1950-х годов. Сами же исламские финансовые институты появились только в 1970-х годах (в 1974–1975 гг. свою операционную деятельность начали «Дубайский исламский банк» в ОАЭ и «Исламский банк развития» в Саудовской Аравии). Позже исламские финансовые институты широко распространились по всему миру. История их деятельности насчитывает в историческом масштабе чуть более 50 лет.

Исследователь считает, что за такой относительно короткий срок исламские финансовые институты не смогли не только заместить собой традиционные финансы, но и оказать им какую-то серьезную конкуренцию. Однако в некоторых странах (например, Саудовской Аравии, ОАЭ, Малайзии) исламские финансовые институты заняли свою нишу, имеющую значительную долю в национальной финансовой системе. В немусульманских странах

исламские финансовые институты занимают небольшую нишу и из всех их преимуществ привлекательными являются два фактора – это пониженные риски, предполагающие особую финансовую устойчивость, и социальные эффекты исламской модели, основанные на принципах благотворительности, материальной поддержки людей и социальной справедливости.

Автор статьи указывает на изменение роли ряда развивающихся стран, которые начинают выходить на лидирующие позиции. Так, после мирового кризиса 2007–2008 гг. сформировалась «Группа одиннадцати» (NEXT-11), семь из которых – Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Нигерия, Пакистан, Турция – государства с преобладанием мусульманского населения. Интерес мировых инвесторов к этим странам свидетельствует о растущей роли исламских финансовых институтов в мировой экономике. В остальных странах также происходят серьезные политico-экономические изменения, которые усиливают исламские институты: так, Пакистан и Афганистан объявили о постепенном переходе от светского к религиозным основам построения общества, а в Иране уже больше 40 лет официально запрещены все финансы, кроме исламских.

Усиливается политическое влияние исламского фактора в странах – членах СНГ: Таджикистане, Казахстане и Киргизии. В этих государствах были приняты законы, разрешающие и стимулирующие развитие всех видов исламских финансовых институтов, включая исламские банки. Так как эти страны входят в Евразийский экономический союз, то в соответствии с официальными договоренностями Россия будет вынуждена принимать во внимание положения законодательства других участников Содружества, что приведет к пересмотру роли исламских финансовых структур и в самой России. Для России в области развития исламских финансовых институтов представляет интерес опыт мусульманских стран со светским законодательством, где религия отделена от государства и не оказывает значимого влияния на бизнес-процессы, например Турецкой Республики.

В Турции более 98% населения исповедуют ислам, однако сама правовая система исключает существование и государственную поддержку любых структур, созданных с исламскими принципами функционирования. «Светскость» государства была настолько незыблема, что любые мероприятия по развитию исламских финансовых структур встречали острое неприятие государственных органов и особенно военных структур. И только с 1983 г. первые ростки исламских финансов получили право на раз-

вение. Однако созданные исламские финансовые структуры были вынуждены работать в регионах, не получая поддержки в столице. До конца XX в. все исламские финансовые структуры в Турции назывались «небанковские финансовые институты». В наше время отношение к исламским финансовым институтам в Турции стало меняться. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган неоднократно заявлял о поддержке исламской финансовой модели и о необходимости стимулировать последовательное развитие исламского финансового сегмента. Итогом стало открытие в столице филиала («исламского окна») крупного государственного банка Ziraat Bank. В настоящее время исламской финансовой индустрии оказывается особая поддержка.

Среди немусульманских стран ведущее место по объему капитала исламских финансовых институтов занимает Великобритания. Первым полностью исламским банком в Европе стал Islamic Bank of Britain (с декабря 2014 г. называется Al Rayan Bank), он основан в 2004 г. и сегодня предоставляет весь спектр исламских продуктов и услуг. Традиционным банкам также разрешено открывать специальные филиалы («исламские окна») в этой стране.

С. Рамазанова полагает, что именно исламские финансовые рынки находятся в относительно устойчивом положении и могут противостоять негативным мировым финансовым тенденциям. Все больше арабских стран разрабатывает инвестиционные проекты в соответствии с принципами исламских финансов. Поэтому России необходимо начать реализацию мер по созданию структуры исламских финансов, ориентированной не только на внутренние потребности мусульманского сообщества, но прежде всего на привлечение внешнеэкономических инвестиций стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Страны Ближнего Востока при поддержке со стороны России могут быть донорами серьезных инвестиционных потоков, так как эти страны имеют значительный объем ликвидности, который они не могут вложить внутри страны. Международные инвестиции, структурированные на основе исламских финансовых принципов, долгосрочные, транспарентные, справедливые, смогут обеспечить значительный социальный эффект в Российской Федерации.

С учетом анализа ситуации автор считает перспективным для традиционных банков в России использование дебетовых пластиковых карт, соответствующих шариату. Это выгодно банкам, поскольку клиенты сами отказываются от процентов по счетам карт. Проценты, которые надо начислять по российскому законо-

дательству, по поручению клиента можно переводить на благотворительные цели. Некоторые российские банки уже внедрили исламские финансовые продукты и реализуют их на принципах исламского банкинга. Так, ПАО Сбербанк России в 2017 г. выпустил халяльную дебетовую карту и осуществил несколько проектов по партнерским программам. А первая дебетовая карта для российских мусульман была выпущена в Башкирии еще в 2010 г. Сегодня дебетовые карты для мусульман выпущены также Московским индустриальным банком, Международным кредитным банком и Совкомбанком. Карты-халаль никак не связаны с ростовщиками продуктами, на них не начисляется процент за пользование банком средств, не предусмотрены штрафы и пени. Специальные карты предлагаются для паломников, планирующих совершить хадж в Мекку.

Эмиссия карт для мусульман – это одно из направлений деятельности российских банков, которая соответствует шариату. Также российские банки, по мнению автора, могут начать предлагать часть продуктов, соответствующих исламским финансовым принципам, через открытие специального филиала – «исламского окна». С. Рамазанова предлагает начать реализацию варианта развития исламских финансовых институтов на отдельных территориях, где исламские финансовые учреждения уже существуют, например, в Татарстане, Башкирии, Дагестане, Чечне. Изменение регионального законодательства не будет представлять сложности в этих регионах, особенно в Чечне, где культивируется практика исламских норм, например, отказ от производства, торговли и употребления алкоголя.

В России имеется достаточное количество мусульманского населения, а значит, существует и спрос на исламские финансовые услуги. Автор статьи считает правильным развивать в России вариант «исламского окна», хотя тут есть и ряд проблем. Во-первых, сложно адаптировать системы учета и контроля для принципиально разных продуктов, во-вторых, трудно разделить «халльные» и «ростовщические» деньги, а это важно для клиентов-мусульман. Кроме того, сложная система разделения внутри одной структуры создает проблемы как с отчетностью, так и с надзорными действиями регулятора. Для преодоления указанных проблем «исламское окно» традиционного банка может быть ограничено только функциями открытия счетов и расчетов, как это практикуется в финансовом доме «Амаль» (Москва), в компании ТНВ «Ля Риба Финанс» (Махачкала) и др. Есть еще один вариант открытия «ис-

ламских окон» по схеме, предлагаемой специалистами Российской ассоциации экспертов исламского финансирования. Данная схема предполагает определение всех элементов шариата понятными терминами, применяемыми в традиционных финансах. Привычная терминология поможет как законодателям, так и налоговым специалистам, а также бухгалтерам понять исламские принципы и предложить понятные варианты их использования. Следует также адаптировать российское законодательство для реализации «исламских окон». Изменение законодательства должно касаться только новых организационно-правовых форм, в которых реализуются «исламские окна», и не должно затрагивать законодательные основы функционирования традиционных финансовых институтов.

В заключение автор отмечает, что для успешного функционирования исламских финансовых институтов в России нужно создать единый финансовый центр, регулирующий надзор за функционированием исламских финансовых институтов. Необходима интеграция исламской и традиционной финансовых систем. Исламской финансовой системе необходимы стандарты бухгалтерского учета. Исламские институты в настоящее время испытывают нехватку специалистов, умеющих анализировать и управлять финансовыми портфелями, разрабатывать инновационные продукты в соответствии с исламскими принципами.

Важной составляющей исламской финансовой системы являются финансовые механизмы исламского бизнеса, анализу которых посвящена статья Х.А. Юзефа [2]. В настоящее время в России только формируется исламская бизнес-модель, а действующая на сегодняшний момент практически не отличается от традиционной модели ведения бизнеса, характерной для российского предпринимательства. Выделяются лишь отдельные элементы и принципы, виды и формы предпринимательской деятельности и финансирования, основанные на принципах шариата и реализующиеся преимущественно в российских регионах с большой долей мусульманского населения.

В Российской Федерации наиболее активным сегментом предпринимательской деятельности, основанной на исламских принципах, является индустрия продукции «халаль», которая в течение последних 20 лет стабильно растет. Важно, что в современных условиях действия западных санкций по отношению к России многие предприниматели в качестве перспективного направления экспортных операций выделяют именно рынки исламских стран.

По мнению автора, Республика Татарстан является лидером «хаяль»-индустрии в России, которая первой зарегистрировала в 2009 г. в Росстандарте систему добровольной сертификации «хаяльных» продуктов и услуг. За девять лет функционирования системы комитетом по стандартам «хаяль» Духовного управления мусульман Республики Татарстан сертифицировано более 200 предприятий. В 2017 г. в Татарстане начал функционировать технический комитет по стандартизации услуг и товаров «хаяль». В настоящее время в России сертификаты выдает международный центр стандартизации и сертификации «Хаяль» при Совете муфтиев России.

Как правило, с рынком «хаяль» неразрывно связан рынок исламских финансов, поскольку направляться исламские инвестиции могут только в проекты, не содержащие явных нарушений требований ислама. Согласно данным Совета по исламским финансовым услугам, распределение исламских финансов по секторам представлено следующей структурой: исламский банкинг – 76%, рынок ценных бумаг (сукук) – 19,5, инвестиционные фонды – 3,2, страхование (такафул) – 1,3%. Объем активов исламских финансовых компаний в России достигает 1 млрд руб. При этом объем сделок за последнее десятилетие составил около 20 млрд руб.

Автор отмечает, что первые операции исламского финансирования в России стали осуществляться в середине 1990-х годов (Международным коммерческим банком «Бадр-Форте», Такафул-компанией «Итиль», Паевым инвестиционным фондом для мусульман «БКС – Фонд “Хаяль”»). Однако активное обсуждение возможности применения исламских инструментов финансирования в России началось после 2010 г. В Республике Татарстан был реализован пилотный проект в сфере исламских финансов: действуют инвестиционная, лизинговая, страховая компании, финансовый дом; Фонд развития исламского бизнеса и финансов; банк, реализующий инструменты исламского финансирования и др.

Необходимо обратить внимание, что в России в исламской финансовой индустрии наиболее развитым сегментом выступает сектор исламского банкинга. Сделки, структурированные в соответствии с принципами исламского финансирования, присутствовали в практике у ПАО «АК БАРС» Банк.

По мнению автора, на данный момент пока выявляется недостаточность широкомасштабных федеральных программ финансирования исламского бизнеса, несмотря на его огромный потенциал в обеспечении экономического роста и благосостояния граждан России. На федеральном уровне преимущественно оказывается правовая,

имущественная и информационно-консультационная поддержка. «Концепцию исламской финансовой модели» поддержали в Комитете Госдумы по финансовому рынку и в Банке России. Так, в Госдуме РФ была организована экспертная группа, которая в 2015 – начале 2016 г. внесла восемь поправок в законодательные акты.

В 2017 г. под эгидой Международной ассоциации исламских финансов в мусульманских регионах России были открыты филиалы Международной ассоциации Исламского бизнеса, которая принимала участие в переводе на русский язык всех стандартов шариата. У студентов ряда российских университетов появилась возможность освоения специального курса «Исламские финансы» и получения соответствующих знаний в области исламской экономики.

В заключение автор делает вывод, что разработка механизмов и инструментов поддержки исламского бизнеса в России находится еще в стадии формирования. Исследователь отмечает недостаточность федеральных программ финансирования исламского бизнеса, «точечный» принцип поддержки исламского бизнеса, слабое развитие исламских финансовых механизмов по линии партнерского банкинга. В России поэтапно формируется финансовый механизм исламского бизнеса, основу которого образуют финансовые методы, инструменты и рычаги государственного уровня, направленные на реализацию социально-экономических и инвестиционных функций предпринимательства. В формировании механизма развития исламского бизнеса государство должно играть ключевую роль, поскольку именно оно имеет право определять политику.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2021.04.003. **Атамали К.Е.***

ВНУТРИИСЛАМСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В УММЕ КРЫМА И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕГО ВЛИЯНИЯ. (Сводный реферат)

DOI: 10.31249/rimm/2021.04.03

1. Бибиишев Д.Ш. Внутриисламские противоречия в мусульманской умме Крыма как фактор внешнего влияния зарубежных клерикальных центров // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. 2020. С. 15–19.

2. Григорян Д.К., Кондратенко Е.Н., Фарапонова Т.К. Этнополитическая мобилизация крымских татар в контексте интересов турецкой элиты // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 178–182.

Ключевые слова: крымские татары; депортация крымских татар; турецкая элита; мусульмане; Турция; Арабский Восток; этнополитическая мобилизация; факторы этнополитической мобилизации; Меджлис крымско-татарского народа; политическая субъектность; символическая политика; неоосманизм.

Бибиишев Д.Ш.,
экс-заместитель муфтия Крыма,
религиозный аналитик

* Атамали К.Е., редактор, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: mrsxeniya@ya.ru

Григорян Д.К.,
кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и этнополитики
Южно-российского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Кондратенко Е.Н.,
кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и этнополитики
Южно-российского института управления –
филиала РАНХиГС
Фарапонова Т.К.,
магистрант Южно-российского института управления –
филиала РАНХиГС

Д.Ш. Бибишев [1] исследует внутриконфессиональные конфликты, сопутствующие началу активного процесса возрождения ислама в Крыму в 1990-х годах, с момента массового возвращения из мест депортации крымско-татарского народа. Значительный отрыв крымских татар от своих религиозных корней объясняется почти 50-летним нахождением в ссылке в условиях атеистического режима. Религиозность сохранилась практически только на уровне традиций и обрядов; вопрос возврата к религии и изучения истории и культуры, неотделимых от исламских традиций, стал особенно актуален. В начале, когда у репатриантов не было собственных финансовых, материальных, религиозных и кадровых ресурсов, строительство мечетей и возрождение исламских институций в Крыму было невозможно. Поэтому взоры крымских мусульман были обращены в сторону мусульманских государств, в первую очередь, Турции и Арабского Востока, которые отозвались на просьбы о помощи. Это привело к негласному соперничеству турецких и арабских клерикальных центров, мусульманам Крыма пришлось лавировать между доктринальным содержанием турецкой и арабской моделей ислама. Возрождающаяся крымская умма оказалась благодатной почвой, в которую зарубежные мусульманские проповедники заложили первые семена различных религиозных доктрин. Тем не менее это не помогло возрождению у крымских татар традиционной для них модели ислама.

Со временем в мусульманском сообществе Крыма сформировались три основные идеологически разные и конкурирующие религиозные структуры: традиционный «крымский ислам», кано-

нический фундаментальный ислам и ислам религиозно-политической направленности. К первой категории относится Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК), ориентированное на государственные и общественные религиозные центры Турции; ко второй – мусульманские общины салафитов, придерживающиеся проарабской модели ислама, и к третьей – представители религиозно-политической партии «Хизб ут-Тахрир», ориентированной на строительство мусульманской модели общества. Между представителями этих религиозных организаций и течений отсутствовала коммуникация, а отношения можно было охарактеризовать как конфронтационные. Каждая институция отвергала все идеологии, обозначенные ими как «нетрадиционные» для Крыма. По мнению мусульманских лидеров, это привело к радикализации некоторой части мусульман и к отходу от традиций толерантного суннитского ислама. Созданные оппонентами параллельные духовные управления и центры на базе неподконтрольных ДУМК «независимых» мусульманских общин составили серьезную конкуренцию существующим руководящим структурам крымской уммы.

Столкновения интересов ДУМК и различных исламских течений являлись причинами конфликтов в мусульманской среде Крыма. Они происходили в основном за контроль над крымскими мечетями. Например, в 2007–2008 гг. произошли столкновения ДУМК с представителями хабашитского течения – выпускниками Киевского исламского университета при Духовном управлении мусульман Украины (ДУМУ), возглавляемого муфтием мусульман Украины шейхом Ахмедом Тамимом. Также в 2008–2009 гг. были инциденты в некоторых мечетях Крыма, когда ДУМК заявило о расширении влияния на крымские мечети адептов партии «Хизб ут-Тахрир».

Автор указывает, что причиной конфликтов также называли низкую эффективность пропаганды со стороны ДУМК, которая объясняется его зависимостью от иностранных мусульманских государств и фондов. Кроме того, отсутствие стандарта крымского исламского образования с учетом местных традиций привело к разобщению мусульманской уммы. После изменения политico-правового статуса Крыма деятельность части мусульманской уммы противоречила законодательству РФ, а представители запрещенных в РФ религиозных групп подверглись судебным преследованиям. Исламское просвещение, ранее ориентированное на системы духовного образования мусульманских стран, стало осуществляться по принятой в России системе духовного образования: крымские

татары стали отправляться на учебу в Российской исламский университет в Казани. Таким образом, время внутримусульманских конфликтов в Крыму завершилось.

Д.К. Григорян, Е.Н. Кондратенко и Т.К. Фарапонова [2] рассматривают основные факторы этнополитической мобилизации крымских татар, участие турецкой элиты в данном процессе, а также основные интересы турецкой элиты. Авторы отмечают, что термин «этнополитическая мобилизация» стал употребляться в 1970-е годы, когда немецкий социолог К. Дойч концептуализировал понятие «социальная мобилизация», выделив этнический фактор как важный аспект. Обстоятельствами, порождающими мобилизованное состояние этничности, он называет социально-экономическую модернизацию, национальное самоопределение и политическую демократию.

Исследователь Милтон Эсман определил этнополитическую мобилизацию как процесс, с помощью которого этническая общность приходит в состояние политической активности, готова защищать свои ресурсы, требовать новые блага, а также вырабатывать собственную политику. Историк и этнолог М.Н. Губогло считает, что мобилизованной этничностью уместно называть этничность, организованную в поисках достижения общей политической цели. Этнополитическая мобилизация включает в себя социальную мобилизацию, политизацию и идентификацию этничности. Это стабилизующий фактор общественных отношений, который, однако, обостряет отношения между представителями различных этнических групп.

Авторы отмечают, что любому современному государству присуща этнополитическая мобилизация, без нее развитие общества невозможно. В России наиболее активно этот процесс проходит в республиках, в особенности в Республике Крым. Это связано с тем, что в Крыму проживают несколько этнических групп, самые большие – крымские татары, украинцы, русские. Разные политические элиты, в том числе и турецкая, стремятся воздействовать на этнополитическую мобилизацию. Крым и Турция имеют глубокие исторические, социокультурные и экономические связи, и турецкая элита укрепляет свои позиции в Черноморском регионе, распространяя влияние на стратегически важный полуостров.

Существует ряд факторов этнополитической мобилизации крымских татар. Первым фактором можно назвать сплочение этнической группы и формирование этнонациональной коалиции. Турецкая элита постоянно напоминает крымским татарам, что

Крымское ханство некогда находилось под протекторатом Османской империи и Турция будет защищать их интересы.

Вторым фактором авторы называют признание этноса субъектом политики. Начало этому было положено в 1991 г., когда в Крыму стал функционировать Меджлис, его объявили представителем крымско-татарского народа. Меджлис стремился добиться автономии Крыма в составе Украины, а после его вхождения в состав России в 2014 г. изменил свою позицию и стал выступать против присоединения Крыма к России. Турецкая элита широко поддерживает Меджлис крымско-татарского народа, который признан террористической организацией и запрещен на территории РФ. В противовес Меджлису в Крыму было сформировано межрегиональное общественное движение крымско-татарского народа «Кырым» («Крым»). Эта организация признана региональными властями законным представителем крымско-татарского народа и поддерживает партнерские отношения с официальной властью.

Также исследователи отмечают, что важную роль играет социально-экономический фактор, он включает в себя ухудшение социально-экономических условий жизни: спад производства, безработицу, изменение экономических правил игры, рост неравенства. Когда отдельные этнические группы не получают доступ к экономическим благам, активизируется протестный потенциал этничности. Безработица приводит в движение этнические группировки, они начинают бороться за свои права на политическом уровне. Этнический протест может перерасти в межэтнический конфликт, который будет опасен для всего общества в целом.

Авторы указывают на тот факт, что в 1990-е годы социально-экономическое положение крымских татар было непростым, поскольку практически отсутствовала инфраструктура. Социально-экономические проблемы способствовали консолидации этнических интересов крымских татар, вызвали их на борьбу за свои права, что привело к образованию Меджлиса.

Социокультурный фактор является неотъемлемой частью этнополитической мобилизации. Он включает в себя историческую память, религию, идеологию, право и другие культурные особенности отдельной этнической группы. Именно с помощью культурных ценностей начинается этническая мобилизация. Сначала в сознание этнической группы встраивается историческая память, важную роль в этом процессе играют религиозные нормы, так как с их помощью можно объяснить особую миссию отдельной этнической группы. Затем развивается идея избранности этничности и гово-

рится о ее притеснении. Лидеры используют культурные особенности в качестве факторов социальной интеграции. Когда у этнической группы появляется единая идея, то в нее включаются политические аспекты, возникает полноценная идеология. Далее наиболее активные представители этнической группы интегрируются и становятся политическими субъектами, выражая интересы своей нации. Таким образом, данный процесс превращается в этнополитическую мобилизацию.

Авторы обращают внимание на то, что турецкая элита активно использует социокультурный фактор в рамках идеи неоосманизма, заключающейся в усилении турецкого влияния на территориях, ранее входящих в Османскую империю. Неоосманизм основан на пантюркизме, который подразумевает объединение народов тюркского происхождения под турецким началом. Крымские татары принадлежат к тюркской группе и имеют общую с турками историю, что дает широкие возможности турецкой элите воздействовать на крымских татар; также турецкая элита поддерживает русофобские и националистические настроения в Крыму.

Особой составляющей социокультурного фактора является символическая политика. Политический символ – определенный знак, который выполняет коммуникативную функцию, устанавливающую связь между властью и личностью. С помощью политических символов власть может активно влиять на общество, консолидировать его, побуждать к конкретным действиям, а также манипулировать общественным сознанием. Политическим символом может быть флаг, гимн, лозунг, памятная дата, политический ритуал, конкретный человек и т.д.

Политической символике уделяется огромное внимание, так как она выполняет ряд важнейших функций:

- интегративная функция, т.е. стирание границ между социальными группами и правящей элитой и возможность власти мобилизовать людей;

- регулятивная функция, т.е. воздействие на массовое политическое поведение людей в целях стабилизации обстановки либо ее дезорганизации.

Авторы отмечают, что политические символы в большей степени воздействуют не на разум человека, а на его чувства. Воздействуя на общественное сознание, символическая политика является эффективным манипулятивным механизмом и играет важную роль в этнических процессах; национальные и этнические

символы могут стать политическими. С помощью этнических символов можно мобилизовать этническую группу, вывести ее на политический уровень. Например, одним из этнических символов крымских татар является исторический факт депортации, который позволяет националистическим и сепаратистским движениям встраивать в сознание граждан негативное отношение к российской государственной власти. В Крыму ежегодно 18 мая проводится День памяти и скорби, посвященный насильственному переселению крымских татар. После присоединения Крыма к России появились новые праздники и памятные даты, которые интегрируют всё крымское население в российское пространство: 18 марта отмечается праздник «Воссоединение Крыма с Россией»; 16 марта, День проведения референдума в 2014 г., объявлен памятной датой. Российская политическая элита поддерживает крымско-татарскую идентичность и стремится постепенно стереть факт депортации из национальной памяти крымских татар.

Символическая политика занимает особое место в этнополитической мобилизации. Представители национальных движений понимают значимость этнического символа и даже сами создают новые, чтобы не возник дефицит этнических символов, который может привести к снижению уровня этнополитической мобилизации. Хотя национальные и этнические символы способны влиять на формирование этнического и национального сознания, их трансформация сложна, а искусственно созданные символы зачастую не в силах заменить укоренившуюся символику.

Авторы заключают, что на сегодняшний день уровень этнополитической мобилизации крымских татар достаточно высокий. Крымские татары интегрируются в российское общество, но при этом сохраняют свою идентичность, демонстрируют свои социокультурные особенности и являются политическим субъектом. Турция активно воздействует на крымских татар на культурном и идеологическом уровне, стремится поднять их протестный потенциал и уровень межнациональной конфликтности в Крыму и тем самым расширить сферы собственного влияния. Оказывая помощь Меджлису крымско-татарского народа, турецкая элита дестабилизирует политическую ситуацию в Крыму, что, в свою очередь, может привести к дестабилизации внутренней политической обстановки в России. Такая ситуация выгодна Турции, поскольку за счет нее она может повысить собственный статус в Черноморском регионе.

2021.04.004. Дмитриева Е.Л.*

**КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН В ФОКУСЕ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ
МИРОВЫХ ДЕРЖАВ. (Сводный реферат)**

DOI: 10.31249/rimm/2021.04.04

1. Сидоров С.А. Каспийский регион в системе международных отношений // *Право и государство: теория и практика*. 2021. 4 (196). С.162–165.

2. Пушкирёва В.В. Каспийский регион в современной политике: проблемы регионального сотрудничества // *Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения*. 2021. Т. 5, вып. 2. С. 211–220.

Ключевые слова: Каспийский регион; ресурсы; безопасность; вызовы; правовой статус Каспийского моря; национальные интересы; геополитические интересы.

Сидоров С.А.,

доктор политических наук,
профессор кафедры общеправовых дисциплин
Всероссийского государственного университета
юстиции, г. Москва

Пушкирёва В.В.,

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии,
всеобщей истории и международных отношений
Института истории и социологии ФГБОУ ВО Удмуртский
государственный университет, г. Ижевск

Автор статьи [1] определяет ситуацию, сложившуюся в настоящее время в Каспийском регионе, как сложную и требующую постоянного внимания со стороны российской власти. Диаметрально разные интересы прикаспийских государств, возросшее значение энергоресурсов, усиление политического влияния США и ЕС, экономического присутствия КНР, распад СССР и появление новых независимых государств в регионе подстегнули геополити-

* Дмитриева Е.Л., старший научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИИОН РАН, e-mail: eldmi@list.ru

ческое соперничество. Каспийский регион в силу ряда своих особенностей является стратегически важным и geopolitically значимым регионом не только для России, но и для таких государств, как США, Китай, Турция и страны Евросоюза.

Ресурсы Каспия могут быть также привлекательны и для быстрорастущего азиатского рынка, где основную роль играет Китай. «Парад суверенитетов» 1991 г. привел к изменению расстановки сил и увеличению количества прикаспийских государств. В настоящее время выход к морю помимо России и Ирана имеют также Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Россия как правопреемник СССР и как региональная держава в Каспийском регионе пытается сохранить свое влияние на формирующуюся систему безопасности. С одной стороны, значительный рынок товаров и технологий государств региона способен существенно компенсировать потери российской экономики от санкций. С другой стороны, углубление взаимодействия с партнерами по «каспийской пятерке» может сформировать новую точку роста в рамках принятого курса на диверсификацию российской экономической политики.

Анализируя процессы в Каспийском регионе, автор статьи исходит из того, что Каспийский регион включает только прибрежные территории, сопоставимые с масштабами самого моря. В этих условиях в состав региона входят большая часть Азербайджана, прикаспийские территории России (Дагестан, Калмыкия, Астраханская область), Западный Казахстан, фактически весь Туркменистан и Северный Иран. Следует заметить, что в 2011 г. интенсифицировались события в арабском мире, которые впоследствии привели страны одну за другой к свержению конституционного строя и установлению проамериканского правительства при сохранении «управляемого хаоса» с оттенком религиозного экстремизма (Египет, Тунис, Ливия, Йемен) либо к сохранению руководства страны со смешением акцентов внешнеполитического курса государств (Саудовская Аравия, Марокко, Бахрейн) в пользу США. Поэтому, осознавая стратегическую важность Каспийского региона, США для достижения приоритетных позиций в мире и установления выгодного для себя внешнеполитического баланса сил делают попытки сформировать военно-морские силы совместно с прикаспийскими странами. Например: инициатива США по созданию военно-морской группировки (Caspian Guard) совместно с Азербайджаном и Казахстаном для охраны трубопроводных проектов и повышения способности предотвращать и при необходимости

мости реагировать на терроризм, распространение ядерного оружия и торговлю людьми.

Также автор статьи акцентирует внимание на новой стратегической концепции безопасности США 2013 г., где особая роль в Каспийском регионе отведена укреплению потенциала НАТО, который может быть задействован в решении новых вызовов и угроз безопасности. А угрозы безопасности в регионе, по мнению США, могут исходить от иранской ядерной программы. В последние годы США и их союзники по НАТО активно пытаются добиться своего военного присутствия на Каспии, получив согласие стран региона. Но для интересов России такие планы неприемлемы.

Потенциал Каспийского региона вызывает особый интерес стран ЕС. Вовлечение ресурсов Каспийского моря в систему энергоснабжения ЕС соответствует планам по диверсификации нефтегазового импорта. Автор статьи отмечает, что изначально политика ЕС в Каспийском регионе формировалась в рамках транспортных и энергетических проектов, которые должны были способствовать развитию транзитного коридора «Восток – Запад». Реализация таких программ, как TACIS, TRACECA и INOGATE, предусматривает интеграцию транспортных систем бывших советских республик с аналогичными международными системами.

Деятельность вышеназванных внешних игроков в Каспийском регионе не может не беспокоить Россию и Иран, так как предпринимаются активные шаги по вытеснению России с побережья Каспийского моря и дестабилизации ситуации в регионе. Россия сталкивается с новыми региональными вызовами на Каспии, связанными с ростом преступлений, совершаемых на море (браконьерство, наркотрафик, торговля людьми, контрабанда), а также с увеличением угрозы террористических актов.

При этом автор отмечает отсутствие согласованной стратегии у прикаспийских стран по противодействию существующим и новым угрозам безопасности в регионе. Инициативу России по формированию военно-морских сил КАСФОР (по аналогии с «БлэкСифор», расположенными на Черном море) поддержали все прикаспийские страны, кроме Туркменистана. Вопрос с их созданием до сих пор не решен, так как даже те страны, которые поддержали идею создания КАСФОР, на деле опасаются возрастания российского влияния в рамках этой структуры.

Россия также предложила создать Организацию Каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС), поскольку в настоящий момент нет такого международного объединения, где были

бы представлены все пять прикаспийских стран. И опять эта инициатива не нашла поддержки у всех прикаспийских стран. Против был Туркменистан, далее по ряду причин ее не поддержали Азербайджан и Казахстан. Хотя с точки зрения укрепления региональной безопасности на Каспии ОКЭС, возможно, – это единственный выход в сложившейся обстановке.

О необходимости такой организации говорит и то, что в регионе активно пытаются действовать внерегиональные акторы, такие как США, ЕС и Китай, которые продвигают в регионе свои экономические и geopolитические интересы, играя на противоречиях прикаспийских стран и тем самым ослабляя уровень доверия и безопасности в регионе.

В заключение автор отмечает, что интерес мировой политики к Каспийскому региону будет с каждым годом только возрастать. Он по-прежнему останется центром столкновений геополитических стратегий региональных и внерегиональных держав, где каждая из сторон будет пытаться завладеть определенными рычагами влияния на политику прикаспийских стран и получать от этого выгоду. Тревожным моментом стал рост милитаризации региона, в результате чего Каспий может превратиться в ближайшем будущем в один из самых нестабильных регионов мира. Отдельное напряжение создает противостояние между США и Ираном.

На территории Каспийского региона прибрежные государства до сих пор не имеют международно-правовой базы для сотрудничества. Прикаспийской пятерке необходимо активизировать свою внешнюю политику по созданию региональной организации, занимающейся проблемами безопасности и сотрудничества на Каспии. Действия стран «каспийской пятерки» должны быть сосредоточены на достижении следующих основных целей: единодушное признание Каспийского моря уникальным закрытым водоемом, который должен иметь свой особый, отличный от других морей, правовой статус, и использование Каспийского моря исключительно прикаспийскими государствами.

Кандидат политических наук В.В. Пушкирова [2] считает, что основной проблемой стран Каспийского региона является их разобщенность и неспособность создать надежный механизм по защите региональных интересов. Автор статьи отмечает, что если ранее, до распада СССР, зону Каспийского моря контролировали две страны – СССР и Иран, – то в настоящее время таких государств уже пять. К России, как правопреемнице СССР, и Ирану добавились Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Само появление понятия

«Каспийский регион» в международно-политическом звучании, а не в природно-географическом, обязано крушению bipolarной системы и распаду СССР. Впервые данным термином стали оперировать во внешнеполитическом ведомстве США, и только позднее указанные государства стали использовать его для самоидентификации.

Автор статьи пишет об отсутствии единой точки зрения по вопросу о структуре Каспийского региона. Первоначально речь шла о значимости каспийских энергоресурсов, запасы которых занимают 2-е место по объемам после зоны Персидского залива. Однако в последнее время стали выделять растущий военно-политический аспект Каспийского региона в мировой политике. Подтверждением этому служат успешное использование Россией Каспийского моря для запуска ракет по боевикам в Сирии, а также продолжающаяся милитаризация региона.

Что касается развития сотрудничества и тесного взаимодействия между странами региона, то здесь автор обозначает целый комплекс внутренних и внешних факторов.

К внутренним экономическим факторам автор относит следующие моменты: страны каспийской пятерки в настоящее время переживают сложности в экономике, особенно после падения цен на нефть, испытывают потребность в инвестициях и займах, в модернизации производства, в новых экологически чистых технологиях добычи нефти и газа. Обладание крупными запасами энергетического сырья вызывает стремление получить собственную выгоду либо за счет интересов соседей, либо за счет сотрудничества с внегосударственными странами, например с Китаем, Турцией или Европейским союзом. Мировые нефтяные компании воспользовались слабостью постсоветских государств, и большая часть каспийской нефти сегодня принадлежит иностранным инвесторам, которые и определяют пути транзита добытой нефти, причем над экономической целесообразностью начинает доминировать политический фактор. Например, Азербайджан предпочел бы заполнение своих трубопроводов туркменской нефтью, а для Туркменистана выгоднее сотрудничество с Китаем, куда идет большая часть добытого сырья.

В водах Каспийского моря обитает около 120 видов и подвидов рыб, здесь находится мировой генофонд осетровых, добыча которых составляет около 90% их общего мирового улова. Для сравнения: 1 кг черной белужьей икры стоит порядка 1 тыс. долл. (1 кг золотой икры белуги-альбиноса стоит 44 тыс. долл.), а 1 кг нефти – всего 50 центов. Это очень важный ресурс. Но пока

он занимает подчиненное положение по отношению к добыче углеводородов. Согласованных единых правил рыболовства и объединенного контроля всех прикаспийских государств за выловом осетровых на практике пока не существует, и на этом фоне также возникают разногласия между каспийскими государствами. Так, Иран против строительства Азербайджаном и Туркменистаном трубопровода в южной части Каспия, поскольку это нанесет серьезный ущерб экологии, вместо этого он предлагает пользоваться его инфраструктурой – газопроводами и терминалами для поставки газа на мировые рынки, нефтеперерабатывающими заводами. Большинство аспектов торгово-экономического, инвестиционного, энергетического и транспортного развития Каспийского региона носят трансграничный характер и не могут быть успешно решены усилиями отдельных государств.

Политические факторы. Региональный уровень конкуренции над углеводородными ресурсами Каспийского моря побуждает прибрежные государства наращивать свой военно-морской потенциал, и в этом им охотно помогают партнеры извне. В частности, США сотрудничают с Казахстаном, Туркменистаном. Турция тесно взаимодействует с Азербайджаном. Вовлеченность в военную сферу двух крупных региональных держав – Ирана и Турции, находящихся по разные стороны противостояния в отношениях с США, – усугубляет ситуацию.

С момента краха СССР в политике постсоветской элиты стали действовать тенденции на ослабление связей с Россией, в новых государствах возобладал национализм, сочетавшийся с возрождением религиозных ценностей, на первое место вышли клановые отношения, в которые русскоязычное население не вписалось. В настоящее время продолжается критика советского прошлого, кириллицу заменили на латиницу, не признаются советские дипломы.

Прикаспийский регион многообразен по этническому составу, что часто вызывает межэтнические противостояния. Как известно, в регионе продолжается очень сложный нагорно-карабахский конфликт. Также «Аль-Каида» и другие террористические группировки проявляют активный интерес к региону в условиях растущей конкуренции между нефтедобывающими государствами Персидского залива и Каспийского моря, способствуют распространению экстремистских религиозных течений. В трех странах Каспийского региона – Туркменистане, Азербайджане и Казахстане – проживает в основном тюркоязычное население. К тому же на территории России и Ирана

имеются многочисленные диаспоры тюркоязычных народов. С учетом этого так называемый тюркский фактор играет большую роль в происходящих в Каспийском регионе процессах. Активно действует соседняя Турция, считающая себя центром тюркского мира. Турцией была создана обширная сеть учебных заведений на территории Азербайджана, Казахстана, России, образовательные стандарты которых идут вразрез с устоявшейся светской парадигмой.

Говоря о внешних факторах, влияющих на нестабильность в регионе, автор отмечает, что регион является центром Евразии, здесь проходит транспортный транзитный коридор, связывающий Европу с различными регионами Азии. Поэтому здесь переплелись экономические, geopolитические интересы ведущих стран мира. Наибольшую активность проявляют США, ЕС, КНР, Турция. США, претендующие на роль глобального лидера, стремятся поставить под свой контроль экономику стран постсоветского пространства, добычу и транзит углеводородов, и поэтому вся деятельность США направлена на ослабление традиционных связей прикаспийских государств с Россией. США препятствуют и проникновению в регион Китая, пытаются столкнуть интересы России и КНР.

Проникновение Китая в Каспийский регион к настоящему времени можно считать самым успешным по сравнению с другими странами. Среди прикаспийских государств Китай уделяет преимущественное внимание Казахстану как наиболее богатому в сырьевом отношении государству, получая в первую очередь казахстанскую нефть. Выгодно для КНР и сотрудничество с Туркменистаном по вопросу поставок газа. Китай инвестировал значительные средства в добычу газа, который поступает потребителю по самой протяженной энергетической магистрали КНР – газопроводу «Запад – Восток». Для Туркменистана Китай является самым крупным внешнеторговым партнером.

Китайские фирмы также продолжают инвестировать в Иран и на самом деле получают выгоду от санкций США в отношении иранской ядерной сделки, поскольку европейские компании ведут себя очень осторожно в отношении сотрудничества с Ираном из-за санкций США. Геополитическое положение Каспия в целом хорошо вписывается в стратегию КНР «Один пояс – один путь». Так, для Китая Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ) обладает рядом преимуществ: он обходит российскую территорию, что укреп-

ляет энергетическое сотрудничество между Китаем и прикаспийскими государствами.

Каспийское море – это единственное море, на которое не распространяются положения Конвенции ООН по морскому праву. Озеро считается внутренними водами прибрежных государств. Каспий принадлежит всем странам, берега которых он омывает. На практике статус Каспия как озера означает согласие пяти ключевых держав исключить привлечение внешних стран к решению каких бы то ни было проблем. На военно-стратегическом уровне это означает, что акватория Каспия может быть использована только военно-морскими силами тех держав, которые имеют здесь свою часть берега. Это заведомо превращает Каспий в пространство, свободное от присутствия НАТО, а также и от набирающего силу в военной сфере Китая. Поскольку Каспийский регион примыкает с одной стороны к Кавказу, а с другой – к Центральной Азии и в обоих пространствах хватает различных угроз и факторов дестабилизации (от исламского терроризма до попыток натовского вмешательства во внутренние дела стран этого региона), важность договоренностей в военной сфере не менее значима, нежели раздел акватории Каспия.

Внешнеполитические условия, под влиянием которых находится Каспийский регион, непростые. Серьезной угрозой безопасности для всех государств остается потенциальная возможность осуществления «цветных» революций. Вполне реальная ситуация развития событий по принципу домино. Дестабилизация положения в одной из стран послужит фактором нестабильности во всех каспийских странах.

Автор останавливается на анализе ситуации в Иране, где в настоящее время очень сложная обстановка. Здесь возможен повтор событий, подобных событиям в Сирии или Ираке, что, в свою очередь, автоматически взорвет обстановку в соседних Азербайджане и Туркменистане. Реальная угроза и для Азербайджана со стороны радикальных исламистов, которая способна вызвать дестабилизацию положения на российском Северном Кавказе и просочиться в районы с мусульманским населением РФ.

В заключение автор пишет, что современная ситуация вокруг Каспия и состояние регионального сотрудничества не могут не вызывать серьезную обеспокоенность вопросами безопасности в регионе. Наблюдается активизация – под благовидным поводом «борьбы с международным терроризмом» – усилий США и НАТО по установлению военно-политического контроля над важнейши-

ми в геостратегическом отношении регионами мира, в число которых, безусловно, входит Каспийский регион. Усиление влияния глобальных держав, скрытое и открытое противоборство за управление энергоресурсами и транзитом, реализация политики, направленной на внесение разногласий, и окончательное разрушение традиционных связей в отсутствие механизма координации сотрудничества прикаспийской пятерки позволяют внeregиональным игрокам в целом контролировать положение.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Бибикова О.П.*

ТУРЦИЯ СТРОИТ НОВЫЙ КАНАЛ В ЧЁРНОЕ МОРЕ: ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

DOI: 10.31249/timm/2021.04.05

Аннотация. Президент Турции строит канал, параллельный каналу Босфор. Этот канал даст финансовую выгоду Турции, но возникнут трудности для других стран, в том числе и для России.

Ключевые слова: канал; Эрдоган; Босфор; Дарданеллы; ВМС России.

«Это моя мечта», – так президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган назвал проект «Стамбул», выступая 16 января 2020 г. Речь идет о канале, который он хочет построить параллельно проливу Босфор.

На самом деле идея создания искусственного транспортного канала возникла еще в XVI в. во времена правления султана Сулеймана Великолепного (1520–1566). Тогда речь шла о канале, который должен был соединить Измитский залив, узкий и длинный тектонический разлом на Анатолийском побережье, с озером Сапанка и рекой Сакарья. Характерно, что этот проект за 400 лет рассматривали семь разных султанов. Естественно, что в те времена не было необходимости строить канал для пропуска многотоннажных судов. Речь шла о перевозке древесины, основного строительного материала, как для зданий, так и кораблей. Предполагалось таким образом доставлять древесину не только в Стамбул, но и в Трабзон и Салоники. При наличии такого канала стоимость

* Бибикова О.П., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, e-mail: olbibikova@mail.ru

© Бибикова О.П., 2021

транспортировки древесины была бы ниже, в итоге кораблей и зданий строилось бы больше.

По поводу этого проекта было написано немало статей, авторы видели в его реализации выход из хронической отсталости, в которой в те времена пребывала Турция. В частности, турецкий историк Омер Фарук Йилмаз (1898–1969)¹ утверждал, что турецкие элиты считали отсутствие такого канала серьезным конкурентным недостатком по отношению к Европе, где каналы были обычным явлением уже в XIX в.

В 1994 г. к идеи построить канал (уже в европейской части Турции) вернулся лидер Демократической левой партии и бывший премьер-министр Турции Мустафа Бюлент Эджевит (1925–2006). Главной задачей нового канала Эджевит называл разгрузку Босфора. Он же придумал ему название – «Стамбул». Однако проект так и не был реализован.

26 апреля 2011 г. тогдашний премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган в своей речи сказал, что «мечта сбудется». Правда, в отличие от так и не реализованного проекта, новый проект предполагается осуществить на европейской части Турции, и не для поставок древесины, а для пропуска судов.

Согласно «Конвенции Монтрё о режиме турецких проливов»² (подписанной 9 ноября 1936 г.), все суда имеют право свободно перемещаться по проливу Босфор без необходимости прибегать к платным услугам лоцмана³. Согласно конвенции Турция не имеет права закрывать проход для простых судов, а проход военных судов строго регламентирован. Приоритет имеют причерноморские страны⁴.

¹ Yilmaz O.F. Beþ Asýrlýk Kanal Projesi (Channel Project for the last five centuries), Yedikýta, 2010, N 18. – P. 12–21.

² Конвенция Монтрё – конвенция о статусе проливов Босфор и Дарданеллы, принятая на Конференции, проходившей 22 июня – 21 июля 1936 г. в г. Монтрё (Швейцария), с участием СССР, Турции, Великобритании, Франции, Болгарии, Румынии, Греции, Югославии, Австралии и Японии. Конвенция была заключена на 20 лет с автоматическим продлением, если одна из подписавших сторон не предложит пересмотр условий Конвенции.

³ Тем не менее услуги лоцмана предоставляются.

⁴ После уведомления властей Турции черноморские государства могут проводить через проливы в мирное время свои военные корабли любого класса. Для кораблей нечерноморских держав введены существенные ограничения. Общий тоннаж военных судов нечерноморских государств в Чёрном море не должен превышать 30 тыс. тонн со сроком пребывания не более 21 суток. Если Турция

Зарубежная общественность проект нового канала «Стамбул» сравнила со строительством египетских пирамид, но уже скоро в турецкой печати о нем писали как о масштабном проекте, который должен не только разгрузить Босфор, но и обеспечить социально-экономическое развитие всего Marmara Bölgesi – мраморно-морского региона, включающего в себя 18 провинций.

Реализация проекта согласуется с первоначальными надеждами властей на существенное увеличение экономического роста страны и обеспечение Турции стратегического положения на международной арене. Этот проект был внесен в 11-й пятилетний план, принятый на период с 2019 по 2023 г. и включивший в себя грандиозные проекты, посвященные 100-летнему юбилею Турецкой Республики¹. Маршрут канала был утвержден в январе 2018 г., согласно которому новый канал пройдет к западу от Стамбула по территории районов Кючюкчекмедже, Сазлыдере и Дурусу (Küçükçekmece, Sazlidere и Durusu), он сможет пропускать около 160 судов в день, включая танкеры весом до 300 тыс. т.

Эрдоган объяснял причину строительства нового судоходного канала экономическими причинами. Согласно расчетам турецких специалистов, к 2050 г. через Босфор будут проходить примерно 78 тыс. кораблей в год, в то время как безопасный проход гарантировался 25 тыс. кораблей. «Мы смотрим на новый проект как на проект спасения будущего Стамбула. Мы провели все необходимые исследования, в том числе зондирование и оценку воздействия на окружающую среду»², – заявил Эрдоган.

Кроме того, турки задумались о расширении рекреативной зоны. Турция имеет обширную береговую линию четырех морей (Чёрное, Мраморное, Эгейское и Средиземное), теплых и пригодных для отдыха. Общая протяженность береговой линии Турции – 8333 км, из которых 1067 км приходится на береговую линию принадлежащих Турции островов. Туризм вносит существенный вклад в общий бюджет. Согласно официальным данным, доля доходов от туризма в 2019 г. (за период с января по сентябрь) дос-

посчитает, что для нее возникла военная угроза, она имеет право запрещать проход через проливы любых военных судов.

¹ Строительство планировалось закончить к 2025–2026 гг., однако в связи с тем, что в 2020 г. оно так и не началось, очевидно, сроки будут отложены.

² Эрдоган дал старт строительству канала «Стамбул», 26.06.2021 // <https://ria.ru/20210626/stambul-1738736758.html> (14.02.2021).

тигла 26,63 млрд долл.¹ В 2021 г. власти Турции поставили цель получить не менее 35 млрд долл. чистой прибыли от туристической отрасли². Однако пандемия внесла свои корректировки. В перспективе, если удастся создать новые курорты на побережье Чёрного и др. морей, то это принесет дополнительный доход стране.

Сооружение канала, по оценкам, обойдется Турции в 15 млрд долл., часть суммы, вероятно, привлекут из-за рубежа. Например, из Катара. Известно, что Эрдоган неоднократно посещал Доху, где, по всей видимости, заключал соглашения на много миллиардные инвестиции. Считается, что канал окупится за 15 лет: ожидаемая выручка – 1 млрд долл. в год³.

Проектировщики считают, что канал позволит осуществлять транзит судов объемом 300 000 DWT⁴, которые в среднем на 10% шире максимально допустимой ширины в других каналах, таких как, например, Суэцкий канал.

Более того, предполагается, что грунт, который будет вырыт в ходе осуществления проекта, пойдет на строительство нового аэропорта, рассчитанного на 60 млн пассажиров в год. Это будет третий аэропорт на европейской части Турции. Второй Стамбульский аэропорт, открытый 29.10.2018 г., уже зарекомендовал себя как один из крупнейших в мире с точки зрения пропускной способности (200 млн пассажиров в год)⁵. Новый аэропорт рассчитан на 60 млн пассажиров в год⁶.

Преимущество искусственного транспортного коридора будет заключаться в отсутствии крутых поворотов. Самый резкий

¹ В 2019 г. доходы Турции от туризма достигли \$26,63 млрд // [https://yandex.ru/news/story/V_2019_godu_dokhody_Turcii_ot_turizma_dostigli_\\$2663_mlrd--385770bb7cc371ef475ae70587dbff94?persistent_id=78591746#:~:text=%20январ%20по%20сентябрь%202019,достигли%2026%2C63%20млрд%20долларов](https://yandex.ru/news/story/V_2019_godu_dokhody_Turcii_ot_turizma_dostigli_$2663_mlrd--385770bb7cc371ef475ae70587dbff94?persistent_id=78591746#:~:text=%20январ%20по%20сентябрь%202019,достигли%2026%2C63%20млрд%20долларов). (14.02.2021).

² Экономика Турции в 2021 году: особенности, тенденции, уровень развития // <https://zagranportal.ru/turciya/zhizn-turciya/ekonomika-v-turciis.html>. (14.02.2021).

³ Сейчас суда платят около 1 тыс. долл. «за маяк», т.е. за проход по Босфору. Если ежегодно там проходит около 50 тыс. судов, выручка турецких властей составляет около 50 млн долл. Однако за транзит по новому каналу власти надеются собирать ежегодно около 1 млрд долл.

⁴ DWT (deadweight tons) – единица измерения общего веса транспортного судна, способного перевозить на борту грузы, топливо для дозаправки, экипаж, боеприпасы и т.д.

⁵ Turkish airlines switching to new airport. // <https://www.theguardian.com/cities/2019/apr/06/turkish-airlines-switching-to-new-airport-all-in-45-hours>.

⁶ Istanbul Canal: Erdogan's dream, Istanbul's nightmare // <https://www.dw.com/en/istanbul-canal-erdogans-dream-istambuls-nightmare/a-51849822>. (13.02.2021).

поворот Босфора составляет 90° . Учитывая сильные течения и плотное движение в проливе, это серьезно повышает риск аварий¹. Однако строительство канала «Стамбул» (параллельного проливу Босфор) будет только первым этапом. Вторым будет дублирование канала Дарданеллы.

Обычно каналы строят для того, чтобы сократить время нахождения транспорта в пути. Суэцкий канал экономит в среднем от 16 до 34 дней плавания, Панамский канал экономит от 5 до 14 дней. В случае проектируемого Стамбульского канала временной экономии не будет: продолжительность плавания до Чёрного моря из Мраморного моря останется прежней. Однако существенно сократится время ожидания прохода через канал. Средняя стоимость простоя составляет 20 тыс. долл. в сутки.

Перегруженность Босфорского канала общеизвестна: из-за постоянного трафика, возникшего в Босфоро-Дарданеллском проливе, судам иногда приходится ждать от 15 до 72 часов. Из 50 тыс. судов, ежегодно проходящих по каналу, 10 тыс. это нефтесливные танкеры от 150 до 500 тыс. т, самые пожароопасные объекты.

В проливах неоднократно случались столкновения судов и пожары, имевшие тяжелые последствия. В 1960 г. югославский танкер «Зоранич» столкнулся с греческим судном *World Harmony*. В воду попали 12 т бензина и 10 тыс. т нефти. Пожар перекинулся на район Истиние (северо-западная часть европейского побережья Босфора), который практически полностью выгорел. Горящее судно отнесло к району Бейкоз (Beukoz), в азиатской части города, где в результате погибли люди. Танкер пытал 52 дня. Для ликвидации пожара из США прибыло специальное судно для тушения пожаров на воде. В 1979 г. румынский танкер *Independent* столкнулся с греческим сухогрузом *Evriali* при входе в Босфор в районе вокзала Хайдарпаша на азиатском берегу. В результате аварии в воды Босфора попало 95 тыс. т нефти, зафиксировано 43 погибших². За полвека в водах пролива произошло 430 крупных аварий. На дне Босфора покоятся 27 крупных судов³.

¹ Дублер Босфора. Чем опасен «сумасшедший проект». // <https://sputnik-abkhazia.ru/Analytics/20210409/1032182820/Dubler-Bosfora-chem-opasen-sumasshedshiy-proekt-Erdogana.htm>(14.02.2021).

² Катастрофы и пожары в Босфоре // <https://zen.yandex.ru/media/psyist/katastrofy-i-pojarы-v-bosfore--5a93af5a48c85edfe7fab671>(24.02.2021).

³ Катастрофы и пожары в Босфоре <https://zen.yandex.ru/media/psyist/katastrofy-i-pojarы-v-bosfore--5a93af5a48c85edfe7fab671>(24.02.2021).

Проект канала «Стамбул» является чрезвычайно сложным не только из-за его целей, но и из-за выбора его местоположения, серьезного социально-экономического воздействия, которое он окажет на регион. Критики утверждают, что новый канал может нанести экологический ущерб территории, по которой он должен пройти. По мнению мэра Стамбула, социал-демократа Экрема Имамоглу¹, реальная стоимость строительства канала никак не может быть меньше \$80 млрд. Он считает, что в процессе реализации проекта могут возникнуть вопросы с обеспечением города пресной водой. Под угрозой засоления окажутся источники пресной воды на европейской части Стамбула, а также озеро Теркос (Terkos), откуда брали воду еще в античные времена. Чтобы компенсировать потери, придется снабжать город водой из Азии, а это будет дороже, и качество речной воды там ниже.

Мэр Стамбула назвал этот проект «предательством Стамбула»². В знак протеста он прекратил действие протокола о сотрудничестве, который предыдущий муниципалитет согласовал с правительством.

Професор Доганай Толунай (Стамбульский университет) считает, что канал угрожает сложной экосистеме региона: «Дюнные ландшафты на севере являются домом для охраняемых лесов, ручьев и пастбищ, которые важны для экосистемы и являются домом для сотен видов растений и животных»³. Кроме того, по его мнению, канал и жилые комплексы по его берегам будут построены в сейсмоопасной зоне и т.д.

Против «стройки века» высказались турецкие экологи. Они утверждают, что в результате «может нарушиться хрупкий баланс между Чёрным и Мраморным морями. Соленость Чёрного моря ниже, чем Мраморного. Вода из Чёрного моря начнет перетекать в Мраморное море вместе с бактериями, что в итоге приведет к обмелению Черного моря и загрязнению Мраморного»⁴. По мнению океанографа Джемала Сайдами, профессора Университета Хаджеттепе

¹ Экрем Имамоглу является членом Республиканской народной партии. Имамоглу может стать основным противником Эрдогана на президентских выборах в 2023 г.

² «Предательство Стамбула»: Турция начала «стройку века», которая сделает ее мировой державой // <https://www.business-gazeta.ru/article/514702>. (4.02.2021).

³ Новый мегапроект Эрдогана: благо или вред для Стамбула?// <https://www.dw.com/ru/novyyj-megaproekt-jerdogana-blago-ili-vred-dlja-stambula/a-57991886>. (21.02.2021).

⁴ «Предательство Стамбула»: Турция начала «стройку века», которая сделает ее мировой державой // <https://www.business-gazeta.ru/article/514702>. (21.02.2021).

в Анкаре, «строительство канала повлечет за собой необратимые последствия для экосистем Чёрного и Мраморного морей. Сложность ситуации заключается в том, что уровень Чёрного моря превышает уровень Мраморного – приблизительно на 30–50 см. В проливе Босфор другая ситуация: там действуют два разнона правленных течения, которые не позволяют Чёрному морю обмельть, поскольку питают его водами “соседа”»¹.

Мнение турецких экологов совпадает с мнением российских гидрологов, которые напоминают о том, что «Чёрное море когда то было таким же внутренним водоемом, как Каспий. Вода в море... гораздо преснее, чем в Мраморном, но таков только ее верхний слой. На глубине примерно 200 м кислорода в водной массе практически уже нет, и море представляет собой безжизненную сероводородную среду, в которой нет ничего живого. При этом Чёрное море является самым большим хранилищем сероводорода среди всех морей нашей планеты. И ситуация ухудшается. Эта относительно пресная поверхностная прослойка воды становится все тоньше. Если прослойку прорвет, то сероводород хлынет в атмосферу, возникнет экологическая катастрофа»². Кроме того, специалисты предупреждают, что канал может оказать негативное влияние на линии тектонических разломов, которые залегают глубоко под территорией Стамбула. Новый канал превратит стамбульскую агломерацию в остров и сделает ее менее защищенной от землетрясений. Однако Эрдоган не разделяет мнения экологов.

Скептики считают, что Эрдоган использует проект для того, чтобы отвлечь население Турции от своих экспансиионистских планов в Сирии, Ливии, Афганистане, на средиземноморском шельфе, где он вступил в конфликт с Грецией, на армяно азербайджанском направлении и т.д. Не последнюю роль играют слухи, согласно им земельные участки вдоль будущего канала уже скуплены близким окружением президента, которое обогатится на проекте³. Народно-республиканская партия, крупнейшая оппозиционная партия Турции, раскритиковала проект как осуществляе-

¹ Дублер Босфора: чем опасен сумасшедший проект Эрдогана // <https://sputnik-abkhazia.ru/analytics/20210409/1032182820/Dubler-Bosfora-chem-opasen-sumasshedshiy-proekt-Erdogana.html> (11.02.2021).

² «Предательство Стамбула»: Турция начала «стройку века», которая сделает ее мировой державой. // <https://www.business-gazeta.ru/article/514702>. (21.02.2021).

³ Новая война за Босфор. Эрдоган ставит на Россию // <https://ria.ru/20210407/bosfor-1727055401.html>. (4.02.2021).

мый «за спиной налогоплательщика»¹. По данным опросов, до 80% жителей города выступают против нового канала².

Президент Турции хорошо известен своей склонностью к гигантским проектам в Стамбуле, будь то новый аэропорт, туннели, идущие под Босфором³, – все это он построил за короткое время. Добавим сюда перепрофилирование христианских храмов под религиозные нужды турецких мусульман и т.д. В этом же контексте можно вспомнить российско-турецкий атомный проект «Аккую»⁴.

Очевидно, что ввод нового канала неизбежно приведет к временному закрытию канала через Босфор, который нуждается в очистке. В ряде исследований отмечается сильное загрязнение, вызванное сбросом отработанной воды с судов, а также балластной воды. Кроме того, морские перевозки неизбежно связаны с нарушениями экосистемы, особенно в тех случаях, когда судно пересекало несколько морей с различной фауной и флорой. С 1990-х годов Босфор уже страдает от распространения медузы, первоначально обитавшей у берегов Северной Америки, которая была завезена судами. Весной 2021 г. поверхность Мраморного моря покрылась слизью. Это так называемая «морская слюна», которая появилась из-за загрязнения – неочищенных сточных вод, сбрасываемых в море. Она имеет желеобразную текстуру, состоящую из разнообразных органических компонентов, в том числе отмерших водорослей, плоти животных. Специалисты считают, что причиной ее возникновения являются отходы, которые люди сбрасывают в воду, а также климатические перемены. Обычно подобные массы формируются на тех участках воды, которые теплее остальных. Эта слизь кажется поверхностной, но ее толщина местами достигает 40 м. Естественно, что она отрицательно воздействует на жизнь

¹ Народно-республиканская партия (НРП) Турции создана в 1923 г. основателем и первым президентом Турецкой Республики Мустафой Кемалем Ататюрком.

² «Предательство Стамбула»: Турция начала «стройку века», которая сделает ее мировой державой // <https://www.business-gazeta.ru/article/514702>. (21.02.2021).

³ Речь идет о третьем аэропорте Стамбула (2018), двух туннелях – железнодорожном «Мармарай» (2013) и автотранспортном «Евразия» (2016).

⁴ АЭС «Аккую» сооружается по российскому проекту, включающему в себя строительство и ввод в эксплуатацию четырех энергоблоков с реакторами типа ВВЭР-1200. 10.03.2021 г. состоялась торжественная церемония, посвященная началу строительства третьего энергоблока. Доля российской атомной госкорпорации в проекте составляет 99,2%, а общая стоимость оценивается на уровне 20 млрд долл.

морских обитателей. Кроме того, необходимо очистить дно пролива от скопившейся там смеси нефтепродуктов. Утечка нефтепродуктов – довольно частое явление, обычно это происходит в результате столкновения судов. Так, в декабре 1999 г. танкер российского производства раскололся надвое в устье пролива, разлив топлива привел к загрязнению шести миль побережья.

У нового канала будут преимущества. Дело в том, что канал «Стамбул» будет более прямым, в то время как проходя через Босфор некоторые суда, чтобы добраться из одного конца пролива в другой, должны маневрировать 15 раз во время своего перехода. Два из его 15 маневров – у берегов Пашабахче и перед Еникеем – считаются особенно опасными, так как требуют выполнения поворотов на 85° и 70° .

Стоимость прохождения по проливу зависит от осадки судна¹, тоннажа, высоты палубного груза, времени подачи заявки на проход через пролив. Кроме того, за проход через пролив владельцы судов оплачивают «маячный сбор» на поддержание работы навигационных знаков, по которым ориентируются капитаны.

В 1994 г. Турция ввела дополнительные правила, согласно им суда длиной от 150 до 200 м должны уведомлять о своем проходе за сутки администрацию пролива, суда от 200 до 300 м с осадкой более 15 м – за 48 часов. О прохождении судов длиной более 300 м морская администрация Турции должна быть уведомлена за 10 дней². Еще одно новое правило было введено для судов, перевозящих военные грузы³, эти суда теперь приравниваются к военным. Прецедентом, послужившим к инициированию такого шага, стала попытка США доставить военные товары через Босфор коммерческими судами в августе 2008 г. во время вооруженного конфликта в Южной Осетии.

Естественно, что правила прохода через проливы, зафиксированные в Конвенции Монтрё 1936 г., на новый канал распро-

¹ Осадка военного или гражданского судна – показатель глубины погружения корпуса корабля в воду, точнее, это расстояние от водной поверхности до самой нижней точки днища судна.

² Новые правила прохода судов через Босфор и Дарданеллы: почему Турция ужесточает требования – Центр транспортных стратегий // https://cfts.org.ua/articles/novye_pravila_prokhoda_sudov_cherez_bosfor_i_dardanelly_pochemu_turtsiya_uzhestochaet_trebovaniya_1454. (21.02.2021).

³ Предпосылкой для внесения данной поправки к правилам послужила попытка США доставить военные товары через Босфор коммерческими судами в августе 2008 г. во время вооруженного конфликта в Южной Осетии.

страняться не будут. Проливы Босфор и Дарданеллы являются природным проходом из одного моря в другое. Что касается канала «Стамбул», то речь идет об искусственном водном проходе, строительство которого взяла на себя Турция. В связи с этим Турция имеет право брать плату за проход абсолютно со всех судов, будь то гражданские или военные. Однако возникает вопрос о правах причерноморских государств, которые были зафиксированы в Конвенции Монтрё, но в новых условиях необходимо учесть их мнение относительно количества судов, их классификации и т.д., численности судов, находящихся одновременно в Чёрном море.

Очевидно, что Анкара не остановится на строительстве параллельного Босфору канала. Уже существует проект, благодаря которому возникнет дублер пролива Дарданеллы. Он не будет столь затратным, так как его длина будет намного короче. В результате осуществления второго проекта полуостров Галлиполи (так же, как и территория вокруг города Стамбул) станет островом. Таким образом, Турция создаст новый, искусственный путь из Средиземного в Чёрное море (с заходом в Мраморное).

Учитывая военно-политическую ситуацию в Восточном Средиземноморье, следует просчитать последствия строительства этого огромного проекта для Российской Федерации, которая активно пользуется черноморскими проливами, как в коммерческих, так и военных целях.

Турция, будучи членом НАТО, в новых условиях может заключить специальное соглашение со своими партнерами о режиме судоходства по каналу «Стамбул». Не исключено, что Анкара наядется таким образом «запереть» российский флот в Чёрном море. Российское и иранское присутствие в Сирии мешает Эрдогану осуществить его планы по захвату ряда территорий Сирии, в первую очередь находящегося на северо-западе Сирии Идлиба. И хотя Алексей Ерхов, посол России в Турции, заявил, что «наличие или отсутствие дополнительной водной артерии в виде канала “Стамбул” между Чёрным и Мраморным морями не изменит международно-правовой режим конвенции Монтрё...»¹ очевидно, что осуществление этого проекта создаст определенные трудности для российского флота.

По мнению некоторых экспертов, проект «альтернативного Босфора» выдвинут Эрдоганом в качестве определенного элемента

¹ Посол России прокомментировал строительство канала «Стамбул» в Турции. 27.12.2019 // <https://ria.ru/20191227/1562947557.html> (21.02.2021).

торга с Москвой и как инструмент влияния на процессы в регионах Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья¹.

В контексте сирийской политики Эрдогана очевидно: таким образом он хочет минимизировать присутствие российского флота у берегов Сирии, препятствовать поставкам вооружения и продовольствия в эту страну, что, по мнению Эрдогана, должно способствовать смещению Б. Асада и замене его более лояльной для Турции фигурой. Есть и более дальние цели – заявить о Турции как мировой державе и попытаться осуществить главную цель Эрдогана – восстановить под своим влиянием территорию Османской империи.

О том, что Эрдоган хочет «похоронить» конвенцию Монтрё, свидетельствует его раннее высказывание. В 2011 г., когда план нового канала только обсуждался, Эрдоган заявил: «Движение на Босфоре будет сведено к нулю... Водные виды спорта будут проходить на Босфоре, будет наложен транспорт в пределах города, Стамбул вернется к своим прежним временам»². Это высказывание опубликовал авторитетный журнал New Civil Engineer (Великобритания)³.

Новый канал не подпадает под юрисдикцию Конвенции Монтрё, поскольку искусственный канал не является проливом⁴, поэтому судовладельцам, как мы уже отмечали, придется платить за проход, прибегать к услугам лоцманов и платить другие сборы. В случае наличия обоих транспортных путей выгодный и свободный статус Босфора, по сравнению с дорогим Стамбульским каналом, вряд ли будет побуждать транспортные суда к использованию нового водного пути.

Как отмечалось ранее, суда, проходящие через пролив Босфор, не должны платить налоги или пошлину. Относительно будущего канала турецкие власти уж объявили, что они планируют

¹ Эрдоган продвигает «альтернативный Босфор»: Россия насторожилась. // <https://eadaily.com/turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2020/01/16/erdogan-prodvigaet-alternativnyy-bosfor-rossiya-nastorozhilas>. (14.05.2021).

² Турция построит обход Босфора // <https://www.newcivilengineer.com/archive/turkey-to-build-bosphorus-bypass-28-04-2011/> (21.02.2021).

³ New Civil Engineer – ежемесячный журнал для членов Института гражданских инженеров (ICE), британского чартерного органа, который контролирует практику гражданского строительства в Великобритании.

⁴ Yildirim: Le Canal Istanbul n'a pas de lien avec la... // <https://www.aa.com.tr/fr/turquie/yildirim-le-canal-istanbul-na-pas-de-lien-avec-la-convention-de-montreux-sur-les-d%C3%A9troits/1032894> (17.08.2021).

ввести оплату¹, чтобы финансировать обслуживание Босфора, как это делается для других каналов. Ожидается, что канал будет пропускать около 55 тыс. судов в год (по сравнению с 41 тыс. для Босфора в 2019 г). Напомним: в 2018 г. через Суэцкий канал прошло в общей сложности около 18 тыс. судов².

В апреле 2021 г. в Турции произошел громкий скандал. Сначала спикер парламента страны Мустафа Шентоп заявил, что президент Эрдоган «хоть завтра» может выйти из Конвенции³. Его заявление вызвало жесткую критику. Затем 103 отставных адмирала турецкого военно-морского флота написали открытое письмо, где выразили свое беспокойство возможным выходом Турции из международного соглашения 1936 г. Этот выпад возмутил турецкое руководство, и после того как генпрокуратура начала расследование, 14 адмиралов были арестованы⁴.

В своем письме адмиралы назвали конвенцию Монтрё дипломатической победой Турции, восстановившей ее суверенные права на проливы Босфор и Дарданеллы. Авторы письма заявили о неприемлемости дискуссии о пересмотре этого соглашения в связи с проектом канала «Стамбул». Также в письме выражалось мнение о необходимости сохранения нынешней Конституции Турции на фоне призывов турецкого лидера Реджепа Тайипа Эрдогана к разработке нового Основного закона страны, которые они рассматривают как стремление «отказаться от заветов основателя республики Мустафы Кемаля Ататюрка».

В турецкой печати прослеживается неоднозначное отношение к проекту Эрдогана. Так, колумнист газеты «Эвренсель» Юсуф Карадаш пишет: «Эрдоган в своих заявлениях подчеркивал, что конвенция Монтрё ограничивает суверенитет Турции над проливами, но над каналом "Стамбул" суверенитет будет полностью в

¹ Turkey: Istanbul canal project/ // <https://www.trtworld.com/turkey/turkey-s-istanbul-canal-project-explained-20758> (17.08.2021).

² В 2019 г. через Босфор проходит более 41 тыс. судов // <https://www.aa.com.tr/en/economy/over-41-000-vessels-pass-through-bosphorus-in-2019/1722573> (17.08.2021).

³ Деркул О. Реджепа понесло: Стамбульский канал и Конвенция Монтрё. 20.04.2021// <https://www.ritmeurasia.org/news-2021-04-20-redzhepa-poneslo-stambulskij-kanal-i-konvencija-montre-54277> (12.08.2021).

⁴ Что стоит за арестами адмиралов в Турции // <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/07/chto-stoit-za-arestami-admiralov-v-turcii-53324.html> (04.07.2021). В защиту 10 арестованных адмиралов выступил Мухаррем Индже, который на президентских выборах в Турции в 2018 г. был основным соперником Эрдогана.

руках Турции. Кроме того, турецкий лидер говорил: Турция будет сохранять приверженность конвенции Монтрё до тех пор, пока не найдет более хорошей возможности». По мнению автора, «Эрдоган рассматривает канал “Стамбул” как проект, который сделает конвенцию Монтрё недействительной и приоткроет двери для нового торга вокруг проливов»¹. Турецкий журналист Таха Акйол в своей статье «Что дала конвенция Монтрё?» пишет: «Открыть канал, правила пользования которым не установлены международными документами, и тем самым нейтрализовать действие конвенции Монтрё, опасно»².

Нет сомнений в том, что с вводом в строй канала «Стамбул» Анкара получит новые рычаги давления на своих черноморских соседей. Эксперты склонны видеть в происходящем желание президента Эрдогана укрепить влияние Турции в регионе. Действительно, Турция может стать основным модератором трафика в Черноморско-Восточносредиземноморском бассейне. Подобная ситуация рискует внести дополнительные трудности в и без того запутанную конфигурацию сирийского конфликта.

Очевидно, потребуется новая международная дискуссия по поводу правового положения судов в Чёрном море, пользования проливом Босфор, а также новыми каналами. Представьте ситуацию: согласно Конвенции Монтрё военные суда не могут пребывать в Чёрном море дольше трех недель, а их общий тоннаж не должен превышать 45 тыс. т. Но это положение обязательно для судов, прошедших Босфор. А если другие суда в это же время прошли через канал «Стамбул»? Эрдоган вполне способен прибегнуть к манипуляциям, ведь статус нового канала пока никак не обозначен.

Кроме того, ситуация в Чёрном море может измениться после выхода в его акваторию кораблей Казахстана, Азербайджана и Ирана через канал «Евразия», большая часть которого пройдет по естественной Кумо-Манычской впадине³. Строительство канала

¹ Караташ Ю. Канал «Стамбул» и конвенция Монтрё: кто говорит правду? 02.07.2021 // <https://inosmi.ru/news/20210702/250028771.html> (17.08.2021).

² Акйол Т. Что дала конвенция Монтрё? Karag (Турция): 26.01.2020 // <https://inosmi.ru/politic/20200126/246690293.html> (12.08.2021).

³ Кумо-Манычская впадина (по названиям рек Кума и Маныч) – узкая низменность тектонического происхождения, разделяющая Ергенинскую и Ставропольскую возвышенности. Является древним проливом, соединявшим в геологическом прошлом Чёрное и Каспийское моря // Кавказский Узел: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/363058/> (15.08.2021).

инициировала Россия, хотя идея такого канала появилась нескользко веков назад. В этом канале заинтересован, прежде всего, Казахстан, который таким путем может получить доступ в мировой океан. Канал «Евразия» придаст хороший импульс развитию ЕАЭС, будет способствовать более тесному сотрудничеству России и Казахстана. Одновременно канал выгоден и Индии, она получит возможность отправлять свои товары в Европу. Одним из инвесторов проекта является Китай, реализовывающий стратегию «Один пояс – один путь». Некоторые аналитики считают, что канал «Евразия» будет работать на переориентацию экономики Европы с США на Китай. В Турции этот канал рассматривается как возможность развивать более тесные связи с тюркскими государствами Центральной Азии.

В заключение следует признать, что у России, несмотря на опасность запереть ее военно-морской флот в Чёрном море, есть средства препятствовать подобным действиям, предложив возможность пользоваться каналом «Евразия».

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Азимов К.С.*

ПОЛОЖЕНИЕ СИРИЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ЛИВАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.31249/rimm/2021.04.06

Аннотация. В настоящее время в Ливане находятся 1,5 млн беженцев из Сирии. Для страны, состоящей в перманентном экономическом кризисе, это непомерная ноша. Однако сирийцы не хотят пока возвращаться на родину. Одно из последствий сложившейся ситуации – ухудшение отношений между братскими народами.

Ключевые слова: Ливан; Сирия; беженцы; экономический кризис; утрата надежд и доверия к властям.

* Азимов К.С., кандидат исторических наук, старший преподаватель Университета востоковедения (Узбекистан), e-mail: k.azimov@inbox.ru

© Азимов К.С., 2021

26 декабря 2020 г. в районе Минья на севере Ливана был подожжен лагерь сирийских беженцев. В лагере проживали 75 семей. По словам очевидцев, пожар возник в результате ссоры между сирийскими рабочими из числа беженцев и ливанскими работодателями из местного клана Аль-Мир. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) сообщило о госпитализации нескольких пострадавших. Это не первый случай проявления агрессии со стороны ливанцев по отношению к сирийским беженцам. За месяц до событий в лагере 270 сирийских семей покинули город Бшарре на севере Ливана после того, как выходец из Сирии застрелил ливанца.

На территории Ливана находятся около 1,5 млн сирийских беженцев, большая часть которых проживают в лагерях в долине Бекаа и в районе Аккар на севере страны. Организация ЮНИСЕФ утверждает, что более 90% сирийских семей находятся за чертой бедности. Ливанские власти неоднократно призывали международное сообщество оказать помощь в достойном возвращении сирийцев домой. Сирийские власти при поддержке РФ провели в ноябре в Дамаске первую международную конференцию по возвращению беженцев в САР, однако западные страны проигнорировали эту инициативу.

Экономический, политический и медико-санитарный кризисы, в последние годы сильно затронувшие ливанское население, также приводят к многочисленным последствиям для сирийских беженцев в Ливане. Это и без того уязвимое до кризиса население сейчас находится в критическом положении. Отсутствие надлежащего правового статуса, ухудшение и без того тяжелых условий жизни и напряженность в отношениях с ливанским обществом усиливают его уязвимость. При этом большинство беженцев не проявляют готовности к возвращению на родину.

Ливан не подписал Женевскую конвенцию «О статусе беженцев» (1951)¹ и дополнительный Протокол (1967). Причиной этого стало нежелание иметь на своей территории палестинцев, которые, пользуясь близостью территории Израиля, долгое время организовывали против него террористические вылазки. В результате ответных мер страдало мирное население Ливана. В 1982 и 2006 гг. именно присутствие палестинцев в Ливане стало причиной вооруженных конфликтов между этими странами.

¹ Конвенция о статусе беженцев принята 28.07.1951 г. на Конференции полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, состоявшей на основе резолюции 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14.12.1950.

К 2017 г. численность беженцев в Ливане (палестинцев, сирийцев, иракцев, сомалийцев и др.) составила около 2 млн человек. В среднем на каждую тысячу ливанцев приходится 232 беженца¹. По численности беженцев на тысячу коренных жителей Ливан на первом месте в мире². Следует также отметить, что вместе с сирийцами в Ливан перебрались и палестинцы, жившие до этого в нескольких беженских лагерях на территории Сирии. Именно этими причинами можно объяснить негативное отношение ливанцев к тем, кто ищет убежища в этой стране. После того, как из Сирии, где началась гражданская война, в Ливан устремились беженцы, ливанское правительство отказалось организовывать лагеря для временного проживания сирийских беженцев, аргументируя свою позицию негативным опытом пребывания в стране палестинцев. Однако с течением времени руководство страны пришло к выводу, что разумнее держать беженцев под контролем. 11 сентября 2014 г. министр социальных дел Рашид Дербас объявил о создании первых лагерей в долине Бекаа и на севере страны.

Находящиеся на территории Ливана сирийцы существенно ограничены в правах, они не имеют статуса беженца, хотя и соответствуют всем требованиям международного права. Правительство Ливана квалифицирует их в качестве «временно перемещенных лиц», в результате чего они не могут претендовать на особую защиту. Подобная позиция ливанского правительства объясняется политическими соображениями, а так же, как мы уже отмечали, опытом долгосрочного присутствия в стране палестинских беженцев³, перебравшихся в Ливан в период с 1948 по 1967 г.⁴

Ливанское государство разрешило Управлению верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ – UNHCR) провести

¹ Численность перемещенных лиц в мире достигла нового рекордно высокого уровня. 19.06.2015 // <https://russian.dbw.cn/system/2015/06/19/000985082.shtml> (дата обращения: 18.07.2021).

² Les syriens, premier contingent de réfugiés au monde. 07.01.2015, http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2015/01/07/les-syriens-premier-contingent-de-refugies-au-monde_4550394_3218.html#GOlf6KEJWmmt0sx4.99 (дата обращения: 18.07.2021).

³ По данным статистики, в 2017 г. общее количество палестинских беженцев в Ливане составило 174 242 человека, 45% из них, т.е. 78 897 человек проживают в лагерях.

⁴ Jean-Yves Le Drian: «Nous avons vécu une année terrible mais nous avons tenu» 13.12.2020 // <https://www.lefigaro.fr/international/le-drian-nous-avons-vecu-une-annee-terrible-mais-nous-avons-tenu-20201213> (дата обращения: 16.07.2021).

регистрацию сирийских беженцев до 2015 г. В результате статус беженца был предоставлен сирийским гражданам, который, хотя и не признавался Ливаном, давал право на получение временного вида на жительство. Согласно достигнутому соглашению с ливанским правительством, сирийским беженцам была оказана помощь при условии, что как только конфликт закончится, сирийцы вернутся на родину или эмигрирует в третью страну.

Однако ситуация в Сирии продолжала ухудшаться, и в том же 2015 г. ливанские власти приняли ряд мер, направленных на сокращение притока беженцев в Ливан. С тех пор сирийские граждане вынуждены получать визы для въезда на территорию Ливана¹. В заявлении на предоставление визы они должны указывать, что целью их приезда является «краткосрочное пребывание» в Ливане².

Ужесточение условий пребывания привело к увеличению числа сирийцев, незаконно проживающих на ливанской территории. Дело в том, что граница между этими двумя государствами никогда не была строго контролируема. Поэтому назвать точное количество сирийских беженцев в Ливане невозможно. Согласно оценкам ливанских властей, из 1,5 млн сирийских «перемещенных лиц», находящихся в настоящее время в Ливане, только 879 тыс. зарегистрированы службами ООН³.

Что касается сирийцев, которые нашли убежище на ливанской территории до 2015 г., то их положение регулируется протоколом UNHCR. Сирийцы, получившие в свое время регистрацию в Ливане через UNHCR, могут бесплатно продлевать свой вид на жительство. Для тех, кто не зарегистрирован, остается возможность найти спонсора и заплатить 200 долл., чтобы получить вид на жительство⁴. Это достаточно затруднительно для людей, находящихся в крайне неблагоприятном положении. Таким образом,

¹ Pour réguler l'afflux des réfugiés syriens, le Liban impose des visas, *Le Monde*, 05.01.2015 // http://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2015/01/05/le-liban-regule-l-entree-des-refugies-syriens-en-leur-imposant-d-obtenir-un-visa_4549504_3218.html#Ua4yvCj2PoyKucyQ.99 (дата обращения: 11.07.2021).

² Liban – La reconstruction de Beyrouth coûtera 2,5 milliards. // <https://www.leparisien.fr/international/beyrouth-la-reconstruction-de-la-ville-coutera-au-moins-2-5-milliards-de-dollars-04-12-2020-8412465.php> (дата обращения: 8.07.2021).

³ Lebanon European Civil Protection and Humanitarian Aid... // https://ec.europa.eu/echo/where/middle-east/lebanon_fr (дата обращения: 04.07.2021).

⁴ Millions of Syrians' lives depend on whether they're designated as 'refugees' // <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/03/06/why-it-matters-what-we-call-syrian-refugees/> (дата обращения: 13.07.2021).

регистрация в Агентстве ООН по делам беженцев является ключом к правовой защите.

По данным НПО по защите беженцев, три четверти сирийских беженцев, находящихся в Ливане, не имеют законного места жительства. Большинство из них живут в палатках в регионе Шуф или Бекаа, где доступ к воде или электроэнергии ограничен. Они испытывают постоянный страх быть арестованными силами безопасности. УВКБ, ЮНИСЕФ и Всемирный банк смогли обеспечить школьное образование только для 100 тыс. сирийских детей¹.

С притоком сирийцев на ливанскую территорию растет преступность. Властями десятков муниципалитетов были приняты меры против тех, кого стыдливо называют «иностранными рабочими», т.е. нелегально работающих сирийцев. В частности, только для них был введен комендантский час. Эта мера была введена в связи с тем, что пытаясь бороться с нестабильной ситуацией, некоторые беженцы становятся агрессивными и крадут то, что они не в состоянии честно приобрести. Кроме того, бытовая неустроенность толкает беженцев на преступления. А места их проживания становятся накопителем мусора (до 7,5 т мусора ежедневно), а также местом незаконного промысла и формирования криминальных группировок.

В мае 2015 г. ливанское правительство приостановило регистрацию УВКБ ООН сирийских беженцев, это привело к сокращению доли официально зарегистрированных беженцев. Однако сирийцы, обращающиеся в офисы УВКБ ООН, по-прежнему считаются «зарегистрированными», что сохраняет за ними доступ к гуманитарной помощи и поддержке, как и зарегистрированным беженцам, но они не могут рассчитывать на правовую поддержку, предоставляемую зарегистрированным беженцам.

Некоторые сирийские граждане, не имеющие права на законное проживание в Ливане, были арестованы и депортированы в Сирию². Подобная ситуация сделала сирийцев уязвимыми перед колебаниями политических интересов. Власти Ливана порой име-

¹ Haddad S. Kamel Mohanna: La situation des réfugiés syriens est catastrophique et explosive, L’Orient-Le Jour, 29.10.2014 // <http://www.lorientlejour.com/article/893473/kamel-mohanna-la-situation-des-refugies-syriens-est-catastrophique-et-explosive.html> (дата обращения: 14.07.2021).

² Millions of Syrians' lives depend on whether they're designated as 'refugees' // <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/03/06/why-it-matters-what-we-call-syrian-refugees/> (дата обращения: 16.07.2021).

ют противоречивые намерения. С одной стороны, прием такого большого количества беженцев стратегически важен при обращении к международным донорам, с другой – политики опасаются долгосрочного присутствия сирийцев и их потенциальной натурализации. Тем не менее, согласно обычному международному праву, Ливан обязан соблюдать принцип «невыдворения», который применяется против возвращения в страну, в которой данное лицо имеет основания опасаться преследования.

Отсутствие права на легальное проживание и ограниченный доступ к экономическим ресурсам делают условия жизни сирийских беженцев очень сложными. Лица, не имеющие вида на жительство, не могут получить разрешение на работу, а если работают, то делают это незаконно и за небольшую плату. Даже тех, кто на законных основаниях проживает на территории, правительство Ливана в декабре 2014 г. ограничило их возможности работой в сельском хозяйстве, строительстве и уборкой помещений и улиц.

С ухудшением экономической ситуации сирийские беженцы столкнулись не только с потерей рабочих мест, но и взлетом цен на основные продукты питания. УВКБ ООН, Всемирная продовольственная программа и детский фонд Организации Объединенных Наций сообщили о тревожном факте в своем последнем докладе об оценке уязвимости сирийских беженцев в Ливане в конце 2020 г. Почти 89% сирийских беженцев в настоящее время живут за чертой крайней нищеты по сравнению с 55% в 2019 г. Кризис вынудил многие семьи сократить потребление пищи. Некоторые из них уже не в состоянии удовлетворить свои основные потребности и сталкиваются с голодом, а также отсутствием доступа к медицинской помощи¹.

Еще до вспышки коронавируса в Ливане половина семей сирийских беженцев довольствовалась менее чем 2,9 долл. США на человека в день, а 58% детей школьного возраста не посещали школу².

Что касается положения коренного населения Ливана, то в докладе Экономической и социальной комиссии для Западной Азии (ЭСКЗА), опубликованном в сентябре 2020 г., освещаются

¹ 49% of Syrian refugee are food insecure in 2019 // <https://www.unhcr.org/lb/wp-content/uploads/sites/16/2020/12/Postcards-VASYR-2020.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).

² Lebanon European Civil Protection and Humanitarian Aide Humanitaire // https://ec.europa.eu/echo/where/middle-east/lebanon_fr (дата обращения: 11.07.2021).

серьезные последствия многочисленных кризисов для уровня жизни ливанского населения. В настоящее время Ливан серьезно страдает от экономического и финансового кризиса, который привел к росту безработицы и обнищанию ливанского общества. Все большее число ливанцев в настоящее время сталкивается с трудностями в удовлетворении своих основных потребностей, в том числе в продовольствии. Кроме того, пандемия коронавируса усиливает экономическую нестабильность страны. По данным на май 2020 г., 55% населения живет в нищете по сравнению с 28% предыдущего года. Из общей численности населения (по оценкам, это 4,8 млн человек) в Ливане в 2020 г. насчитывалось 2,7 млн малоимущих, что на 1,4 млн больше, чем в предыдущем году¹. 14 января 2021 г. были введены новые строгие меры сдерживания в связи с эпидемией коронавируса. Эти меры включают достаточно жесткие ограничительные действия, вплоть до закрытия подавляющего большинства продовольственных магазинов, что еще больше усугубляет положение как сирийских беженцев, так и ливанцев, находящихся в нестабильной ситуации.

В экономическом плане, особенно после взрыва в бейрутском порту (04.08.2020), ущерб от которого составил от 3 до 5 млрд долл., Ливан нуждается в международной поддержке. Однако в контексте общих проблем (нехватка ресурсов, задолженность, безработица, политическая нестабильность, отталкивающая иностранных инвесторов) присутствие сирийских беженцев еще более обостряет ситуацию. Весной 2020 г. государственный долг Ливана достиг 170% ВВП, что является одним из самых высоких показателей в мире².

В этой сложной экономической ситуации присутствие сирийских беженцев в Ливане привело к росту напряженности в их отношениях с местным населением. В частности, сирийские беженцы были обвинены в нарушении сложившейся ценовой политики на рынке рабочей силы и, следовательно, конкуренции, приведшей к снижению заработной платы коренного населения. Эта

¹ См. доклад экономической и социальной комиссии для Западной Азии, оглавленный «Распределение богатства и влияние COVID-19 на бедность в Ливане» и опубликованный в сентябре 2020 г. <https://www.unescwa.org/publications/wealth-distribution-poverty-impact-covid-19-lebanon> (дата обращения: 11.07.2021).

² Ливан объявил дефолт по евробондам из-за «сожравшей страну коррупции». 07.03.2020. // <https://www.rbc.ru/economics/07/03/2020/5e63d3459a7947cc5cd55594> (дата обращения: 10.07.2021).

позиция нашла отражение в 2019 г. в заявлениях Джебрана Бассиля, бывшего в тот период министром иностранных дел, который заявил, что «ливанцы обладают превосходством над ними (т.е. беженцами. – *Авт.*) … и, естественно, что мы защищаем ливанскую рабочую силу… Ливанцы прежде всего!»¹. Следует отметить, что высказывания Джебрана Бассиля были негативно восприняты ливанским обществом. Несколько сотен человек собрались вечером 12 июня 2019 г. на площади Самира Кассира в Бейруте в поддержку сирийских и палестинских беженцев, ставших жертвами расистских выступлений министра иностранных дел Дж. Бассиля.

В условиях неуравновешенной ситуации в стране и отсутствия работы квалифицированные ливанцы или динамичная молодежь по-прежнему продолжают покидать страну. Слабость национальной экономики оказывает серьезное воздействие на сектор занятости. Уровень безработицы среди ливанского населения резко растет, что правительство объясняет присутствием сирийских беженцев, которые соглашаются работать в значительно более тяжелых условиях и за гораздо меньшую зарплату, чем ливанцы. В дополнение они также предлагают детскую рабочую силу. Во многих сирийских семьях детей отправляют на работу для обеспечения жизненно важных потребностей.

Данные Министерства экономики Ливана позволяют оценить, помимо проблемы занятости, основные факторы экономического кризиса (в его связи с сирийской проблемой), в котором сейчас находится страна, предоставляющая беженцам свои инфраструктуру и ресурсы в ущерб своему населению. Экономические проблемы, которые возникли с притоком столь многочисленного отряда беженцев, действительно затрагивают различные сектора, включая образование детей беженцев. Эту область должно взять под контроль правительство Ливана, которое, как мы уже отмечали, не обладает достаточной властью в условиях продолжающейся институциональной нестабильности. Еще до начала сирийского конфликта отсутствие образовательной инфраструктуры уже было проблематичным: государственные школы были перегружены, им не хватало средств. С прибытием тысяч беженцев ситуация продолжает ухудшаться. Цифры вызывают тревогу, и протесты поднимаются со стороны ливанцев, страдающих от последствий та-

¹ Mobilisation contre «les discours de haine » après des propos de Bassil jugés «racistes» // <https://www.lorientlejour.com/article/1174546/mobilisation-contre-les-discours-de-haine-apres-des-propos-de-bassil-juges-racistes-.html> (дата обращения: 22.07.2021).

кой ситуации. Действительно, согласно данным министерства, 50% учащихся, посещающих школу в Ливане, сегодня являются сирийскими беженцами.

Что касается ресурсов, то они также вызывают тревогу. До сирийского кризиса доступ к водоснабжению и электроснабжению в ряде районов уже был затруднен. Со временем гражданской войны службы водоснабжения работали только три дня в неделю, а электричество отключалось от трех до 12 часов в день в зависимости от региона. Потребление беженцами в день 87 млн л воды и 200 мегаватт электроэнергии (то есть двух часов электроэнергии) обходится государству, по данным министерства, достаточно дорого¹. То же самое происходит в сфере продовольствия. Даже основные продукты питания, такие как хлеб, государство вынуждено субсидировать. 5,4 млн единиц хлеба потребляются беженцами каждый день.

На сегодняшний день, по данным исследования, проведенного Всемирным банком, сирийский кризис уже обошелся Ливану в 7,5 млрд долл. в период между маю 2011 и маю 2014 г.² Тогда же ВБ констатировал, что примерно 170 тыс. ливанцев уже находятся за чертой бедности благодаря удвоению безработицы и росту государственных расходов до \$ 1,1 млрд долл.³

Естественно, что часть населения испытывает неприязнь к сирийским беженцам, которые относительно регулярно получают продовольственную помощь от НПО и финансовую помощь от UNHCR, в то время как многие нуждающиеся ливанцы не имеют даже такой возможности⁴. Эту напряженность также усилил кризис в области здравоохранения. Многие дипломированные специалисты, особенно врачи, покидают страну, получая приглашения на работу из стран Персидского залива.

¹ Hakim dénonce un «exode économique» de certains réfugiés syrien, 24.07.2014, <http://www.lorientlejour.com/article/877937/hakim-denonce-un-exode-economique-de-certains-refugies-syriens.html> (дата обращения: 18.07.2021).

² Salamé estime le coût des réfugiés syriens à 7,5 milliards de dollars en deux ans, 17.10.2014, <http://www.lorientlejour.com/article/891560/salamé-estime-le-cout-des-refugies-syriens-a-75-milliards-de-dollars-en-deux-ans.html> (дата обращения: 08.07.2021).

³ Hakim dénonce un «exode économique» de certains réfugiés syriens, 24.07.2014, <http://www.lorientlejour.com/article/877937/hakim-denonce-un-exode-economique-de-certains-refugies-syriens.html> (дата обращения: 08.07.2021).

⁴ Liban: la colère contre les refugies syriens grandit // <https://www.arte.tv/fr/videos/101574-000-A/liban-la-colere-contre-les-refugies-syriens-grandit> (дата обращения: 15.07.2021).

Последовавшие трагические события свидетельствуют об ухудшении отношений между сирийскими беженцами и ливанским населением. В конце ноября 2020 г. сирийский беженец убил ливанского гражданина в городе Бшарре на севере страны. Мэр города, поддержанный многими местными жителями, призвал к высылке сирийских беженцев, незаконно проживающих в районе, некоторые дома сирийцев были сожжены. Среди населения возникли требования о «коллективном наказании». Власти вынуждены были ввести полицейские подразделения. Обвиняемые сдались силам внутренней безопасности, после чего началось расследование. Конфликты произошли и в других районах Ливана.

Сирийское руководство надеется, что беженцы вернутся, когда правительство возьмет под контроль 70% территории страны. По мнению УВКБ, об этом говорить еще рано, так как в Сирии по-прежнему не безопасно. Много разрушенных зданий, дорог, некоторые территории нуждаются в разминировании. Периодически просыпаются «спящие ячейки» джихадистов, умиротворять которых должна армия. Европейский союз обуславливает оказание помощи в восстановлении нормальной жизни политическим урегулированием конфликта, намекая, таким образом, на необходимость смены режима.

11–12 ноября 2020 г. Дамаск, при поддержке Москвы, организовал конференцию по возвращению беженцев. Были приглашены и приняли участие представители Ливана, Ирака, Ирана, Венесуэлы, Китая, Объединенных Арабских Эмиратов, Омана, Судана. Однако ожидаемого результата Дамаск не добился: Евросоюз бойкотировал конференцию, а Турция, принявшая наибольшее количество сирийских беженцев (3,6 млн человек – данные 2019 г.¹), не была приглашена, учитывая ее поддержку оппозиции. Из основных принимающих стран были представлены только Ливан и Ирак².

Президент Сирии Башар Асад призвал сирийских беженцев вернуться. В своем вступительном слове он сказал, что «миллионы сирийцев хотят вернуться домой», хотя это не подтверждается

¹ Амбросетти Э.Т. Сирийские беженцы в Турции: эволюция внутреннего и международного нарратива. 04.02.2021 // <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriyskie-bezhentsy-v-turtsii/> (дата обращения: 11.07.2021).

² 5,5 millions de réfugiés syriens et toujours aucune solution // <https://www.la-croix.com/Monde/55-millions-refugies-syriens-toujours-aucune-solution-2020-11-12-1201124264> (дата обращения: 04.07.2021).

числом тех, кто отважился вернуться в разрушенную страну¹. Сирийцы, находящиеся в соседних странах – Турции, Ливане, Иордании, пока не склонны к возвращению, несмотря на то что условия жизни в принимающих странах значительно ухудшаются. Люди боятся быть насильственно призванными в армию или арестованными сирийской разведкой в связи с их возможной причастностью к сирийской оппозиции, хотя в стране уже было проведено несколько примирительных мероприятий и объявлены амнистии.

Шарбель Вехбе, министр иностранных дел Ливана, выступивший на Дамасской конференции, призвал международное сообщество «активизировать международные усилия по обеспечению безопасного возвращения сирийских перемещенных лиц», считая, что сложившиеся условия благоприятны для такого возвращения². Однако сирийские граждане все чаще обращаются в консульства стран – участниц Конвенции 1951 г. с просьбой о предоставлении убежища.

Следует отметить, что ситуация с сирийскими беженцами в других местах еще менее радостная. Люди живут в отсутствии информации, пытаются слухами и боятся возвращаться на родину. Например, на юго-востоке провинции Хомс, вблизи сирийско-иорданской границы, расположен лагерь беженцев Ар-Рукбан. Он находится в зоне ответственности базы США в Ат-Танфе и был организован после того, как власти Иордании прекратили принимать беженцев из Сирии.

По сообщениям Минобороны РФ, в лагере есть люди, которые хотели бы его покинуть и вернуться домой. Однако жизнь в лагере контролируют боевики, требующие от сирийцев выкуп или оставить в лагере заложников из числа родственников.

В феврале 2019 г. правительство Сирии при содействии российских военных открыло два гуманитарных коридора для проезда беженцев из лагеря Ар-Рукбан. При этом власти предусмотрели целый комплекс мер, направленных на обеспечение возвращающихся соотечественников всем необходимым: от выдачи им в уп-

¹ Syria Seeks Return of Refugees, but They Fear Leader's Wrath // <https://www.nytimes.com/2020/11/12/world/middleeast/12syria-refugees-assad.html> (дата обращения: 18.07.2021).

² Wehbe: le retour des réfugiés syriens ne doit pas être une solution politique // <https://www.lorientlejour.com/article/1240470/wehbe-le-retour-des-refugies-syriens-ne-doit-pas-etre-lie-a-une-solution-politique.html> (дата обращения: 18.07.2021).

рошенном порядке документов и обеспечения предметами первой необходимости до доставки к месту проживания.

Однако боевики, действующие в зоне лагеря, запугивали беженцев, не позволяя им воспользоваться этим безопасным путем. В свою очередь, американская сторона не пропускала автобусы, предназначенные для вывоза беженцев. Тем не менее с марта по конец сентября 2019 г. лагерь покинули 17 934 человека (из них 5125 женщин и 8994 ребенка)¹.

Подобные пропускные пункты созданы по инициативе совместного Российско-сирийского координационного штаба. Как сообщила российская газета «Известия», «при поддержке России для сирийских беженцев и мирных жителей в различных районах страны восстановлены тысячи образовательных и медицинских учреждений, отстроены более 5 тыс. домов, отремонтированы шесть автомобильных мостов и более тысячи километров автомобильных дорог, проложены линии электропередач. Введены в эксплуатацию объекты водоснабжения, хлебопекарни, электроподстанции, автозаправочные станции. А главное, заработало более 14 тыс. промышленных предприятий»².

На примере лагеря Ар-Рукбан, где все еще остаются более 3 тыс. сирийцев, понятно, что внутри лагерей действуют силы, не желающие, чтобы сирийские граждане вернулись в мирную жизнь. Известно, что зачастую молодежь заставляют служить в бандформированиях, шантажируют их родственников. Излюбленным средством является дезинформация, с помощью которой беженцев запугивают, из-за чего они теряют надежду на возвращение.

Опрос сирийских беженцев в Ливане свидетельствовал о желании вернуться на родину, но не немедленно. Большинство опрошенных считали, что пока это преждевременно. Треть беженцев сомневалась в том, что вообще когда-либо сможет вернуться в Сирию. Складывается впечатление, что социально-экономические условия в Ливане не играют существенной роли в принятии решений о возвращении. Люди больше всего боятся репрессий. Некоторые не имели информации о состоянии своего жилья или, наоборот, не могут вернуться, зная, что их жилище разрушено...

Очевидно, что процесс возвращения на родину сирийских беженцев займет несколько лет. Для его форсирования необходимо

¹ Лагерь сирийских беженцев «Рукбан» – РИА Новости, 27.09.2019 // <https://ria.ru/20190927/1559149017.html> (дата обращения: 20.07.2021).

² Рамм А. Мир и война беженцев // Известия. 18.11.2020.

мо привлечь средства массовой информации, которые помогут создать подлинную картину современной Сирии, где строятся новые дома, расчищаются дороги и дети могут ходить в школу.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Кириченко В.П.*

ЕЗИДЫ ИРАКА: ПРОШОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

DOI: 10.31249/rimm/2021.04.07

Аннотация. Статья посвящена истории и современному положению езидов в Ираке. Езиды смогли сохранить свою самобытность несмотря на многовековые притеснения. Огромный урон община езидов понесла 2014 г., когда район их проживания был захвачен Исламским государством.

Ключевые слова: Ирак; Курдистан; езиды; курды.

Езиды проживают в северных и северо-западных областях Ирака. Они населяют горные районы округа Синджар¹ в 120 км западнее г. Мосула, а также г. Шейхан на северо-востоке округа Синджар. Также езидское население проживает в районе Таклиф, и деревнях Заху и Самиль в провинции Дахук².

Большинство ученых считают езидов этноконфессиональной группой курдов. Вместе с тем следует отметить, что последние годы все больше езидов считают себя представителями отдельного этноса³. Езиды верят в единого Бога, но помимо него поклоняются

* Кириченко В.П., научный сотрудник Института востоковедения РАН, e-mail: black-whit@yandex.ru

© Кириченко В.П., 2021

¹ Синджар (курд. Шингал) – город в районе Синджар провинции Ниневия на севере Ирака. Он расположен примерно в пяти километрах к югу от гор Синджар. Населен в основном езидами.

² Езиды в Ираке: жизнь между кризисом и катастрофой // ИносМИ. – 2015. – 24.03. // <https://inosmi.ru/world/20150324/227083872.html> (дата обращения: 03.08.2021).

³ Kochet C.M., Xаснан X.A. Геноцид езидов и перспективы борьбы с терроризмом в Ираке // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 12. С. 118.

еще семи ангелам, главным из которых является Малак-Тавус (Ангел-павлин).

Согласно преданиям езидов, когда Бог повелел ангелам преклониться перед человеком, этот ангел отказался это сделать, заявив, что он преклоняется только перед Богом и будет почитать только его. За неповинование он был изгнан из рая и отправлен управлять адом. Спустя тысячелетия Бог простил его и поставил во главе ангелов. В этом предании просматривается влияние иудаизма и христианства. Езиды верят, что Ангел-павлин воплотился в солнце. Из-за почитания падшего ангела (пронившегося перед Богом) их часто обвиняют в поклонении сатане¹. Существует два религиозных источника о культе езидов – Книга откровения и Черная книга. Религиозные предписания передаются устно из поколения в поколение религиозными главами и, по представлениям самих езидов, существуют уже более 5 тыс. лет². Следует отметить, что стать езидом нельзя, а брак вне общины запрещен³. Свой язык они называют «эздки», он очень схож с языком «курдманджи» (относящимся к одному из диалектов курдского языка)⁴.

Со времен арабского завоевания VII в. езиды подвергаются исламизации. Радикальные мусульмане считали и до сих пор считают их «дьяволопоклонниками» и не видят в них «последователей Книги». Спасаясь от притеснений и насилийственной исламизации, езиды бежали в горы, что ограничивало их контакты с другими этнорелигиозными группами.

Вплоть до VII в. н.э. в исторических источниках термин «езиды» не упоминается. В XII в. арабский историк Аль-Самани (ок. 1166 г.) в своей книге «Аль-Ансаб» («Родословные») утверждал, что езиды верны Язиду ибн Муавии, второму халифу Омейядов. В некоторых общинах курдских регионов это ложное утверждение все еще существует сегодня и часто используется в качестве аргумента и оправдания для грабежа и порабощения езидов. Даже в настоящее

¹ Родионова М.М. О положении езидов в современном Ираке // Институт Ближнего Востока. – 2015. – 07.04. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=24139> (дата обращения: 03.08.2021).

² Там же.

³ Yezidis // Minorityrights.org. – URL: <https://minorityrights.org/minorities/yezidis/>

⁴ Кочоу С.М., Хаснан Х.А. Геноцид езидов и перспективы борьбы с терроризмом в Ираке // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 12. С. 118.

время некоторые шииты и алевиты¹ считают, что езиды – это последователи Язида ибн Муавии, убившего сыновей имама Али Хасана и Хусейна, которые должны были стать преемниками Мухаммада. В Турции, где дискриминации также подвергаются алевиты, езиды долгое время отказывались от общения с представителями других религиозных сообществ. Контакт между езидами и алевитами был установлен только в последние десятилетия, в настоящее время они ведут диалог².

Езидское общество делится на мирян и духовенство. Религиозная иерархия представляет собой священническую касту во главе с эмиром, признанным религиозным авторитетом. Большинство езидов занимаются сельским хозяйством, хотя до сих пор существуют полукочевые племена³. Особую роль для езидов играет фигура суфийского шейха Ади бин Мусафира⁴, жившего в XII в. Благодаря его деятельности религия езидов приняла окончательную форму, впитав в себя элементы зороастризма, иудаизма, ислама и других верований⁵. Его гробница находится в храме Лалеш в 13 км от г. Шейхан к северу от Мосула. Ее посещение считается обязательным для езидов, но фиксированного времени паломничества у езидов нет.

Репрессии против езидов были и в Турции, и в Ираке. Особенно они усилились при режиме партии Баас в Ираке (1968–2003). Режим Баас пытался арабизировать езидов, навязывая арабскую идентичность, что привело к расколу среди езидов. Те, кто принял идею об арабском происхождении езидов, последовали за Баязидом аль-Умаи, которого власти официально назначили эми-

¹ Алевиты составляют самое большое религиозное меньшинство в Турции. В широком смысле они являются шиитами, но придерживаются принципиально иной интерпретации ислама. Тем самым их религиозные убеждения отличаются как от суннитского ислама, так и от верований большинства шиитов.

² Kizilhan J.I. The Yazidi-Religion, Culture and Trauma // Advances in Anthropology. – 2017. – N 7. – P. 334.

³ Dougherty B. Historical Dictionary of Iraq. Maryland and Oxford, 2004. – P. 247–248.

⁴ Шейх Ади ибн Мусафир (1070-е гг.– 1162 г.) – родился в долине Бекаа на территории современного Ливана, суфийский шейх арабского происхождения. Езиды считают его воплощением Ангела-павлина.

⁵ Basci E. Yazidis: A community scattered in between geographies and its current immigration experience Internationa // Journal of Humanities and Cultural Studies. 2016. – Vol. 3. Issue 2. – P. 341.

ром езидов в 1980 г., другая группа осталась верна предыдущему лидеру езидов¹ – Мир Тахсину-бегу².

В 1970-е годы Мир Тахсин-бек примкнул к вооруженным формированиям, борющимся за автономию Курдистана, после чего покинул Ирак. Он находился в эмиграции до 1981 г., когда иракские власти амнистировали его, после чего он вернулся на родину. В 1992 г. при помощи США и их союзников курды получили автономию. Между Иракским Курдистаном и остальной частью Ирака фактически была установлена граница, и часть езидских районов (место расположения храма Лалеш и ряд ближайших селений) попали под контроль курдистанской администрации. В семье эмира решили, что главой езидов, оказавшихся на территории курдистанской администрации, станет Хери-бек, брат Мир Тахсин-бека, а сам Тахсин-бек останется эмиром езидов, находящихся под контролем властей Ирака, и оставит за собой контроль над Лалешем³.

В 1975 г. езиды из деревень в районе горы Синджар были насилием переселены. Кампания была проведена «в рамках модернизации образа жизни езидов». Тем не менее крестьян не обеспечили современной сельхозтехникой, а их пункты переселения не получали необходимого орошения. Им пришлось заниматься разнорабочими на соседние участки, принадлежащие арабским племенам. В конце концов, под давлением баасистов более 90% езидов изменили свою этническую принадлежность и зарегистрировались как «арабы».

По некоторым данным, правительство Баас заставляло езидов вступать в военные действия против курдов-мусульман. Правительственные документы, включенные в доклад Committee on human rights за 1998 г., описывают военные отряды, полностью состоявшие из езидов, участвовавшие в операции Анфаль⁴ в 1988–1989 гг., которые использовали для «преследования и нападения» на курдов-мусульман. Правительство Баас и ранее преследовало

¹ Salloum S. Barriers to return for ethno-religious minorities in Iraq, 2020. – P. 18.

² Мир Тахсин-бек (1933–2019) – потомственный эмир (мир) езидов. Он являлся главой Высшего духовного совета езидов и представлял езидов на международной арене.

³ Мосаки Н., Пирбари Д. Кончина эмира езидов и будущее езидской общины // Азия и Африка сегодня, 2019. – № 11. – С. 52.

⁴ Операция «Анфаль» – операция саддамовских войск против курдов, в результате которой погибло от 50 тыс. до 182 тыс. курдов.

езидов. Например, 33 члена езидской общины Мосула, арестованные в июле 1996 г., до сих пор числятся пропавшими без вести¹.

Вторжение США в 2003 г. в Ирак изменило социально-политическую обстановку в стране. Арабы-сунниты потеряли привилегированное положение в политических институтах страны. Сунниты негативно восприняли то, что представители религиозных меньшинств были привлечены к работе на военных базах США или вступали в новые иракские вооруженные силы.

Американцы не смогли обеспечить безопасность Северного Ирака. Через этот регион иностранные боевики-джихадисты легко попадали в Ирак. В 2007 г. радикальные исламисты похитили и убили рабочих-езидов в Мосуле. В апреле того же года неизвестными боевиками были убиты 23 езида в курдском городе Башика². В том же году в городах Кахтания и Джазира на севере Ирака погибло 796 мирных жителей-езидов и были ранены еще 1562 человека. В результате взрывов остались без крова более 1 тыс. езидских семей. В августе 2007 г. более 200 человек погибло в результате теракта в двух езидских селах³.

В результате после 2003 г. наблюдается рост напряженности между езидами и суннитами, о чем свидетельствуют письма и листовки, в которых езиды осуждались как «неверные». В первой половине 2008 г. в Синджаре было убито не менее пяти езидов. 7 декабря 2008 г. двое езидов были убиты в винном магазине в Мосуле. В ночь на 14 декабря 2008 г. неизвестные застрелили езидскую семью, находившуюся в своем доме в Синджаре⁴.

Как уже было отмечено, до 2014 г. езиды были в основном сосредоточены в районе Синджар на севере Ирака. Всего там проживало около 600 тыс. человек. 3 августа 2014 г. силы ИГ выдвинулись в

¹ Yazidis // Интернет СМИ «GlobalSecurity.org». – URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/iraq/religion-yazidi.htm> (дата обращения: 27.08.2021).

² Yazidis // Интернет СМИ «GlobalSecurity.org». – URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/iraq/religion-yazidi.htm> (дата обращения: 27.08.2021).

³ Родионова М.М. О положении езидов в современном Ираке // Институт Ближнего Востока. – 2015. – 07.04. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=24139> (дата обращения: 27.08.2021).

⁴ REPORT OF THE UNITED STATES COMMISSION ON RELIGIOUS FREEDOM ON IRAQ December 2008 //United States Commission on International Religious Freedom – URL: <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/resources/iraq%20report%20final.pdf#page=20> (дата обращения: 29.08.2021).

район Синджара, в то время как пешмерга (вооруженные силы Иракского Курдистана) отступили, лишив езидов защиты. Террористическая организация оккупировала Синджар. Почти 200 тыс. езидов бежали к горе Синджар, но были быстро окружены боевиками. По итогам этой операции стало известно, что сотни езидов умерли от жары, обезвоживания, недоедания и самоубийств. В конце концов, американские, иракские, французские, австралийские и британские силы смогли сбросить гуманитарную помощь, в то время как сирийские курдские силы (YPG) открыли коридор между городом Синджар и Сирией, позволив людям бежать. Боевики ИГ похищали женщин и девочек, чтобы продать их в рабство, отправляли мальчиков в тренировочные лагеря ИГИЛ и казнили мужчин и пожилых женщин.

В районах провинции Найнава боевики Исламского государства совершили многочисленные зверства против религиозных деятелей иракских меньшинств и проводили систематическую кампанию по изгнанию и уничтожению целых религиозных общин¹. В августе 2014 г. ООН объявила о самом высоком уровне чрезвычайной ситуации в Ираке из-за гуманитарного кризиса, вызванного наступлением Исламского государства (ИГ) на север страны. После нападения ИГ на Синджар курдские официальные лица заявили о наступлении критической ситуации в городе Духук, так как туда прибыли 150 тыс. перемещенных лиц². С момента захвата Синджара по меньшей мере 5 тыс. езидов были убиты. Было обнаружено много массовых захоронений³.

В марте 2015 г. Совет министров Ирака объявил преступления ИГ против езидов геноцидом, но во внутреннем законодательстве Ирака нет положений, касающихся военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида⁴.

¹ UN Panel Reports on ISIS Crimes on Yezidis//Human Rights Watch. – 2016. – 21.06. – URL: <https://www.hrw.org/news/2016/06/21/un-panel-reports-isis-crimes-yezidis> (дата обращения: 29.08.2021).

² Iraq crisis: Where have the Yazidi refugees gone? // BBC News. – 2014. – 14.08. – URL: <https://www.bbc.com/news/av/world-middle-east-28796870> (дата обращения: 29.08.2021).

³ Mass Violence and Genocide by the Islamic State/Daesh in Iraq and Syria // University of Minnesota. – URL: <https://cla.umn.edu/chgs/holocaust-genocide-education/resource-guides/mass-violence-and-genocide-islamic-state-daesh-iraq-and-syria> (дата обращения: 29.08.2021).

⁴ UN Panel Reports on ISIS Crimes on Yezidis // Human Rights Watch. – 2016. – 21.06. – URL: <https://www.hrw.org/news/2016/06/21/un-panel-reports-isis-crimes-yezidis> (дата обращения: 29.08.2021).

28 января 2019 г. скончался глава езидов всего мира Мир Тахсин-бег. За то чтобы стать новым лидером езидов, боролись несколько кандидатов. Главным претендентом был Хазем, старший сын Тахсин-бega. Его основным конкурентом стал Хазема Камиран-бег, сын Мир Хери-бega, женатый на дочери Тахсин-бega. В конце концов, при поддержке Демократической партии Курдистана Хазем был фактически назначен лидером езидов¹.

Когда его провозгласили главой езидов, новый глава езидского сообщества Мир Хазим Тахсин-бег пообещал поддержать езидов Шингала (или Синджара), которые все еще страдают от перемещения и разрушения города, после того как Исламское государство захватило город в 2014 г.

Новый лидер также пообещал создать новый совет общины и предоставить места в нем езидам Синджара. То же касается и уже существующего Духовного совета, в котором обсуждаются теологические вопросы.

«Мы создадим совет езидов, и езиды из Синджара составят 60% его состава», – заявил новый лидер езидов. «Мы также расширим духовный совет, чтобы к нему могли присоединиться обычные люди и религиозные деятели Синджара», – добавил он².

В октябре 2020 г. между правительством Ирака и региональным правительством Курдистана было заключено соглашение по Синджару.

В Синджаре в провинции Ниневия в прошлом были две администрации: одна назначалась Эрбilem³, а другая – Багдадом. К тому же район переполнен вооруженными силами, борющимися за усиление влияния, в том числе представителями Рабочей партии Курдистана, отрядами сопротивления Синджара, отрядами народной мобилизации, а также федеральными властями и курдскими боевиками пешмерга.

Заключенное Соглашение было расценено миссией ООН как «первый и важный шаг в правильном направлении» для района, который стал свидетелем геноцида, осуществленного Исламским государством против езидов в 2014 г. «Соглашение будет напря-

¹ Мосаки Н., Пирбари Д. Кончина эмира езидов и будущее езидской общины // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 11. – С. 53.

² Yezidis inaugurate new Mir Hazim, leader vows more for Shingal // Интернет СМИ «Rudaw». – 2019. – 27.07. – URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/270720191> (дата обращения: 21.08.2021).

³ Эрбиль – столица и самый густонаселенный город Иракского Курдистана.

мую способствовать ускорению возвращения перемещенных семей в свои дома и обеспечению их стабильности в их районах», – заявил заместитель спикера иракского парламента Башир аль-Хаддад. Однако Соглашение было подвергнуто критике со стороны некоторых представителей езидского сообщества¹.

Следует также отметить, что ряд иракских депутатов-шиитов выразили решительное несогласие с Соглашением. Так, депутат парламента Ирака Ахмад Канани вместе с четырьмя другими депутатами заявил после визита в этот район: «Мы против этой сделки, как и жители Шингала (Синджара). – Ред.»), – заявил Канани. «Это соглашение между Эрбилем и Багдадом закончится только смертью мальчишек из Шингала».

В соответствии с Соглашением Эрбиль – Багдад, иракское правительство должно будет создать новые вооруженные силы, набранные из местного населения, и изгнать боевиков из Рабочей партии Курдистана (РПК) и связанных с ними групп. Шиитские депутаты настаивают на том, чтобы подразделения Народных сил мобилизации² оставались в этом районе.

В то же время духовный лидер шиитов Синджара Махмуд аль-Арааджи выразил свою поддержку сделке. По его мнению, соглашение будет способствовать тому, «чтобы вернуть в этот район мир и стабильность и люди смогли мирно возвратиться в свои дома»³.

16 августа 2021 г. премьер-министр Мустафа аль-Казими посетил район Синджар и находящиеся там массовые захоронения езидов, убитых террористами Исламского государства в 2014 г. В ходе визита политик заявил: «Мы будем работать над созданием музея, чтобы увековечить память мучеников этого места, включая детей, женщин и отважных борцов, победивших терроризм от имени доброй воли всего мира»⁴.

¹ Baghdad, Erbil reach security, administrative agreement on Sinjar district // Al-Monitor. – 2020. – 13.10. – URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2020/10/iraq-erbil-kurdistan-krg-baghdad-sinjar-nineveh-yazidis.html#ixzz74qdpYrf3> (дата обращения: 21.08.2021).

² Народные силы мобилизации – подразделения, спонсируемым иракским государством для борьбы с ИГ. Состоят из шиитов, христиан и езидов.

³ Erbil-Baghdad Shingal agreement will end with locals dying: Iraqi MP // Интернет СМИ «Rudaw». – 2020. – 14.12. – URL: <https://www.rudaw.net/english/middleeast/iraq/141220201> (дата обращения: 21.08.2021).

⁴ В Ираке построят музей геноцида езидов // EA Daily. – 17.08. – <https://eadaily-com.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2021/08/17/v-irake-postroyat-muzey-genocida-ezidov>

* * *

На протяжении веков езиды подвергались преследованиям. Несмотря на это они сохранили свою уникальную религию и культуру. Захват террористами ИГ в 2014 г. округа Синджар, где проживают езиды, закончился катастрофой для этой общины. Остается надеяться на скорейшее восстановление инфраструктуры региона и возвращение езидских беженцев домой.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Куклин Н.С.*

**ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОЙ ОБЩИНЫ В ИНДОНЕЗИИ:
КУЛЬТУРНАЯ САМОБЫТНОСТЬ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ.
(Статья вторая)****

DOI: 10/31249/timm/2021.04.08

Аннотация. Ислам выступает важной стороной идентичности современной Индонезии, причем государственная идеология Индонезии – Панча Сила и установленные ею принципы провозглашают равенство всех официальных религий в стране. Это делает Индонезию страной с уникальными особенностями, так как, являясь практически полностью мусульманской по составу населения, Индонезия следует принципам толерантности и межконфессионального диалога, которые не позволяют той или иной религии добиться преимуществ во влиянии на общественную жизнь и политику. При этом ислам в Индонезии представлен несколькими самобытными течениями, которые в свою очередь делятся на крупные и малые. Ислам имеет широкое влияние на общество через

* Куклин Н.С., ассистент кафедры теории и истории международных отношений РУДН, эксперт Центра АСЕАН МГИМО, e-mail: kuklin_ns@pfur.ru

© Куклин Н.С., 2021

** Данная статья подготовлена в рамках научного проекта (гранта) РФФИ «Аспиранты» № 20-314-90007 «История внешней политики Индонезии 1998–2019 гг. с точки зрения цивилизационного подхода и комплексных региональных исследований».

исламские институты, связанные с традиционным образом жизни индонезийцев и доисламским прошлым страны.

Ключевые слова: Индонезия; Панча Сила; Ислам Нусантара; исламские институты; адат.

Ключевой особенностью индонезийского ислама можно назвать его географическую удаленность от традиционных ближневосточных центров ислама, что, соответственно, делает его наименее арабизированным.

Индонезийский ислам с момента распространения на крупных островах Малайского архипелага в XV в. значительным образом трансформировался и развивался самобытно, без значительного влияния со стороны Арабского Востока или Османской Империи несмотря на то что такое влияние, безусловно, имело место.

Сами индонезийцы характеризуют индонезийский ислам как мирный или умеренный, основываясь на истории его мирного распространения по островам Архипелага и его социальной объединяющей функции. Индонезийский ислам отличается особым синкретизмом и заимствовал многие свои социальные характеристики из доисламского прошлого страны, из-за чего его часто называют «адатным исламом»¹, что справедливо, но только для одного из течений в индонезийском исламе.

«Адатность» индонезийского ислама является основным предметом спора между двумя течениями ислама в стране. Эти течения – традиционалисты и модернисты – поровну делят мусульманское население Индонезии на тех, кто поддерживает адат и доисламские традиции (традиционисты, или абанггана, прияи), и на тех, кто поддерживает шариатский, или «аравийский», образ жизни мусульманина (модернисты, или сантри)². Различия двух течений проявляются во многих аспектах от догматического уровня до бытового. Например традиционалисты, которыми являются преимущественно жители острова Ява, склонны совмещать образ жизни мусульманина с «кеджавен» – яванским синкретическом культом на основе индуизма и протоеванских верований.

¹ Burhanuddin J., Dijk C. Islam in Indonesia: contrasting images and interpretations // J. Burhanuddin, C. Dijk. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2013. – P. 31.

² Effendy B. Islam and the state in Indonesia // D. Effendy. – Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2003. – P. 81.

Кеджавен определяет картину миру яванца как существование в материальном и духовном мире одновременно, что требует от человека поклонения определенным духам и богам, которые синкретически легко совмещаются с исламом в повседневной жизни¹. Особенno этот образ жизни характерен для потомков яванских аристократов, живущих по строгому своду доисламских ритуальных правил. Ярким примером здесь можно назвать султана Джокьякарты, который в статусе пожизненного губернатора управляет особым округом Джокьякарта – древним центром яванской культуры, столь значимым для яванцев, что Сукарно сохранил особые привилегии султанской семьи и не стал упразднять их власть даже после объявления республики. Султан, как фигура мистическая, сочетает одновременно обязанности как яванского правителя, имеющего особую связь с миром духов и яванских богов, так и хранителя веры для всех подданных мусульман, поэтому при дворе монарха празднуются и мусульманские праздники, и особые яванские, имеющие сакральный смысл². В свою очередь модернисты, названные так в память о проповедниках, посещавших Аравию и решивших реформировать ислам в стране в сторону его «очищения» от адатных принципов, осуждают «язычество» традиционалистов и однозначно оценивают подобный образ жизни как «харам» или «бida». Традиционалистов в их подходе к религии часто называют «сторонниками ритуала», в то время как модернистов – «сторонниками текста». В быту противоречиями могут выступать любые вопросы – от ношения хиджаба или адатной одежды до празднования религиозных дат или ритуалов богослужения.

Взаимовлияние двух течений проявляется и в отношении традиционной доисламской культуры, элементами которой считаются боевое искусство Пенчак Силат и театр теней Ваянг Кулит (равно как и другие разновидности театра Ваянг). Например, модернисты стремятся вместо синкретических элементов духовного воспитания в рамках Пенчак Силат создать свои направления мусульманского воспитания, когда традиционные магические практики между мастером и молодыми воинами заменяются молитвой и чтением Корана. Несмотря на различия в среде индонезийских мусульман, есть и такие объединяющие действия, как подготовка к

¹ Woodward M.R. Java, Indonesia, and Islam // M.R. Woodward. – Berlin: Springer, 2011. – P. 61.

² Woodward M.R. Islam in Java: normative piety and mysticism in the Sultanate of Yogyakarta // M.R. Woodward. – Tucson: The University of Arizona Press, 1989. – P. 236.

хаджу. До пандемии в 2019 г. Индонезия занимала первое место по ежегодному числу мусульман, совершивших хадж (212 тыс. человек с 2011 по 2019 г.)¹, что говорит о высокой роли исламского образа жизни и выполнении обязанностей верующего в обоих течениях.

Социокультурная реальность Индонезии не имеет прошлого, настоящего и будущего и не отвечает европейскому линейному представлению о времени. В ментальности индонезийца события прошлого переплетены с настоящим, неотделимы от повседневного существования и сопровождают его на всех этапах жизни². С малых лет индонезиец учится воспринимать два важных пласта истории: историю страны в целом и историю этноса, к которому он принадлежит, усваивая интуитивно всю сложность и многоаспектность индонезийской реальности. Для понимания современного состояния развития ислама в Индонезии полезно обратиться к истории того, как ислам встраивался в систему координат жизни народов Индонезии и какие смыслы он обретал для них на различных этапах истории.

Становление ислама на островах Малайского архипелага (XV–XIX вв.)

Современному независимому индонезийскому государству предшествует не только колониальный период более чем трехсотлетней борьбы местных королевств и султанатов с голландцами, но и средневековый период великих империй, таких как Шривиджая (древнее малайское царство с центром на острове Суматра) и Маджапахит (последнее индуистское королевство в Индонезии в 1293 – ок. 1520 г.). Этот период с VIII по XV в. принято называть индо-буддийским. Особенностью данного периода является широкое влияние индуизма и буддизма на менталитет и социальную жизнь народов Индонезии, преимущественно Явы и Суматры. В этот период сформировались такие отличительные черты индонезийского характера, как коллективизм, уважение к иерархии, религиозность и синкретизм; как способность к адаптации внеш-

¹ Number of Hajj pilgrims to Mecca from Indonesia 2011 to 2019 on Statista // <https://www.statista.com/statistics/705520/number-of-hajj-pilgrims-from-indonesia/> (date of access: 20.06.2021).

² Azra A. Indonesia, Islam, and democracy: dynamics in a global context // A. Azra. – Atlanta: Solstice, 2006. – P. 81.

них культурных и религиозных элементов к индонезийской жизни. В значительной степени синкретизм повлиял на дальнейшее развитие религиозной традиции на о. Ява¹. Яванцы, составляющие и ныне этническое и политическое большинство в стране, часто переносят положения синкретического мировоззрения на многие процессы развития индонезийского общества.

Развитая мистическая традиция индо-буддийского периода привела к формированию в средневековых обществах Явы элитарной традиции мистицизма и народной традиции у крестьянских масс. У каждого слоя выделялись определенные боги и духи, воплощенные через индуизм и через образы буддизма². Многие легендарные правители так или иначе отождествляли себя с «божественным происхождением и божественным наделением», как знаменитые династии Раджаса (Кедири и Маджапахит) или династии Матарам, из которых происходят султанские дворы современных Джокьякарты и Соло. Мистическим практикам в народе учили странствующие аскеты «рези» или «риши», собиравшие вокруг себя общины и целые школы последователей³. При этом на этапе пришествия ислама в Индонезию в XIV–XV вв. индо-буддийские королевства находились в состоянии кризиса.

На Суматру уже с X в. через арабских и индийских купцов начинает проникать ислам (суннитского толка), религия, которая также несла в себе достижения Востока, как в банковской и торговых сферах, так и в военном деле. Историки часто считают торговую версию основной и отмечают, что принятие ислама было мирным процессом роста его популярности на островах, с учетом кризиса индо-буддийских династий.

На Суматре и на Яве сложились свои различия, выражаемые в степени изменения образа жизни этих обществ под влиянием ислама. Так, на Суматре многие государства стали больше придерживаться шариатской модели образа жизни, построив систему государственного управления, ориентированную на фигуру султана как защитника новой веры и приоритет Корана над адатной традицией.

¹ Ponka T., Kuklin N., Sibarani D.M. The Historical Influence of the Javanese Ethnicity and Culture on the Political Consciousness and Mentality of Indonesian People // Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019), 2019. – P. 2173.

² Geertz C., Bachtiar H.W. Abangan, santri, priyayi dalam masyarakat Jawa // C. Geertz, H.W. Bachtiear. – Jakarta: Pustaka Jaya, 1989. – P. 23.

³ Pringle R. Understanding Islam in Indonesia: politics and diversity // R. Pringle. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2010. – P. 31.

Проникновение ислама на о. Ява сопровождалось серьезным смешением установлений этой религии с местной синкретической традицией, а для проповедей использовались нестандартные средства, такие как яванский оркестр гамелан и театр теней ваянг кулит, изображающие посредством традиционных кукол коранические сюжеты и жизнеописание пророка Мухаммеда. В этом процессе особая роль принадлежит вышеупомянутым Вали Сонго, которые находились под сильным влиянием суфизма и создали свою традицию на о. Ява¹.

После принятия ислама яванской элитой в XV в. суфийская традиция местных «улемов» и «къяи» (религиозный наставник) смешалась как с придворной, так и с народной традициями, к которым и перешла функция индо-буддийских «криши». Синкретические сообщества Явы достаточно легко связали индуистскую космологию с исламской доктриной. Ислам того периода часто называется «религией младших сыновей», так как большинство новоявленных султанов были младшими отпрысками индо-буддийских династий, которые, поддерживаемые проповедниками, обратились против своих же империй с целью обрести владения и утвердить свою власть на новых основах. Большинство Вали Сонго сами принадлежали к таким династиям, как правитель города Чиребона и потомок династии королевства Сунда – Сунан Гунунгджкати².

Наличие в яванской традиции значительного количества мусульманских святых придает особое положение практике *зиярата* (мусульманского паломничества), которая при этом характерна не только для яванской традиции, но развита в аспекте ритуалов народного ислама повсеместно³. Зиярат на практике пересекается и с практиками «пепунден» и «крамат», распространенными на Яве, когда человек через паломничество стремится получить часть вселенской энергии святого «шакти» для достижения собственных целей, эта практика имеет явное индуистское происхождение.

Уже в колониальный период исламская идентичность играла не меньшую роль в сопротивлении европейцам как набор тради-

¹ Buehler A.F. Recognizing Sufism: contemplation in the Islamic tradition // A.F. Buehler. – London: I.B. Tauris & Co. Ltd, 2016. – P. 41.

² Muhaimin A.G The Islamic traditions of Cirebon ibadat and adat among Javanese Muslims // A.G. Muhaimin. – Canberra: Australian National University Press, 2006. – P. 41.

³ Arjana S.R. Pilgrimage in Islam: traditional and modern practices // S.R. Arjana. – London: One world, 2017. – P. 50.

ций и образа жизни. Последующее закрепление голландцами власти за феодалами на колониальной службе (прияи) привело к консервации адатной традиции, но сохранило и значительную исламскую основу. Поскольку голландцы изначально захватили не сразу весь Архипелаг, ислам действительно выступал альтернативой европейскому правлению, и зачастую вторжение европейцев становилось катализатором исламизации тех или иных государственных образований. Внутри самого ислама это иногда порождало значительные конфликты между «адатом и шариатом».

Особо примечательной здесь является война Падри 1803–1837 гг., которая вылилась в ожесточенную борьбу адатных и шариатских кланов народа минангкабау, проживающего на Падангском нагорье в западной и центральной части о. Суматра.

Ведущий индонезийский исследователь ислама Азюмарди Азра считает, что подобная напряженность и противостояние адата и шариата привели к тому, что стороны вместо прямых войн прошлого стали выбирать диалог в качестве главного инструмента решения богословских и социальных противоречий. Не менее важно и то, что сама природа распространения ислама в Индонезии не была связана с завоеваниями, а ее синтез с местным синкретическим менталитетом привел к формированию современного индонезийского ислама, который ставит в приоритет гармонию, толерантность, консенсус и диалог и противопоставляет себя радикальным течениям в исламе¹.

Традиционализм и модернизм в постколониальную эпоху

В период подъема национального самосознания в конце XIX – начале XX в. ислам, наряду с другими «идеями», такими как национализм и социализм, стал основой для борьбы с колониализмом и европейским присутствием. Рассматривая эту эпоху, мы можем говорить об изначально высокой политизации ислама, поскольку вмешательство религии в политику определялось как борьба за социальную справедливость в интересах уммы². Однаковое влия-

¹ Azra A., Hudson W. Islam beyond conflict: Indonesian Islam and western political theory // A. Azra, W. Hudson (Eds.). – Farnham: Ashgate. – P. 5.

² Pepinsky T.B., Liddle R.W., Mujani S. Piety and public opinion. Understanding Indonesian Islam // T.B. Pepinsky, R.W. Liddle, S. Mujani (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 41.

ние на общество имели представители и традиционалистов, и модернистов, среди которых было множество интеллектуалов, сочетающих европейское образование и манеры со знанием Корана и строгим следованием нормам ислама. Первыми организациями в этой среде стали Нахдатул Улама (далее НУ) и Мухаммадия, причем изначально они стояли на примерно одинаковых позициях в духе исламского просвещения. Нахдатул Улама была создана 31 января 1926 г. ортодоксальными мусульманами, вышедшими из организации Мухаммадия (осн. 1912 г.).

Ее основателем выступил улем и школьный учитель Хашим Ашари. Причиной раскола Мухаммадии стала позиция Хашима Ашари и его сторонников, которые наряду с исламом поддерживали доисламские традиционные яванские верования и адатные обычаи, разделяемые большим числом людей на Яве¹.

Нахдатул Улама в тот период стала называть себя ортодоксальной организацией, противопоставляемой росту ваххабизма в Саудовской Аравии и исламского модернизма в Индонезии. Модернисты Мухаммадии, наоборот, настаивали на отходе от адатных элементов, которые, по их мнению, были следствием феодального строя и колонизации и «тормозили» Индонезию. Со временем каждая из них приобрела значительное число сторонников и инфраструктуру из мечетей, медресе, школ, университетов и больниц.

Помимо Нахдатул Улама и Мухаммадии не менее примечательно и такое движение, как Сарекат Ислам (Союз Ислама)². Из среды Сарекат Ислам вышли такие политики, как Сукарно (1901–1970), Семаун (1899–1971) и Картосувирджо (1905–1962). В числе первоначальных видных деятелей Сарекат Ислам были Чокроаминото (1882–1934) и Хаджи Агус Салим (1884–1954) – великие учителя Сукарно и индонезийского народа.

Еще в период японской оккупации 1943–1945 гг. ключевые мусульманские организации вошли в состав Индонезийского исламского союза, созданного оккупантами. После обретения независимости Индонезией в 1945 г. союз был преобразован в Совет мусульманских организаций Индонезии (Машуми), который стал площадкой поиска консенсуса между традиционалистами и мо-

¹ Saleh F. Modern Trends in Islamic Theological Discourse in 20th Century Indonesia. A Critical Study // F. Saleh (Ed.). – Leiden: Brill Academic Publishers, 2001. – P. 49.

² Rambe S., Rais A. Sarekat Islam: pelopor bangkitnya nasionalisme Indonesia 1905–1942 // S. Rambe, A.Rais. – Jakarta: Yayasan Kebangkitan Insan Cendekia, 2018. – H. 21.

дернистами. В то время лидер Находатул Улама и сын ее основателя Хашима Ашари – Вахид Хашим стал министром по делам религий. При этом Министерство по делам религий явилось важным институтом, несмотря на отказ верующих подчинять религию светской государственной структуре; включение в ее состав религиозных деятелей от мусульман, христиан, индуистов и буддистов позволило создать платформу для диалога, в которой единство нации и принципы Панча Сила признавались приоритетными над ролью какой-либо религии в обществе.

В 1952 г. из-за разногласий с Мохаммадом Натсиром (1908–1993) – лидером организации Машуми и бывшим премьер-министром, Находатул Улама вышла из состава организации и объявила себя самостоятельной партией. В период Либеральной демократии (1950–1959) Находатул Улама активно конфликтовала как с Сукарно и с идеологией Панча Сила, настаивая на полностью исламском политическом курсе, так и с коммунистами в борьбе за городские низы и сельские общины¹.

При этом после введения режима Направляемой демократии и фактической концентрации власти в руках Сукарно Находатул Улама удалось пережить волну запретов, чего не удалось Машуми, которую Сукарно запретил за открытую оппозицию и участие в антиправительственных восстаниях.

После переворота Сухарто в 1965 г. религиозные организации поддержали гонения на коммунистов, что стало кульминацией противостояния политических сил в стране и темным пятном на истории этих организаций. В 1973 г. исламские организации страны «обязали» войти в состав Партии единства и развития (ПЕР) и принять Панча Сила за основу идеологии организации. На выборах 1977 и 1982 гг. ПЕР стабильно занимала второе место после проправительственной партии Голкар, что говорило о высокой поддержке мусульманских партий.

Для модернистов и традиционалистов период Сухарто стал временем осмыслиения социальных и внутрирелигиозных приоритетов для их организаций, при этом стали очевидны их идеиные расхождения. Важными вопросами взаимной критики двух организаций стали такие вопросы, как, например, необходимость празднования Лейлат аль-Кадр (ночь предопределения месяца Рамадан) и Маулид ан-Наби (день рождения Пророка). В свою оче-

¹ Madinier R. Islam and politics in Indonesia: the Masyumi Party between democracy and integralism // R. Madinier. – Singapore: NUS Press, 2015. – P. 28.

редь сторонники Мухаммадии заявляли о том, что в Коране и в Сунне Пророка не указывается на необходимость проведения празднеств и народных гуляний в эти дни, скорее предписывается сосредоточиться на молитве. Критике подверглись и так называемые малые маулиды – праздники, проводимые по случаю свадьбы или рождения ребенка¹.

Позиция Нахдатул Улама оставалась более народной, так как улемы НУ не видели каких-либо препятствий к проведению гуляний, игр и представлений театра Баянг по случаю важных мусульманских праздников, так как считали это творчеством народа и средством лучше понять Коран и его смыслы через доступные народные традиции². Другим важным вопросом стала проблема искусства, поскольку Мухаммадия была сильно ограничена в художественных средствах проведения своей культурной политики и критиковала НУ за их широкую поддержку поэтов, художников и литераторов, произведения которых часто считались *бидом*. Несмотря на критику НУ, Мухаммадия поддерживала исполнение нашидов, игру на гамбусе и исполнение касыд, что было ближе к арабскому миру сантри, чем к индонезийскому миру искусства³.

Ближе к периоду Реформации популярной стала идея индонезийского интеллектуала Нурколиша Маджида (1939–2005) о плюрализме в умме. Маджид критиковал средневековую эксклюзивность внутри исламских течений, отмечая примат социально-политических, но не религиозных противоречий, часто приводящих к «такфиризму (обвинение в неверии)» в среде верующих⁴. Как Нахдатул Улама, так и Мухаммадия, следуя этой идеи, стали отходить от критики друг друга, считая существование двух крупнейших организаций в стране скорее основой единства в умме, которая допускает плюрализм и разные точки зрения, в том числе и толерантность к другим религиям Индонезии, необходимую для стабильности в умме и в стране.

¹ Woodward M. Resisting Salafism and the Arabization of Indonesian Islam: a contemporary Indonesian didactic tale by Komaruddin Hidayat // Contemporary Islam / R. Woodward. – 2017. – Vol. 11(3). – P. 16.

² Haidar M.A. Nahdatul Ulama dan Islam di Indonesia: pendekatan fikih dalam politik // M.A. Haidar. – Jakarta: Gramedia Pustaka Utama, 1994. – H. 47.

³ Harnish D.D., Rasmussen A.K. Divine inspirations: music and Islam in Indonesia // D.D. Harnish, A.K. Rasmussen. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 28.

⁴ Kull A. Piety and politics: Nurcholish Madjid and his interpretation of Islam in modern Indonesia // A. Kull. – Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2005. – P. 21.

Не менее важно и то, что с постепенным ослаблением режима Сукарто мусульманские силы понимали необходимость формирования единой позиции, которая выразилась в усилении поддержки государства и Панча Сила, так как и НУ и Мухаммадия переосмыслили свое отношение к государству и более не желали поддерживать только исламский путь для Индонезии, как это было в эпоху становления государственности при Сукарно.

В период реформации 1998–2004 гг. мусульманские организации и партии определяли своими важными задачами закрепление в политическом поле страны, основой которой теперь были демократия и плюрализм, сохранение своих могущественных социальных позиций на фоне усиления влияния радикалов и роста религиозной нетерпимости¹.

Теракты 11 сентября 2001 г. и последующее вторжение США в Ирак и Афганистан побудили Индонезию сформировать свою срединную позицию по исламскому вопросу, основываясь на которой страна поддерживала борьбу с терроризмом, но в то же время осуждала рост исламофобии, представляя миру образ умеренных мусульман, которые сами выступают против радикалов.

Эта позиция в официальном поле начала формироваться с приходом к власти в 1999 г. Абдуррахмана Вахида (1940–2009), лидера НУ, который стал президентом. Как на посту лидера организации, так и на посту президента Вахид уделял значительное внимание укреплению межконфессионального диалога и поощрению терпимости и уважения как главных качеств индонезийского гражданина. Эти усилия во многом были продолжены президентом Мегавати Сукарнопутри с 2001 по 2004 г. На президентский срок дочери Сукарно пришли все основные мировые события и события внутри страны, связанные с вопросами терроризма и радикализма.

Например, в 2001 г. ультраконсервативная организация «Фронт защитников ислама», основанная как группа за «очищение ислама», объявила о поддержке радикальных групп на Ближнем Востоке, которые определяли события 9/11 в качестве заговора «ненависти к мусульманам» и предлога, чтобы начать войну с исламским миром. Внутри Индонезии радикалы были возмущены фигурой Мегавати Сукарнопутро (дочь бывшего президента Сукарно), женщины на посту президента страны, что противоречило,

¹ Soesastro H., Smith A.L., Han M.L. Governance in Indonesia: challenges facing the Megawati presidency // H. Soesastro, A.L. Smith, M.L. Han. – Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2003. – P. 143.

по их мнению, нормам ислама и позволяло обвинить Мегавати в симпатии к США, несмотря на осуждающую позицию руководства страны по военному вмешательству американцев в Ирак и Афганистан¹.

В связи с продолжающейся эскалацией противостояния между США и правительством Талибана многие мусульманские группы в Индонезии начали общенациональную кампанию джихада в защиту Афганистана. С этой целью они начали привлекать мусульманских добровольцев для обучения и отправки в Афганистан. Например, организация Gerakan Pemuda Islam Indonesia (Индонезийское мусульманское молодежное движение) в 2001 г. открыла центр вербовки джихадистов в Джакарте. Сообщалось, что по крайней мере 1800 добровольцев, в том числе несколько женщин, из Джакарты, Западной Явы и Центральной Явы зарегистрировались с момента начала набора в последнюю неделю сентября. В организации заявили, что перед отъездом в Афганистан добровольцы присоединятся к программе боевой подготовки, которую будут проводить опытные инструкторы, которые с 1992 по 1994 г. участвовали в войне на Балканах с участием мусульман Боснии и Герцеговины и сербов-христиан. Другие центры «регистрации джихада» были открыты в таких городах, как Макасар (Южный Сулавеси), Медан (Северная Суматра) и Сурабая (Восточная Ява).

На фоне внутрисоциального обострения Мегавати была вынуждена обратиться к крупнейшим мусульманским организациям, Нахдатул Улама и Мухаммадия. В каждой организации на тот момент насчитывалось от 35 до 40 млн мусульман. Обе организации публично заявили, что они не согласны и не поддерживают призыва к индонезийским мусульманам вести джихад в Афганистане. Так, Хашим Музади, преемник Абдурахмана Вахида на посту председателя НУ, заявил, что Нахдатул Улама не будет вербовать своих членов в качестве добровольцев для джихада в Афганистане. Он утверждал: джихад не всегда означает священную войну, так как усилия по развитию ислама и мусульманской уммы также называют джихадом. Он высказал мнение, что теракты в Соединенных Штатах были трагедией человечества, а не трагедией религии².

Аналогичные настроения выразил лидер Мухаммадии Сяфии Маариф, видный индонезийский интеллектуал, бывший лиде-

¹ Solahudin. The roots of terrorism in Indonesia. From Darul Islam to Jem'ah Islamiyah // Solahudin. – Ithaca NY: Cornell University Press, 2014. – P. 41.

² Гусев М.Н. Индонезия. На стыке цивилизаций // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 1. – С. 15.

ром Мухаммадии в 1998–2005 гг., который в тот период находился на должности преподавателя истории в Государственном университете Джокьякарты. Он указал на то, что Мухаммадия не будет участвовать в радикальном движении. Сяфии подверг критике организации, призывающие к джихаду, который, по его мнению, был неправильно понят многими мусульманами¹. Этот шаг стал решающим для союза ислама и государства в Индонезии.

Таким образом, за XX в. мусульманские организации, включившись в активную политическую борьбу за исламизацию государства, в итоге пришли к поддержке и признанию Панча Сила как необходимого условия существования и стабильности общины верующих. Однако мы не можем говорить о подчинении общины верующих государству, скорее эти сферы можно назвать взаимоинтегрированными и зависимыми. Важным органом для диалога между верующими (основных организаций) и государством стал Совет улемов Индонезии, основанный еще в 1975 г. и наделенный полномочиями на издание фетв по ключевым вопросам. Подобная «симфония» в условиях демократизации и плурализма открыла широкие возможности для слияния ислама, демократии и национализма в единую основу, где элементы надежно дополняют друг друга, усиливая те или иные преимущества индонезийского общества как примера для других стран.

Положение мусульманской общины на современном этапе

Современный этап в Индонезии принято отсчитывать с момента проведения первых всеобщих выборов в 2004 г. и всенародного избрания президента Сусило Бамбанг Юдойоно, внешняя политика которого на исламском направлении подробно исследуется в первой статье. Во внутренней политике Юдойоно, как президент-новатор, значительно поддержал мусульманские организации и их инфраструктуру со стороны государства, что отражало его идею «самой большой мусульманской демократии». И НУ, и Мухаммадия в тот период стали активными сторонниками имиджа индонезийского ислама как умеренного, демократического и прогрессивного. Это выразилось в реорганизации принадлежащих НУ

¹ Suhaimi S., Raudhonah R. Moderate Islam in Indonesia: Activities of Islamic Da'wah Ahmad Syafii Maarif. Ilmu Dakwa // Academic Journal for Homiletic Studies / S. Suhaimi, R. Raudhonah. – 2020. –14 (1). – P. 35.

и Мухаммадии университетов и институтов в полноценные исследовательские центры с передовыми проектами, особенно в сфере медицины, где хорошим примером можно назвать Университет НУ в Сурабае, который в 2006 г. был реорганизован из школы медсестер в первоклассное высшее учебное заведение¹.

Фактически инфраструктура организаций современного периода способна сопровождать верующего на протяжении всей жизни – от песантрена (религиозной школы-интерната) и медресе до колледжа, университета и дальнейшего выбора религиозной или политической карьеры в подшefных партиях. У такой политики, однако, тоже есть свои критики, которые считают, что все большая вовлеченность организаций в отношения с государством подрывает независимость локальных улемов и къяи, в том числе и финансовую, поскольку их общины вынуждены существовать на деньги бизнеса и государства. Отличием НУ было и наличие в ее структуре малых суфийских тарикатов, сформированных общинами последователей известных улемов, в основном на Яве, как, например, «Вафа Таджул Арифи». Так как для идеальных основ НУ было свойственно следование идеям имама Абу Хамида аль-Газали (1058–1111) и Аль-Джунайда аль-Багдади (830–910), суфийские практики всегда были широко представлены в деятельности улемов на местах. Индонезийские суфии также находились под влиянием тарикатов Накшбандийя, Кадирийя и Сямманийя, поддерживая хорошие связи с Ближним Востоком и Африкой, но индонезийский суфизм фактически «растворялся» в доисламском мистицизме, соединялся с ним. Вне Явы суфии, независимые от НУ в тот период, часто подвергались преследованиям сантрийских общин, в особенности в провинции Ачех (на севере Суматры), где их деятельность была законодательно запрещена. С 2008 по 2013 г. преследованию подверглись уже сторонники движения ахмадистов, чей прозелетизм был запрещен под давлением Совета улемов Индонезии и консервативных групп.

Укрепив положение внутри страны, инфраструктура двух крупнейших мусульманских организаций Индонезии разрослась за пределы страны, изначально через филиалы внутри индонезийских диаспор, а затем и через полноценные проекты на территории других стран. По географическому признаку филиалы стали появляться сначала в соседних странах АСЕАН, затем на Ближнем Востоке

¹ UNUSA Sejarah. 12.01.2020 // <https://unusa.ac.id/sejarah/> (дата обращения: 05.07.2021).

и в Европе, где бывшая метрополия – Нидерланды стала отправным пунктом роста сети представительств, который наблюдается с 2010 г. При этом организации столкнулись с несколькими проблемами при выходе за рубеж. Так, НУ, активно включившись в помочь беженцам во время миграционного кризиса 2013–2014 гг. в Европе, попала под критику просаудовских организаций, которые рассматривали индонезийский ислам Нусантра как «ересь». Они обвиняли Нусантра в попытке расколоть монолитную общину верующих, направляемую Саудовской Аравией на правах «хранительницы святынь». Мухаммадия, которая, в свою очередь, корнями идеологии уходила именно на Ближний Восток, осознала, что она иначе подходит к пониманию арабского исламского образа жизни, чем сами арабские страны. Соответственно, манифест Мухаммадии об очищении индонезийского ислама, сформулированный ее основателем Ахмадом Дахланом в начале XX в., несколько отличался от того, что пропагандировали ключевые просаудовские исламские акторы на Ближнем Востоке. Это существенно ограничило Мухаммадию на внешней арене, так как идеологическая близость к саудовскому дискурсу могла сделать организацию потенциальным проводником интересов внешних сил.

Ситуация осложнялась еще и тем, что в Индонезии в среде сантри большое влияние имеют индонезийцы-хадрами, потомки арабов из Йемена и иных стран. К таким индонезийцам арабского происхождения относится, например, Ризик Шихаб, лидер ранее упомянутого Фронта защитников ислама. Диаспора хадрами традиционно имеет связи с Исламским университетом в Медине и Университетом Аль-Азхар в Каире¹. С целью снижения влияния этих центров на обучение индонезийских мусульман в Индонезии Нахдатул Улама расширила сети контактов и обменов с такими центрами исламоведения, как Лейденский университет, Оксфордский университет, Лондонская школа восточных и африканских исследований (SOAS), Чикагский университет и канадский университет Макгилла. После более стабильного периода Юдойоно ислам в Индонезии столкнулся с кризисом политизации ислама и новой волной роста радикализма при первом сроке нынешнего президента Джоко Видодо (Джокови).

¹ Jacobsen F.F. Hadrami Arabs in Present-day Indonesia: An Indonesia-oriented group with an Arab signature // F.F. Jacobsen. – Abingdon-on-Thames: Routledge, 2009. – P. 63.

Настоящим вызовом для Индонезии стал 2016 г., когда ячейки ближневосточных запрещенных организаций установили контакты с местными группировками, присягнувшими им на верность. Правительству пришлось реагировать сразу на трех фронтах. Более 800 индонезийцев на тот момент уехали в Ирак и Сирию, что остро поставило на повестку проблему ИТБ – иностранных террористов-боевиков.

Приоритетом стала физическая борьба на уничтожение, включавшая поиск и зачистку лесных баз террористов и их лидеров. Наиболее яркой операцией стало уничтожение группировки Муджахидин Индонесия Тимур (МИТ) и ее лидеров, известное как «операция в Посо» или «операция Мадаго Райя».

Во внутренней политике противники Джоко Видодо, в частности Прабово Субианто (бывший зять Сухарто, генерал в отставке и его главный оппонент на выборах), заметно активизировали использование мусульманской риторики, пытаясь заручиться поддержкой консервативного блока и верующих на выборах¹.

Прабово поддержал арест Ахока, сподвижника Джокови, – христианина китайского происхождения².

В результате в 2016–2017 гг. против христианского губернатора Джакарты была развернута протестная кампания исламских фундаменталистов из ранее упомянутого «Фронта освобождения ислама». Религиозный фактор был использован для политизации чувств широких слоев населения. В итоге Джокови не смог спасти союзника от обвинений в богохульстве и тюрьмы. (Прабово впоследствии извинился перед Ахоком и другими, после разрастания социально-религиозного кризиса.) Дело Ахока многие консерваторы и радикальные группы восприняли как сигнал к действию, и ситуация того периода была близка к тому, что члены «Фронта...» могли получить вполне легитимную поддержку и стать третьей массовой силой наряду с классическими организациями. Мнения лидеров НУ и Мухаммадии также разделились.

Здесь, как и в ситуации с Мегавати, на помочь правительству пришли Находатул Улама и ее лидер Маруф Амин – известный богослов и политик, сподвижник президента Вахида. Маруфу Амину

¹ Mietzner M. Reinventing Asian populism Jokowi's rise, democracy, and political contestation in Indonesia // M. Mietzner. – Singapore: ISEAS, 2015. – P. 21.

² Басуки Чахая Пурнама по родовому прозвищу Ахок (у индонезийцев есть обычай повсеместно использовать прозвища), губернатор Джакарты, обвиненный в богохульстве.

было предложено баллотироваться на пост вице-президента с Джоко Видодо на выборах 2019 г., и участие такой весомой фигуры во многом помогло президенту не только переизбраться, но и лишить оппонента Прабово поддержки большой части верующих¹.

В 2020 г. волевым решением Джоко Видодо была окончательно запрещена деятельность организации «Фронт защитников ислама». Несмотря на то что организация всячески стремилась отгородиться от ассоциаций с экстремизмом, она призывала к изменениям государственного строя и активно вербовала чиновников, в том числе и дипломатов, которые были уволены со службы в результате масштабной спецоперации².

По итогам противостояния с «Фронтом...» Якут Холил Кумас, мусульманский религиозный деятель, возглавляющий «Молодежное движение Ансор» (Нахдатул Улама), занял пост министра по делам религий Индонезии. Он успешно организовал молодежное крыло Нахдатул Улама для противодействия исламистским радикалам в молодежной среде, значительно усилив ядро Панча Сила и сторонников индонезийского традиционного ислама. Последние события в значительной степени усилили НУ, по сравнению с Мухаммадией, при этом НУ исторически более политически активна, чем их коллеги модернисты.

Заключение

Таким образом, историю развития и становления ислама в Индонезии можно проследить через эволюцию традиционалистского и модернистского течений, которых придерживается большая часть мусульман, населяющих страну. Разделение индонезийского ислама на два течения вызвано историческими предпосылками его распространения, различиями в развитии островов и крупных политических центров Малайского архипелага, а также широким влиянием колонизации и личностного фактора. В рамках независимого индонезийского государства мы можем наблюдать дальнейшее развитие этих течений в манифестах и деятельности двух ключевых организаций – Нахдатул Улама и Мухаммадия соответ-

¹ Panggabean S. The Ma'ruf Amin way: keadilan, keumatan, kedaulatan // S. Panggabean. – Jakarta: Gramedia Pustaka Utama, 2020. – P. 40.

² Indonesia bans militant Islamic Defender's Front. DW. 30.12.2020 // <https://www.dw.com/en/indonesia-bans-militant-islamic-defenders-front/a-56092530> (date of access: 17.06.2021).

ственno. Так как две эти организации долгие годы определяли не только направление концептуального развития уммы в Индонезии, но и значительно влияли на политику, им удалось занять особые позиции в отношениях с государственной властью и стать неотъемлемой частью социально-политических процессов. Сегодня индонезийские мусульмане в зависимости от их образа жизни могут выбрать две крупнейшие в мире по численности мусульманские организации, которые можно неофициально назвать «государством в государстве», так как каждая из них обладает значительной инфраструктурой в стране и за ее пределами. Мусульмане как политическая сила прошли долгий путь от несогласия с Панча Сила и направлением развития государственности до полной поддержки этого курса во имя сохранения стабильности. Несмотря на значительные различия в интерпретации ислама индонезийские мусульмане показали реальные преимущества индонезийского подхода к исламу как к религии диалога и терпимости, которая допускает плюрализм мнений и имеет своей целью мирное сосуществование с другими религиями, что способствовало росту их позитивного имиджа – примера для других мусульманских стран в борьбе с исламизмом, радикализмом и нетерпимостью. Пример Индонезии действительно уникален и значительно отличается от того образа ислама, что мы видим на Ближнем Востоке, знание и понимание особенности жизни мусульман в Индонезии важны для осознания всего разнообразия современного ислама и его развития у народов Юго-Восточной Азии.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Сченнович В.Н.*

**ИРАН В УСЛОВИЯХ НОВЫХ САНКЦИЙ США.
(Аналитический обзор)**

DOI: 10.31249/rimm/2021.04.09

Аннотация. Анализируются изменения, которые произошли в Иране в 2018–2020 гг. Администрация Д. Трампа в этот период вновь

* Сченнович В.Н., научный сотрудник, Отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: v1-lyuba@yandex.ru

начала проводить политику жесткого санкционного давления на Иран. Динамика экономического развития Ирана стала отрицательной, упал жизненный уровень населения, из страны ушли крупные европейские инвесторы. Санкции США направлены не только против иранских компаний, но и против компаний других стран, поддерживавших экономические связи с Ираном. Они затронули религиозных, политических и военных лидеров ИРИ. Необходимо иметь в виду, что санкции направлены в первую очередь против исламского режима Ирана.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран (ИРИ); Хасан Роухани; Али Хаменеи; КСИР; СВПД; США; Дональд Трамп; Запад; санкции; ЕС; ВВП; экспорт и импорт нефти; ненефтяной экспорт; иностранные инвестиции; бюджет; ФАТХ; экономическая рецессия; «экономика сопротивления»; социальные протесты; прогнозы.

Введение

Авторы статей анализируют ситуацию, которая произошла в 2018–2020 гг. в ИРИ. После заключения Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД, 2015) Иран стал восстанавливать свой экономический потенциал, укреплять политическое влияние в регионе. Правительство Хасана Роухани взяло курс на расширение связей с Западом, постепенное ограничение влияния Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) внутри и за пределами страны. Однако США с 2018 г. возобновили политику жесткого санкционного давления на ИРИ. Санкции США затронули практически все отрасли иранской экономики, наиболее эффективно работавшие компании страны.

В статьях рассматриваются основные тенденции социально-экономического и политического развития ИРИ после выхода США из СВПД и возвращения американских санкций. Появление новых вызовов: усиление конфронтации с США в регионе, экономический спад, рост внутреннего протестного потенциала, противостояние политических элит, радикализация власти, пандемия коронавируса – все это угрожает стабильности исламского режима.

Усиление санкционного режима

Санкционный режим для Ирана стал постоянным фактором развития со времени создания Исламской Республики Иран (ИРИ), отмечает кандидат экономических наук Н.М. Мамедова (Институт

востоковедения РАН) [3]. Его введение обосновывалось стремлением Запада и Израиля уничтожить исламский режим, которое служило фактором, объединяющим иранское общество с властью. После 2007 г. санкционный режим приобрел международный характер, что было связано с развитием Ираном ядерной программы. Главное острое санкций – и американских, и международных – было направлено против компаний, связанных с транспортировкой иранских энергоресурсов на мировой и региональные рынки. В ответ на санкции по инициативе лидера страны – рахбара Али Хаменеи при правительстве Махмуда Ахмадинежада была разработана концепция «экономики сопротивления». Ее целью было снизить зависимость экономики страны от экспорта сырой нефти и от импорта компонентов, необходимых для работы промышленных предприятий Ирана. «Экономика сопротивления», утверждал Али Хаменеи, должна была также снизить уровень безработицы, повысить уровень доходов низших слоев общества. Однако ожидаемого результата эта программа не принесла.

Н. Мамедова дает макроэкономический анализ и оценивает политическую ситуацию в ИРИ. После 2012–2013 гг., когда ВВП упал на 7,7%, падение цен на нефть на мировом рынке усилило негативный эффект от санкций. Стала расти «теневая экономика»: если в 2011 г. последняя составила 14,93% ВВП, то в 2015–2016 гг. она увеличилась до 18,38%. Ухудшающаяся экономическая ситуация стала угрожать не только экономическому развитию, но и исламскому режиму. В итоге pragматические интересы правящего духовенства перевесили идеологические соображения – рахбар Али Хаменеи был вынужден пойти на переговоры о сокращении ядерной программы. Религиозное руководство поддержало приход команды pragmatika Хасана Роухани, близкого реформаторскому крылу политических сил, результатом чего стало подписание 15 июля 2015 г. в Вене СВПД. В январе 2016 г. парламенты стран, участвовавших в подписании договора, подтвердили свое с ним согласие, что означало начало официальной отмены санкций. Это смогло вновь сделать динамику ВВП Ирана положительной.

Автор статьи замечает, что рост ВВП в 2016–2017 гг. шел, главным образом, за счет добычи нефти. В экспорте Ирана доля нефти даже в самые сложные для страны годы составляла более 60%, и только в 2015–2016 гг. она почти сравнялась с ненефтяным экспортом (50,6%). В результате улучшения экономического положения укрепились позиции либерального крыла политических сил, разделявших взгляды команды Х. Роухани на необходимость

расширения связей с Западом, снизилось влияние КСИР – и внутри Ирана, и вне, – усилились тенденции секуляризма, периодически проявляющиеся в Иране. Ситуация стала радикально меняться после прихода к власти в США Д. Трампа и особенно после выхода США из СВПД. Д. Трамп заявил в мае 2018 г., что против Ирана будет установлен «наивысший уровень» санкций, которым подвергнутся банки и компании, работающие во всех без исключения секторах экономики Ирана. Санкции, которые налагали США на Иран, касались как товаров, так и компаний и даже отдельных лиц. Но главным для страны был запрет на закупки иранской нефти, основного источника валютных поступлений.

Усиление санкционного режима приходится на 2018–2020 гг. Первый пакет санкций США против Ирана, введенных с осени 2018 г., коснулся более 700 физических лиц, разных компаний, в частности 50 иранских банков. В 2018 г. был введен запрет США на продажу Ирану наличных долларов, золота и других драгоценных металлов, на сделки в иранских риалах, что могло бы облегчить проведение финансовых операций. К 2020 г. не осталось ни одной отрасли или крупной компании, против которых не были бы введены санкции. 10 января 2020 г. были введены новые санкции против иранских компаний, занимающихся производством стали высокого качества, пользующейся спросом на мировом рынке.

Санкции 10 января 2020 г. являлись следствием предпринятых Ираном мер в ответ на убийство 3 января 2020 г. Касема Сuleймани – главы действующего за пределами Ирана подразделения КСИР «Кодс». Поскольку они имели политический характер, то затронули и значимые политические фигуры. В их число попали и брат Касема Сuleймани, возглавляющий ополчение «Басидж», Голамреза Сuleймани; секретарь Высшего совета безопасности Али Шамхани; один из руководителей КСИР Мохаммад Реза Нагди. Против КСИР санкции были введены в апреле 2019 г. Д. Трамп объявил эту структуру террористической организацией. Хасан Роухани стремился ограничить политическое, военное и экономическое влияние КСИР, в то время как раббар Али Хаменеи считал Корпус основной опорой режима. Корпус стал укрепляться молодыми кадрами, сторонниками линии раббара. Практика введения санкций против отдельных лиц широко применялась администрацией Трампа. 4 ноября 2019 г., в годовщину захвата (1979) посольства США в Тегеране, были введены санкции против девяти граждан Ирана, в том числе против сына Али Хаменеи.

Наиболее болезненными для Ирана являются санкции на закупки иранской нефти, главного источника валютных поступлений. Большинство соглашений с Ираном зарубежных, в том числе европейских и российских, компаний после подписания СВПД касались, главным образом, участия этих компаний в нефтяном экспорте. Негативное влияние на иранскую экономику оказывал невысокий уровень цен на нефть, которые стали повышаться только в конце 2019 г. США удалось добиться своей цели – экспорт иранской нефти сократился более чем вдвое. В условиях, когда экономика стала впадать в регрессию, Иран готов снижать цены на вывозимую нефть. Н. Мамедова делает вывод: нелегальный рынок нефти продолжает действовать, хотя и в ограниченных размерах.

Основными покупателями иранской нефти остаются Турция, Китай, Индия и другие азиатские страны. Несмотря на санкции, нефть из Ирана на рынок поступает главным образом через компании третьих стран. Многие компании Европы и Азии стояли перед дилеммой: что предпочтительней – иранская нефть или попытки избежать санкций США.

В сложном положении оказался не только Иран, но и остальные участники СВПД. Германия, Великобритания и Франция для обхода санкций разработали специальный торгово-финансовый механизм INSTEX (Instrument for Supporting Trade Exchanges), к которому присоединился и Иран. Франция и Германия пытались расширить число участников INSTEX и сохранить СВПД. 29 ноября 2019 г. к этой платежной системе присоединились Финляндия, Бельгия, Дания, Нидерланды, Норвегия и Швеция. До сих пор четко не определены принципы работы этого финансового механизма, как они соотносятся с международными торговыми стандартами. Возможно, полагает автор, если бы Иран присоединился к международной организации ФАТФ (Financial Action Task Force on Money Laundering) – «Группе разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег», которая взаимодействует с ООН, МФВ и Всемирным банком, то деятельность INSTEX могла быть более успешной. INSTEX до 2020 г. не смог оказать противодействия американским санкциям, особенно в связи с серьезным обострением ирано-американских отношений.

Бюджет как отражение санкций США

Влияние санкций на состояние иранской экономики отразилось на формировании бюджета на 2020/2021 г. Составление бюд-

жета происходило в условиях введения новых санкций. Государство в 2019 г. не могло рассчитывать на запланированные ранее доходные статьи бюджета и было вынуждено использовать все средства Стабилизационного фонда и Фонда национального развития. Это было связано не только с сокращением экспорта нефти и металлов, но и с ограничением деятельности иранских банков и прекращением деятельности крупных международных компаний (автомобильные компании PSA, Renault, Total, Sanofi и др.). Общий приток прямых иностранных инвестиций в иранскую экономику снизился с 5 млрд долл. в 2017 г. до 3,48 млрд долл. в 2018 г. Бюджет лишился доходов от нереализованных совместных проектов. Для привлечения иностранных инвестиций Иран усилил внимание к свободным зонам, предпринимаются меры для открытия Международной биржи.

В представленном меджлису в декабре 2019 г. проекте бюджета на 2020 / 2021 г. доходы от экспорта нефти были сокращены более чем вдвое, хотя раньше они составляли основную часть бюджетных доходов. Как отмечает автор, доходы Ирана от нефти трудно прогнозировать, так как договоренности о продаже держатся из-за санкций в секрете. Бюджет составлен из расчета цены на нефть в 50 долл. за баррель, но даже если цена на мировом рынке будет выше, разница в цене, за счет которой формируется Фонд национального развития, вряд ли будет высокой, поскольку Иран вынужден продавать свою нефть нелегально и по сниженным ценам.

Чтобы уменьшить бюджетный дефицит, который можно оценить в 50%, в новом бюджете предполагались заимствования в размере около 11 млрд долл. из Национального фонда развития, в который направляется 20% от нефтяных сверхдоходов (от разницы между реальной ценой нефти и ценой, заложенной в бюджет), а также доходы от продажи государственных облигаций. Эти облигации относятся к категории «сукук» – так называемых исламских ценных бумаг, обеспеченных активами государственных компаний. Высока вероятность того, что Центральный банк будет вынужден пойти на увеличение количества денег в обращении, что приведет к росту инфляции. Бюджетный дефицит вынуждает правительство идти на сокращение капитальных проектов, но вряд ли оно сможет радикально изменить систему социальной помощи населению, считает Н. Мамедова. В последние годы Иран сократил компенсационные выплаты за счет внедрения адресной поддержки наиболее бедных. Стране стало сложно поддерживать цены на

внутреннем рынке, осуществлять благотворительные проекты по жилищному строительству, проводить политику по повышению оплаты труда, уровня здравоохранения и образования.

Трудности с обеспечением доходной части бюджета привели к нарастанию социальной нестабильности, массовым волнениям в 2018–2019 гг. Снижение субсидий на бензин, трехкратное повышение на него цен вызвали массовые протесты. Не обошлось без жертв – ими стали не менее 300 человек. Траурные шествия на 40-й день в память о погибших в Тегеране, Керманшахе, Ахвазе, Тебризе и Мешхеде вылились в политические протестные демонстрации.

Ситуация в Иране накануне 41-й годовщины Исламской революции, прежде всего из-за внешнего экономического давления США, осложнилась. Тем не менее пока режим, несмотря на экономические трудности, заключает исследователь, сохраняет прочность с точки зрения социальной поддержки населения. Кроме того, опыт соседних стран, таких как Сирия, Ирак и Ливия, показывает, что противостояние с законной властью ведет к хаосу, государственной раздробленности и ухудшению положения населения. Одним из вариантов решения возникших проблем являются переговоры с США, но согласие на их проведение зависит от позиции лидера страны – Али Хаменеи. Религиозное руководство страны неоднократно демонстрировало свое умение расставлять приоритеты в целях сохранения исламского режима, расширять пределы его эволюции.

Цели антииранской политики США

Кандидат исторических наук Е.В. Дунаева (Институт востоковедения РАН, доцент ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова) и кандидат исторических наук, профессор Института востоковедения РАН В.И. Сажин [1] утверждают, что антииранская политика, осуществляемая Д. Трампом с момента прихода к власти, привела к выходу США из СВПД в 2018 г. и вводу жестких санкций, подрывающих иранскую экономику. Однако к весне 2019 г. стало ясно, что цель американского президента – нанесение экономического ущерба ИРИ, с тем чтобы спровоцировать социальные потрясения в стране, которые могли бы привести к смене режима, так и не достигнута. Несмотря на психологическое давление и санкции, Ирану удается выживать, поддерживать внутреннюю стабильность и сохранять свои позиции на Ближнем Востоке. В мае 2019 г. США усилили санкционный нажим, сняв льготы для 8 стран –

импортеров иранской нефти, пытаясь «обнудить» ее экспорт и оказать максимальное давление на экономику ИРИ. Как представляется исследователям, администрация Д. Трампа поставила задачу заставить иранское руководство вновь сесть за стол переговоров с США на их условиях по широкому кругу вопросов, начиная от ядерной и ракетной программ, деятельности Тегерана на Ближнем Востоке и заканчивая правами человека. В случае реализации этого плана политика ИРИ претерпела бы кардинальные изменения. Вызов, брошенный Д. Трампом Ирану, создает сложную ситуацию внутри страны и вокруг нее.

Выход США из СВПД расшатал ядерную сделку, что в перспективе может обернуться катастрофическими последствиями. Хотя Великобритания, Франция и Германия как участники СВПД выступили против антииранской политики Д. Трампа, они в то же время были не в состоянии заставить предпринимателей своих стран работать с Ираном в условиях санкционных мер. Тегеран выжидал и надеялся на Европу. Однако за прошедшее время страны ЕС не смогли отладить работу механизма INSTEX для Ирана. Религиозно-политическое руководство ИРИ, стремившееся сохранить СВПД в условиях ужесточения санкций и невыполнения странами ЕС своих обязательств, решило не выходить из ядерной сделки. Тегеран объявил о постепенном сокращении выполнения части своих обязательств, давая знак ЕС, что готов к полному возвращению в СВПД в любой момент, когда партнеры облегчат санкционный груз. Одновременно Иран призывал других участников выполнять условия соглашения – противодействовать США и осуществить обход американских санкций. Однако с мая 2019 г. Тегеран приступил к претворению в жизнь плана, который предусматривал поэтапную приостановку выполнения некоторых пунктов ядерной сделки. За это время Иран преуспел в восстановлении ядерной инфраструктуры. Было увеличено количество хранимого обогащенного урана и тяжелой воды, повышен уровень обогащения с 3,76 до 4,5%. При этом Тегеран сохранил сотрудничество с МАГАТЭ и постоянно заявляет о готовности вернуться к условиям соглашения в случае снятия американских санкций.

Если резолюция о сохранении режима отмены санкций в отношении ИРИ принята не будет, СБ вновь введет санкционные меры против Ирана, которые будут носить международный характер. ЕС может присоединиться к США и ввести против ИРИ свои санкции. В этих условиях иранцы могут резко отреагировать на вызовы европейцев и выйти из Договора о нераспространении

ядерного оружия (ДНЯО), к чему призывают радикальные круги в стране, а также и из-под контроля МАГАТЭ. Тем самым Иран откроет себе свободный путь для безотчетного развития ядерной программы, в том числе ее военной составляющей. Необходимо учитывать реакцию Израиля и США на бесконтрольное развитие ядерного потенциала ИРИ. В этом случае вероятность удара Израиля и / или США по иранским ядерным объектам приблизится к 100%, уверяют исследователи, что будет началом серьезного конфликта на Ближнем Востоке.

К 2020 г. напряженность в отношениях между Ираном и США достигла апогея. Эскалация напряженности началась еще в мае 2019 г. Тогда Тегеран, год ожидавший разрешения конфликта вокруг ядерной сделки в связи с вводом санкций, потерял надежду и перешел к решительным действиям. Летом разразилась «танкерная война» в Персидском заливе, Корпус стражей исламской революции (КСИР) уничтожил американский беспилотник, нефтяные объекты Саудовской Аравии были поражены иранскими ракетами, иранские хакеры активизировали кибератаки против США. В конце декабря 2019 г. начался обстрел американской военной базы в Ираке в районе Киркука. США возложили ответственность за эти действия на группировку «Хезболла», курируемую Тегераном, и нанесли авиаудары по иранским объектам на территории Сирии и Ирака, что привело к вспышке антиамериканских настроений в Багдаде, где иракские шииты попытались взять штурмом посольство США. Вслед за этим Д.Трамп отдал приказ об уничтожении иранского генерала Касема Сuleймани, считая, что именно он стоял за атакой на американские базы в Ираке и посольство в Багдаде. Однако, несмотря на провокационную риторику по отношению друг к другу, ни Тегеран, ни Вашингтон не заинтересованы в широкомасштабной войне, подчеркивают авторы. Вместе с тем при нынешнем состоянии отношений Иран – США, которые находятся в «серой зоне», где идет гибридная война, даже, на первый взгляд, незначительный эпизод способен привести к катастрофическим последствиям.

Экономическая ситуация в Иране

Ввиду усиления санкционного режима в 2019 г. экономическая ситуация в стране продолжала ухудшаться, что связано с резким сокращением объемов экспорта нефти. В настоящее время Иран официально не предоставляет каких-либо данных о продаже

углеводородов, поскольку, пытаясь обойти санкции, использует черные схемы экспорта. Ежегодные доходы Ирана от экспорта нефти снизились более чем на \$10 млрд. Отрицательная динамика в нефтегазовом секторе (-37%) обусловила падение темпов экономического роста. В то же время, в отличие от 2018/2019 г., когда падение ВВП без учета нефти составило -2,1%, в 2019/2020 г. отмечен минимальный, но положительный тренд: объем ВВП без учета нефти показал рост 0,9%, а в секторе сельского хозяйства +3,4%, строительстве - +9,6%, и промышленности - +2%. Это позволяет говорить о том, что страна преодолела шок от усиления санкций США и правительство пытается стабилизировать ситуацию.

Одной из основных проблем иранской экономики в 2018–2019 гг. оставалась инфляция. Темпы ее роста за последний год составили 35,1%. Правительство, несмотря на попытки регулирования цен, введение ограничений на ввоз предметов роскоши, не сумело сдержать рост потребительских цен. В результате цены на продовольствие в городах возросли более чем на 40%, а промтоваров на 28–35%, что привело к снижению покупательной способности населения. Попытки выровнять ситуацию путем повышения зарплат, пособий, выплат адресной помощи не смогли ослабить процесс удорожания в связи с девальвацией риала и привели к росту денежной массы в обращении, составившему за последний год 29%.

Компенсируя дефицит бюджета, спровоцированный сокращением нефтяных доходов, правительство в рамках стратегии «экономики сопротивления» уделяет большое внимание импортозамещению с целью развития ненефтяного экспорта. Несмотря на сложную ситуацию в производственном секторе, подвергшемся санкциям, в 2019–2020 гг. иранский автопром сумел локализовать изготовление части комплектующих на местных производствах, отказавшись от закупки деталей за рубежом и сэкономив 16,7 млн евро. Экспорт ненефтяной продукции за последний год составил \$38,5 млрд. Он становится источником пополнения доходной части бюджета в условиях сокращения поступлений от нефти. Основными направлениями иранского ненефтяного экспорта остаются Китай – 23%, Ирак – 22, Турция – 12,9 и ОАЭ – 10,6%.

Необходимость мобилизации внутреннего потенциала для обеспечения роста производства подчеркнул духовный лидер страны Али Хаменеи. Особое внимание должно будет уделяться дальнейшей диверсификации производства, созданию новых мощностей в нефтехимической промышленности и продвижению экс-

порта в Азию. В связи с этим авторы отмечают вступление в силу в октябре 2019 г. Временного соглашения о зоне свободной торговли между Ираном и ЕАЭС. По итогам 2018 г., экспорт ИРИ увеличился в страны ЕАЭС более чем на 27%, а согласование тарифных преференций по продукции сельского хозяйства, строительным материалам, коврам, изделиям из цветных металлов позволяет наращивать объемы экспорта. В то же время ситуация в целом остается сложной. Сокращение доходов не позволит правительству даже при использовании резервов Национального стабилизационного фонда поддерживать производство, реализовывать свои социальные обязательства.

Протестные акции

В начале 2018 г. по всей стране прокатилась волна оппозиционных выступлений, которая продемонстрировала рост недовольства населения ухудшающейся социально-экономической ситуацией и действиями властей. Хотя волнения были подавлены в течение нескольких дней, отдельные акции и забастовки продолжились и в 2019 г. Эти выступления были вызваны задержками выплат пенсий, зарплат и социальных пособий, закрытием предприятий, сокращением государственных субсидий. Демонстрируемая правительством неэффективность системы управления, невыполнимость многих даваемых обещаний на фоне продолжающейся, но без особых успехов, борьбы с коррупцией, банкротства промышленных предприятий, роста безработицы – все это приводит к выражению недоверия к властям.

В ноябре 2019 г. вспыхнул протест, поводом к которому стало решение о повышении цен на бензин и квотировании его отпуска по более низким ценам. В ходе ноябрьских акций акцентировалась в основном бытовые сложности и проблема безработицы, и протесты носили преимущественно экономический характер. В то же время в некоторых городах звучали политические призывы против режима и наблюдались нападения на религиозные учреждения и духовных лиц, которых обвиняли в забвении обездоленных. Однако эти акции не получили поддержки. Волнения были жестко подавлены. Количество убитых и раненых превысило сотни человек. По утверждению властей, в возникновении протестов большую роль сыграл внешний фактор. Однако ни представители Организации моджахедов иранского народа (ОМИН), ни прошахские силы не имеют значимого влияния в иранском обществе, хотя

отдельные группы молодежи проявляют интерес к их пропагандистским материалам на интернет-сайтах и в соцсетях.

Иранские политологи отмечают нарастающий отрыв власти от народа и более радикальный и разрушительный характер действий протестующих, рост участия в беспорядках молодежи до 30 лет и большой охват территории. Фактором активизации таких акций, возможно, выступает борьба политических элит, разыгрывающих свой сценарий. Радикально консервативные силы, резко критикуя действия президента, обвиняя его в некомпетентности, готовности идти на уступки Западу, нагнетают недовольство народных масс и провоцируют их на выступления против правительства.

Обострение внутриполитической борьбы

Выход США из СВПД и обострение социально-экономических проблем в стране ослабили положение правительства Х. Роухани, практически свели на нет его заслуги по достижению соглашения с мировым сообществом и усилили позиции критикующих политику президента консерваторов. Поскольку радикально консервативное крыло опирается на поддержку КСИР, в обществе все чаще высказываются опасения ввиду того, что сложившаяся ситуация в Иране открывает широкие возможности вмешательства военных в политическую жизнь, что может привести к радикализации внешней и внутренней политики. Проведение парламентских выборов в феврале 2020 г. и президентских выборов весной 2021 г. обостряло внутриполитическую борьбу. Консервативно настроенные круги, укрепившие свои позиции в ряде государственных структур и в судебной власти, поставили цель получить большинство мест в меджлисе, с тем чтобы иметь максимальные шансы на победу на президентских выборах.

Накануне выборов в сложном положении оказался либеральный лагерь. Поскольку президент Х. Роухани не сумел выполнить своих обещаний, сторонники реформаторов и умеренных не могли рассчитывать на поддержку населения. По данным социальных опросов на начало 2020 г., 85% населения недовольны своим положением и ситуацией в стране и проявляют политическую индифферентность. Многие кандидаты от реформаторов были не допущены к участию в выборах. Большинство голосов получила коалиция консерваторов. В их руках 75% депутатских мест. Кандидаты либеральных сил, отказавшиеся выступать единым фронтом под лозунгом реформ, получили 9% голосов. Остальные места за-

нимают независимые депутаты и представители религиозных меньшинств, которым отведено пять мест в парламенте. Анализ нового депутатского корпуса демонстрирует увеличение в 2 раза по сравнению с предыдущим составом меджлиса представителей КСИР и духовенства, среди которых преобладают радикальные консерваторы.

Новый расклад сил в парламенте может значительно осложнить последний год работы правительства, поскольку консервативный меджлис будет стремиться максимально ослабить президента и позиции умеренных сил, чтобы не допустить повторного избрания их кандидата на президентских выборах 2021 г. Однако, поскольку депутаты от консерваторов представляют различные течения и у них сильны внутренние разногласия, маловероятно, что они будут выступать единым фронтом и требовать отставки кабинета или выхода ИРИ из СВПД. В свете президентских выборов 2021 г. отсутствие подвижек в сторону улучшения ситуации в экономической сфере представляет для консерваторов угрозу. Но, в понимании авторов, решить проблемы страны в краткосрочной перспективе невозможно.

Ядерная программа Ирана

Как отмечают доктор политологии Тегеранского университета Дж. Карами и кандидат исторических наук Е.В. Дунаева (Институт востоковедения РАН) [2], с начала XXI в. основной проблемой во взаимоотношениях Ирана с международным сообществом стало развитие его ядерной программы. Европейские государства с целью ограничения доступа ИРИ к ядерным технологиям пытались заставить Тегеран пойти на уступки. Не достигнув договоренностей, они передали «досье» Ирана в СБ ООН, который в 2006–2011 гг. ввел систему международных санкций. Параллельно более жесткие санкции наложили на Иран США и Евросоюз, в том числе ввели эмбарго на закупку иранской нефти и отключили от системы международных расчетов SWIFT. К этому пакету присоединились и другие страны, опасаясь попасть под вторичные санкции. Лишь после прихода к руководству исполнительной власти либерально настроенного Х. Роухани, по убеждению исследователей, появились возможности для достижения компромисса.

В июле 2015 г., подписав соглашение (СВПД), Иран проявил готовность пойти на ограничения своей ядерной программы. Устанавливался контроль МАГАТЭ за выполнением всех обязательств ИРИ, обеспечивался его постоянный доступ на все ядер-

ные объекты страны. Победой ИРИ можно считать признание за ним права на мирную ядерную деятельность. Несмотря на попытки республиканцев в конгрессе выступить против этого международного документа, им не удалось его заблокировать. Указом президента США от 16 января 2016 г. были отменены санкции против Ирана, введенные в контексте его ядерной программы.

Правительство Х. Роухани возлагало на СВПД большие надежды. Предполагалось, что, беря на себя обязательства по сокращению ядерной деятельности, Иран сможет участвовать в международной торговле, привлекать инвестиции, развивать культурные и гуманитарные контакты. Повышались шансы Тегерана на участие в процессах урегулирования конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, чтобы упрочить безопасность и закрепить за собой место одного из решающих игроков на региональной арене. СВПД разрядил международную обстановку вокруг ИРИ, открыл возможности для возвращения страны на мировой экономический рынок. Снятие санкций привело к положительным сдвигам в экономике. Правительству удалось снизить инфляцию, увеличить приток валюты за счет восстановления объемов добычи и экспорта нефти, обеспечить экономический рост.

США против СВПД

Администрация США считает, что СВПД не отвечает интересам Запада и способствует усилению политической и военной мощи исламского режима. Высказывались сомнения и относительно возможности ИРИ продвинуться вперед по пути демократии в результате упрочения позиций либеральных политических сил во властных структурах. Усиливая психологическое давление на Иран, поддерживая оппозиционные режиму организации за рубежом, приветствуя протестные акции, прокатившиеся по Ирану в начале 2018 г., Вашингтон пытался подтолкнуть Тегеран к нарушению обязательств. Трамп требовал найти этому доказательства. Однако МАГАТЭ регулярно подтверждало верность Ирана духу СВПД, подчеркивают исследователи.

8 мая 2018 г. Д. Трамп официально заявил о выходе США из соглашения под тем предлогом, что Иран продолжает разработку ядерного оружия. Одновременно было объявлено о сворачивании сотрудничества с Ираном и восстановлении односторонних санкций. Поскольку СВПД – это многостороннее международное соглашение, выход одной стороны не означает ликвидации догово-

ренностей. Остальные участники выразили стремление сохранить его, если Иран продолжит соблюдение своих обязательств. С резким осуждением позиции США выступили Россия и Китай. Отмечалось, что односторонние действия Америки дискредитируют международную дипломатию, а также наносят удар по авторитету МАГАТЭ. Религиозно-политическое руководство ИРИ приняло решение сохранить СВПД, продемонстрировав верность международным обязательствам.

Тегеран не был готов пойти на пересмотр и расширение соглашения, на чем настаивали США. Недовольство Вашингтона вызывает не столько ядерная программа, сколько сам режим, проводящий независимый политический курс и укрепляющий свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке. Д. Трамп преследовал цель дестабилизировать экономическую ситуацию, чтобы подтолкнуть народ Ирана к выступлению против власти. Однако режим подтвердил свою стабильность и готовность противостоять любым угрозам, о чем свидетельствовали многочисленные демонстрации, прошедшие в годовщину революции, отмечают авторы.

Санкционный режим в новых условиях

В ноябре 2018 г. США восстановили санкции в полном объеме, в том числе направленные против других государств, торгующих с Ираном. Введение эмбарго на покупку нефти должно было нанести ущерб экономике ИРИ и, возможно, в перспективе привести к смене власти. Однако такими действиями США втянулись в конфликт со многими государствами. Осознав, что им не удастся превратить односторонние санкции в многосторонние и создать единый антииранский фронт, США пошли на уступки. Восемь государств – Греция, Италия, Индия, Турция, Южная Корея, Япония, Китай и Тайвань – до мая 2019 г. получили возможность продолжать импорт нефти при сокращении объемов закупок. Средства, полученные Ираном от этих продаж, могли быть потрачены только на гуманитарные нужды.

Несмотря на то что Иран вновь оказался под санкционным прессом, нынешняя ситуация отличается от той, в которой страна находилась в 2011–2015 гг. Санкции официально не носят международного характера, и даже Евросоюз признает их нелегитимность. Находясь под сильным прессингом США, члены ЕС все же выражают поддержку Тегерану и пытаются отстаивать свою независимость. В начале 2019 г. Великобритания, Германия и Франция заявили, что в целях сохранения СВПД создали инструмент по

поддержке коммерческих транзакций для обхода санкций – INSTEX. В Тегеране оценили эту инициативу как шаг на пути к диалогу, рассчитывая, что этот механизм поможет проводить расчеты по продажам нефти и обеспечивать закупку других необходимых ему товаров у европейских фирм.

Консервативные силы внутри ИРИ заявляли: Иран сдал свои позиции в ядерной сфере, что не отвечает национальным интересам. С началом реализации Совместного плана его противники всю силу своей критики направили на умеренного либерала Х. Роухани. Его оппоненты осознали, что соглашение – реальный успех правительства, оно укрепляет позиции либеральных сил во власти и повышает шансы Х. Роухани на переизбрание президентом. Усиление антииранской риторики с приходом Д. Трампа активизировало призывы к выходу из СВПД и возобновлению ядерной деятельности внутри Ирана.

Социально-экономические последствия возвращения санкций

Следствием введения санкций стал экономический спад. Несмотря на ухудшение ситуации, Тегеран намерен выстоять в экономической войне. Находясь под действием санкций, Иран разработал различные схемы их обхода. В условиях многосторонних нефтяных санкций он находил способы адаптироваться к ограничениям и продавал нефть негосударственным компаниям по заниженным ценам, использовал негласно арендованные танкеры, отключал системы геолокации нефтеналивных судов во время транспортировки нефти, прибегал к бартерным сделкам. Невозможность полного выдавливания иранской нефти с международного рынка отмечают и в ОПЕК. Некоторые страны-импортеры смогли создать свои финансовые инструменты для оплаты иранских поставок, используя национальные валюты. Такие схемы расчетов уже применялись в отношениях с Китаем, Индией, Турцией. Достигнуто соглашение о переходе на расчеты в национальных валютах между Россией и Ираном.

Стремясь снизить долю доходов от нефти в общих доходах страны, правительство ИРИ делает ставку на развитие других отраслей, в том числе нефтепереработки, для сокращения экспорта сырой нефти в будущем. Предполагается диверсифицировать экспортно-импортные направления. Особое внимание уделяется азиатскому направлению в целом и соседним государствам как

потенциальным импортерам иранской продукции. Внимание на Восток – тренд экономической дипломатии ИРИ. В условиях осложнения отношений с Западом Иран сделал ставку на свой геополитический ресурс – прямой выход в международные воды и соседство с 15 государствами с целью активизации торгово-экономических отношений. За 2019–2020 гг. ИРИ удалось увеличить объемы ненефтяного экспорта в соседние государства. 44% составляют промышленные товары, 32 – нефтехимия, 11 – газовый конденсат, 9% – сельхозпродукция, остальное – минеральное сырье и товары ручного производства, в основном ковры. Эти страны рассматриваются и как поставщики товаров.

В ненефтяном секторе Китай сохраняет свой приоритет как торговый партнер. Его доля в иранском экспорте (без нефти) составляет 17%, или свыше 9 млрд долл. Объемы иранского экспорта в Ирак за последний год возросли на 37% и достигли почти 9 млрд долл. ИРИ поставляет в Ирак газ и электроэнергию. Значительно расширена номенклатура ненефтяных товаров: металлоизделий; стройматериалов; мебели; продовольствия; одежды и обуви; предоставляются инженерные и технические услуги. Иран и Ирак договорились о сотрудничестве в банковской и финансовой сферах и использовании национальных валют – риала и динара. Увеличился экспорт в Пакистан на 36%, Оман – 32, Азербайджан – 26, Индонезию – 21, Малайзию – 20%. Пакистан в последнее время увеличил импорт иранской продукции. Поскольку экономики обеих стран имеют взаимодополняющий характер, объем двусторонней торговли может достигать 5 млрд долл. Торговый обмен России и Ирана невелик, в 2018 г. их товарооборот составил 1,74 млрд долл., импорт России вырос на 35,95%. Помимо продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (почти две трети импорта) Иран поставляет металлы (12%), химическую продукцию (6,3%), а также машины, оборудование и транспортные средства (суда).

В условиях возвращения широких американских санкций, отмечают Дж. Карами и Е. Дунаева, Иран идет на подписание Временного соглашения об образовании Зоны свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и ИРИ, что приведет к значительному увеличению товарооборота. Прошедший после выхода США из соглашения год показал: хотя Иран сталкивается с трудностями, он не проиграл эту экономическую войну. Стремясь минимизировать потери, Тегеран изыскивает возможности компенсировать недопо-

лученные нефтяные доходы, готов задействовать как внутренние резервы, так и экономическую дипломатию.

Обратное действие американских санкций

Выход США из СВПД оказал влияние и на внутриполитическую ситуацию в ИРИ. Однако вместо ожидаемого за океаном роста выступлений иранцев против властей наблюдается консолидация общества на базе осуждения действий Вашингтона. Этот факт можно рассматривать как моральную победу Тегерана. Вместе с тем в стране нарастает недовольство в результате ухудшения экономической ситуации. Растет число протестных акций, но эти выступления носят экономический характер. Политические же лозунги, направленные против режима, не находят поддержки у большинства населения и расцениваются как результат воздействия внешней пропаганды. Усиление психологического давления извне, нарастание военной угрозы способствуют росту антизападных настроений, национальному сплочению. Исламское руководство ИРИ, заключают Дж. Карами и Е. Дунаева, демонстрирует готовность в сложных условиях использовать дипломатические инструменты для сохранения режима.

Заключение

Вызовы, с которыми сталкивается Иран в последний период, осложняют социально-экономическую ситуацию и угрожают стабильности исламского режима. Падение цен на нефть приводит к сокращению незначительной части доходов, которую удается получать, обходя американские санкции. Дальнейшее снижение жизненного уровня, рост безработицы, крах мелкого предпринимательства, неминуемые в условиях кризиса, приведут к росту протестного потенциала и к новым, возможно, более массовым и разрушительным акциям. Правительство принимает меры к повышению зарплат, пенсий, выделяет пособия для борьбы с пандемией, поставившей ИРИ на грань гуманитарной катастрофы, предлагает беспроцентные кредиты. Сообщения о начале работы механизма INSTEX для закупки необходимых медикаментов и поставки их в Иран со стороны Великобритании, Франции, Германии дают надежду на возможность проведения транзакций и расширения взаимодействия стран ЕС и Ирана и присоединения к этому механизму других государств. По некоторым данным, США дали разрешение некоторым международным банкам разморозить иранские счета

для закупки гуманитарных товаров, подчеркивая при этом, что о снятии санкций речь не идет. Однако без снятия санкций и проведения структурных изменений в экономике и политической сфере решить проблемы ИРИ на долговременной основе невозможно.

У Ирана, считают авторы статей, в перспективе выход один – переговоры. Однако перегруппировка сил США в регионе Персидского залива и развертывание ими систем противовоздушной обороны в Ираке, направленных против Ирана, могут привести к усилению конфронтации. Но не исключен и иной сценарий. Вполне вероятно, что новый консервативный парламент изменит свое отношение к вопросу о присоединении к ФАТФ, а после президентских выборов в США увидит необходимость установления с ними контактов, отстаивая национальные интересы страны. Уже сейчас Иран имеет возможность вести переговоры с европейцами, Россией и Китаем, это необходимо для формирования контактов Иран – США, подчеркивают исследователи.

Литература

1. Дунаева Е.В., Сажин В.И. Исламская Республика Иран в условиях новых вызовов // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 5. – С. 12 – 20.
2. Карами Дж., Дунаева Е.В. Иран перед лицом новых угроз // Свободная мысль. – 2019. – № 5 (1677). – С. 47–62.
3. Мамедова Н.М. Ситуация в Иране в свете новых санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России : Россия и мир. – 2020. – № 2 (24). – С. 159–175.

Белинский А.В.* СВОЙ СРЕДИ «ЧУЖИХ». МИГРАНТЫ В НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИКЕ

DOI: 10.31249/rimm/2021.04.10

Аннотация. В статье рассматривается участие различных групп мигрантов в политической жизни ФРГ. Отмечается, что изначально власти и политики ФРГ, которые исходили из временного характера пребывания иностранных рабочих на территории страны, не были заинтересованы в их социальной и политической интеграции. Однако рост мигрантской общины и либерализация законодательства в вопросе полу-

* Белинский А.В., кандидат политических наук, старший научный сотрудник, отдел проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, e-mail: belinskii_andrei@mail.ru

чения гражданства заставили политические партии постепенно изменить свою позицию. Сначала «Союз 90 / Зеленые», а затем и остальные политические партии начали активно работать с различными группами мигрантов. Тем не менее число граждан ФРГ с мигрантскими корнями среди депутатов бундестага или на руководящих постах в государственном аппарате по-прежнему относительно невелико, что объясняется целым рядом факторов (замкнутость мигрантской общины, предрассудки в обществе, просчеты партийного руководства).

Ключевые слова: ФРГ; мигранты; политика интеграции; ХДСС / ХСС; СДПГ; «Союз 90 / Зеленые».

«Не страна мигрантов»

Формирование мигрантской общины ФРГ восходит к концу 1950-х – началу 1960-х годов, когда западногерманское правительство для поддержания высоких темпов экономического роста заключило договоры с Италией (1955), Испанией, Грецией (с обеими в 1960), Турцией (1961) о найме рабочей силы. Многочисленные мигранты, большинство из которых представляли молодежь из бедных южных регионов, должны были «вдохнуть» новые силы в заводы Тиссен Круппа, угольные шахты Рура, судоверфи Бремена и Гамбурга.

При этом изначально для властей ФРГ (как, впрочем, и для большинства иностранных рабочих) речь шла исключительно о краткосрочном трудовом найме с последующим возвращением гастарбайтеров на историческую родину. В отличие от Англии, Франции или Бельгии, имевших богатую колониальную историю и поддерживающих тесные экономические, политические и культурные связи с бывшими колониями¹, немецкие политики рассматривали заключенные ими договоры с южноевропейскими странами исключительно сквозь призму интересов бизнеса.

Вопреки первоначальным расчетам и замыслам западногерманских политиков и чиновников мигрантская община постепенно росла, что было обусловлено как потребностями экономики, так и привлекательностью ФРГ для выходцев из Южной Европы. На рубеже 1970–1980-х годов мигрантская община в Западной Германии составляла несколько миллионов человек, львиная доля из которых приходилась на выходцев из Турции (около 1,5 млн человек). Между тем власти страны по-прежнему рассматривали ми-

¹ До сих пор сохраняется система Франсафрика, которая предусматривает неформальный контроль Парижа над странами Чёрного континента.

грантов исключительно как «драйвер» экономики, но никак не потенциальных граждан и соотечественников. «Было ошибкой, – признавал канцлер Гельмут Шмидт, – принимать столько мигрантов. Однако теперь мы должны следить за тем, чтобы мигранты не воспользовались этой ошибкой»¹. Пришедшая к власти осенью 1982 г. консервативно-либеральная коалиция ХДС / ХСС и СвДП полностью придерживалась курса своих предшественников. «Германия не является страной мигрантов» (Deutschland ist kein Migrationsland нем.), – заявил во всеуслышание федеральный канцлер Г. Коль. А в 2013 г. британское правительство опубликовало секретные протоколы переговоров канцлера с британским премьером М. Тэтчер. В разговоре с коллегой канцлер озвучил свой радикальный план решения миграционной проблемы. «Канцлер Коль заявил... [...] в течение четырех последующих лет необходимо сократить число турок на 50%. Однако он не может говорить об этом открыто»². Сокращение турецкой общины планировалось осуществить за счет выделения крупной денежной суммы в обмен на возвращение на родину. При этом антимигрантские настроения и предрассудки (особенно в отношении выходцев из мусульманских стран) были достаточно сильны в немецком обществе в 1980-е годы.

Даже в начале 1990-х годов потомки мигрантов, которые успешно интегрировались в общество и сумели сделать успешную политическую карьеру, что в те времена было большой редкостью, все равно воспринимались как «чужие». Д. Озdemir, один из первых депутатов бундестага, имевших мигрантские корни, а впоследствии лидер партии «Союз 90 / Зеленые», так описал свой разговор с государственным секретарем, представляющим консервативный Христианско-социальный союз. «Государственный секретарь заявляет: “Господин Озdemir, Вы должны объяснить своим соотечественникам... И тут я говорю: “Вы – мой соотечественник, скажите мне, что я Вам должен объяснить?” И он так глупо уставился на меня, а затем до него дошло, что у нас у обоих одинаковое гражданство»³.

¹ Der Spiegel. Ausländer: «Schmerzhafte Grenze gezogen». 50/1981 // <https://www.spiegel.de/politik/auslaender-schmerzhafte-grenze-gezogen-a-d7cb1106-0002-0001-0000-000014351381?context=issue>

² Der Spiegel. Köhl wollte offenbar jeden zweiten Türken loswerden 01.08.2013 // <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/kohl-wollte-jeden-zweiten-tuerken-in-deutschland-loswerden-a-914318.html>

³ Deutschlandfunk. Migranten in der Politik. Angekommen, um mitzubestimmen 12.09.2021 // https://www.deutschlandfunk.de/migranten-in-der-politik-angekommen-um-mitzubestimmen.724.de.html?dram:article_id=427923

Падение «стены»

Процесс интеграции мигрантов в немецкое общество по сути начался в конце 1990-х годов с приходом к власти социал-демократов и «зеленых». Именно дети и наследники 1968 г. («зеленые») на тот момент были одной из немногих сил в стране (наряду с Партией демократического социализма и различными правозащитными организациями), последовательно выступавшими за интеграцию мигрантов. Уже в 2000 г. «красно-зеленая» коалиция, несмотря на сопротивление своих оппонентов из консервативного лагеря, принимает закон о гражданстве, который предоставлял детям мигрантов возможность стать гражданами страны в соответствии с *Jus soli* (принцип почвы – лат.). А в 2005 г. вступил в силу закон о миграции (*Einwanderungsgesetz* – нем.), он упорядочивал процесс переезда иностранцев в ФРГ.

Однако уже в ближайшее время выяснилось, что концепция мультикультурализма, очень напоминающая теорию «плавильного котла», привела не к формированию единой гражданской нации на основе общих ценностей, а к разделению общества и появлению своеобразных национально-религиозных гетто в кварталах крупных городов. Причины провала этой политики были достаточно разнообразны, однако можно выделить две из них, которые, с нашей точки зрения, имели решающее значение. Во-первых, предоставив гражданство мигрантам и их потомству, власти не позабочились об их социальной, культурной и политической интеграции. Во-вторых, при реализации своего курса они мало учитывали фактор наличия среди мигрантов этнических или религиозных групп со своими культурой и ценностями, которые не всегда соотносились с принятыми в ФРГ нормами. В первую очередь это касалось представителей турецкой, курдской и арабской диаспор.

И вот уже в 2010 г. канцлер А. Меркель вынуждена была с горечью признать, что старая концепция интеграции потерпела крах. Было совершенно очевидно, что необходима подлинная социальная, культурная, а главное – политическая интеграция, поскольку мигрант только тогда может чувствовать себя полноправным гражданином, когда активно вовлечен в политику, имеет возможность не только голосовать, но и выступать в качестве политического актора, будь то депутат бундестага или земельного парламента.

Кто кого выбирает?

Насколько на сегодняшний день мигранты и их потомки вовлечены в немецкую политику? Каким политическим партиям и силам они отдают свое предпочтение? Насколько широко они представлены в земельных парламентах, бундестаге и министерствах?

На сегодняшний день около четверти граждан ФРГ имеют мигрантские корни, при этом половина из них обладает немецким гражданством. Однако их политическая активность остается существенно ниже, чем у коренного населения. Согласно докладу исследовательской группы Minor Kontor, во время выборов в бундестаг в 2013 г. участие в голосовании приняли 87,2% коренных немцев, в то время как среди мигрантов этот показатель составил лишь 79,2%¹.

Достаточный интерес для исследователя представляет модель электорального поведения среди различных этнических групп. В упомянутом выше докладе Minor Kontor представлены следующие данные.

Таблица 1
**Участие различных этнических групп в выборах
в бундестаг в 2013 г. (в %)**

Этническая группа	Процент проголосовавших на выборах
Бывшие восточные провинции Германской империи*	86,9
Восточная Европа	81
Бывшие республики Советского Союза	58,5
Турция	67,5
Остальные страны Европы	53,8
Другие страны	66,7

* Здесь, вероятно, речь идет о поляках, родившихся в Силезии, Познани и других регионах, ранее входивших в состав Пруссии, а затем – Германской империи.

Как мы видим, политическая активность представителей мигрантских общин может достаточно существенно различаться, что определяется как социокультурными, так конкретными экономическими условиями. Высокая доля поляков и выходцев из восточноевропейских стран, проголосовавших на выборах в парламент, объясняется как

¹ Minor Kontor Politische Teilhabe von Menschen mit Migrationshintergrund. 2017. S. 5 // chrome-extension://efaidnbmnnibpcapcglclefindmkaj/viewer.html?pdfurl=https%3A%2F%2Fminor-kontor.de%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F04%2FMinor_VoteD_Politische-Teilhabe-von-Menschen-mit-Migrationshintergrund_2017.pdf&clen=406035&chunk=true. При этом нужно учитывать, что среди мигрантов «первой волны» этот показатель был еще ниже и составлял 70,8%.

схожими политическими установками, так и лучшей интегрированностью этих групп в немецкое общество. Что касается достаточно низкой политической активности бывших жителей СССР и выходцев из мусульманских стран, то скорее всего это объясняется либо отсутствием демократических традиций (выходцы из бывших республик Советского Союза) либо ориентацией на свою общину, которая по-прежнему рассматривалась как главный защитник и выразитель интересов той или иной этнической группы (турки, курды, арабы).

Весьма интересны и политические преференции различных мигрантских общин. Если выходцы из постсоветского пространства и поляки традиционно голосовали за ХДС / ХСС, то представители турецкой общины отдавали предпочтение СДПГ, «зеленым» или «левым», которые позиционировали себя в качестве защитников их интересов¹.

На верхних этажах

А как обстоит дело с представителями мигрантских общин на партийных и государственных должностях, в различных министерствах и ведомствах? До начала 1990-х годов граждане ФРГ, чьи родители перебрались в поисках лучшей жизни в Западную Германию, представляли собой достаточно редкое явление в политическом бо-монде. «Пионерами» в этой области стали уже упомянутый нами выше Д. Оздемир и те, которые в начале 1990-х годов стали депутатами от партии «Союз 90 / Зеленые». Однако даже после прихода в большую политику они во многом воспринимались как «чужие», не немцы. «Я вспоминаю, как баллотировался в правление земельного отделения партии, держал речь на обиходном швабском диалекте и говорил что-то о ледниковых растениях, о защите перелетных соколов, словом, обо всем возможном, что меня тогда интересовало. [...] Но все хотели знать: как обстоит дело с миграцией, с совместным проживанием, Турцией, правами человека, курдами?»²

¹ Правда, в последнее время произошли определенные перемены в электоральном поведении различных групп мигрантов. Миграционный кризис 2015–2016 гг. привел к тому, что выходцы из постсоветского пространства (Украина, Белоруссия, Россия) и восточноевропейских стран стали все больше отдавать предпочтение правопопулистской «Альтернативе для Германии». А проживающие в ФРГ турки под влиянием либерализации политики ХДС все чаще стали голосовать на выборах за консерваторов.

² Deutschlandfunk. Migranten in der Politik. Angekommen, um mitzubestimmen 12.09.2021 // https://www.deutschlandfunk.de/migranten-in-der-politik-angekommen-um-mitzubestimmen.724.de.html?dram:article_id=427923

Качественные изменения начались с середины 2000-х годов, когда политические партии стали серьезно заниматься миграционным вопросом, стремясь заручиться поддержкой мигрантской общины, уже ставшей достаточно значимым фактором во внутренней политике страны. К тому же к этому времени внутри мигрантских общин образовалась небольшая прослойка среднего класса, представители которого, как правило, имели университетское образование, были хорошо интегрированы в общество и стремились к общественной или политической активности. К настоящему времени немало представителей мигрантских общин сумели занять достойное место в партийной и государственной иерархии. Генеральный секретарь ХДС Пауль Цимиак (Польша), депутат бундестага от СДПГ Карамба Диабу, уполномоченный федерального правительства по вопросам интеграции Айдан Озогуз (Турция), председатель СВДП Филипп Рёслер (Вьетнам) – являются собой наиболее яркие примеры мигрантов или их потомков, сумевших добиться впечатляющих успехов на политическом поприще. Однако за пышной витриной скрывается более сложная картина, которая не всегда соотносится с заявлениями политиков. Согласно данным социологических исследований, только 58 из 709 депутатов бундестага имеют мигрантские корни¹. Не слишком велико их число и на руководящих должностях в партиях.

Причины такой диспропорции между числом граждан ФРГ, имеющих мигрантские корни, и их представленностью в политической сфере могут иметь совершенно различные причины, начиная от невысокой политической активности и слабой интегрированности в социальную структуру общества и заканчивая неумением партийных структур вести эффективную работу с гражданами, имеющими мигрантские корни².

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

¹ Deutschlandfunk. Migranten in der Politik. Angekommen, um mitzubestimmen 12.09.2021 // https://www.deutschlandfunk.de/migranten-in-der-politik-angekommen-um-mitzubestimmen.724.de.html?dram:article_id=427923

² Примером такой неэффективности является стремление партий использовать политиков иностранного происхождения главным образом для привлечения голосов мигрантов и их потомков. В некоторой степени это отталкивает представителей мигрантской общины, которые стремятся участвовать в решении проблем самоуправления, финансов и т.д.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Хазанов А.М.* , Гасратян С.М.
РОЛЬ «ШИИТСКОГО ПОЛУМЕСЯЦА»
В НЫНЕШНЕЙ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
(2000–2020)**

DOI: 10.31249/rimm/2021.04.11

Аннотация. В статье раскрывается значение геополитического термина «шиитский полумесяц». Этот термин используется для обозначения региона распространения шиизма на Ближнем Востоке. В настоящее время на стратегическое доминирование в «шиитском полумесяце» претендует Иран, который пытается создать широкую коалицию государств, где большинство населения составляют шииты.

Ключевые слова: «шиитский полумесяц»; Иран; Ливан; Сирия; Ирак; Хизбулла; алавиты.

«Шиитский полумесяц» – это геополитический термин, используемый для обозначения региона распространения шиизма на Ближнем Востоке. В него входят Ливан, Сирия, Ирак, Иран, ряд государств Персидского залива. Сам термин «шиитский полумесяц» впервые употребил король Иордании Абдалла II. В 2004 г. Абдалла II в одном из интервью предостерег от опасности «шиитского полумесяца», который после свержения суннитского режима Саддама Хусейна будет распространяться из Ирана через Ирак, Сирию до Ливана. «Этот полумесяц может сыграть весьма дестабилизирующую роль».

* Хазанов А.М., главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН.

** Гасратян С.М., научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук, e-mail: gasratyan-svetlana@mail.ru

© Хазанов А.М., Гасратян С.М., 2021

билизирующую роль для государств Персидского залива и для всего региона», – сказал тогда король Иордании.

С тех пор «шиитский полумесяц» стал нередко упоминаемым геополитическим феноменом, о котором особенно часто говорят консервативные суннитские государства Персидского залива, прежде всего Саудовская Аравия. Это королевство является самым сильным региональным противником шиитского режима в Иране (разумеется, за исключением Израиля) (хотя в Саудовской Аравии проживает 4 млн шиитов, т.е. 15% всего населения).

Саудовские правители считают себя окружеными «вассалами» Тегерана. Страхом перед Ираном Саудовская Аравия оправдывает не только жестокое подавление шиитского меньшинства в собственной стране, но и свои военные операции в соседних странах – Бахрейне и Йемене.

Что же собой в действительности представляет «шиитский полумесяц»? Левый край полумесяца образует Ливан. В Ливане шииты являются крупнейшей общиной. Точная оценка процента шиитского населения Ливана сталкивается с трудно преодолимой проблемой: с 1932 г. в стране не проводилось переписи по религиозному признаку. По оценочным данным, 2 млн жителей Ливана – шииты, т.е. 55% населения страны. В то же время госдепартамент США оценивает шиитское население Ливана в 27% всего населения страны [1]. Шииты живут в самом бедном юго-западном районе Бейрута, а также в Сайда, Набатии и в деревнях на юге Ливана [2].

Самая значительная военная сила в Ливане – это проиранская шиитская организация «Хизбулла» (Партия Аллаха), вооруженные отряды которой ведут военные действия против Израиля. В Бейруте и по всему Ливану развесаны разноцветные флаги «Хизбуллы», на которых изображен автомат Калашникова и написано: «Мусульманское сопротивление. Хизбулла победит» [3].

В настоящее время «Хизбулла» сражается в Сирии на стороне правительства Башара Асада. За это время там погибли тысячи ее боевиков. Сирийская война потребовала от «Хизбуллы» гораздо больше потерь, чем конфликт с Израилем, который продолжается уже более 30 лет.

В Сирии шииты составляют 5% населения (это главным образом алавиты). Но алавиты там находятся у власти. Сам президент Башар Асад и его ближайшее окружение – алавиты.

Английский историк и журналист Питер Мансфилд, прошедший много лет на Ближнем Востоке, утверждал в 1980 г.: «У сирийцев существует сильное чувство принадлежности к опре-

деленной общине, его подогревали французы среди меньшинств в разных частях Сирии – 160 тыс. друзов, живущих в районе Джебель Друз, и 500 тыс. алавитов близ Латакии» [4].

Как писал российский исследователь В.А. Ушаков, «в целом исламский фактор, с одной стороны, сближает Тегеран и Дамаск, особенно учитывая то, что президент САР Х. Асад – алавит, т.е. придерживается религиозных взглядов, близких к шиитским, с другой – ислам и разъединяет их. Дело в том, что представляя суннитское большинство страны, Дамаск отводит исламу второстепенную роль в своей политической программе, предусматривавшей в 1980-е годы ориентацию на арабскую модель социализма. Это было неприемлемо для исламского Ирана – теократического государства, которому чужды и даже враждебны идеалы социализма и демократические принципы, о чем не раз заявлял имам Р. Хомейни» [5].

Однако приход к власти в Сирии нового президента Башара Асада коренным образом изменил ситуацию. Для того чтобы удержаться у власти в условиях войны с джихадистами, Б. Асад вынужден прибегать к помощи Ирана и добровольцев – шиитов из других стран. В частности, помимо «Хизбуллы», на стороне Дамаска сражаются и другие шиитские вооруженные формирования. Там есть, к примеру, «Лива Фатимион» – отряды, насчитывающие более 10 тыс. человек. «Лива...» рекрутирует своих боевиков среди хазарейцев, шиитского меньшинства в Афганистане. Кроме того, есть вооруженное формирование «Лива Зайнабион», в котором воюют пакистанские шииты. Эта группа насчитывает несколько сотен боевиков. Оба эти формирования со своими желтыми знаменами, украшенными зеленой надписью и автоматом Калашникова, четко показывают, что они ориентируются на «Хизбуллу», чей логотип выглядит почти так же.

Не подлежит сомнению, что Сирия – это важнейший игрок для иранского проекта в регионе. В течение нескольких десятилетий иранцы инвестировали капиталы во многие отрасли хозяйства Сирии. Их инвестиции и влияние в Сирии выросли с приходом к власти президента Башара Асада. В отличие от своего отца Хафеза Асада, которого иранцы называли «большой горой», мешавшей их проникновению в Сирию, Башар в условиях гражданской войны был вынужден принимать помощь Ирана, в том числе на полях сражений с боевиками ИГИЛ и таких джихадистских формирований как «Джабхат-ан-Нусра» и др. Со своей стороны, иранцы рассматривают гражданскую войну в Сирии как часть своей борьбы

против саудитов и США, которые видят в Иране возможного соперника и державу, способную доминировать на Ближнем Востоке. Кроме того, и это очень важно: Иран – важнейший поставщик нефти в мире, и, следовательно, конкурент Саудовской Аравии, Кувейта и США, он пытается перехватить инициативу на рынке энергоносителей.

В связи с этим весьма характерно заявление командующего иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР) К. Сулеймани: «Битва за Алеппо (Сирия) составляет первую линию защиты иранской исламской революции».

Следует отметить, что в Сирии имеет место попытка внедрить антишиитские настроения. Это проявляется в выступлениях против самого Б. Асада и его алавитского окружения, хотя сирийские алавиты представляют собой светскую, достаточно либеральную секту, которая категорически отвергает религиозный экстремизм.

В Ираке шииты (их насчитывается 22 млн) составляют примерно 65% населения страны. При режиме Саддама Хусейна они подвергались жесточайшей дискриминации. После свержения С. Хусейна американцы рассчитывали на поддержку иракских шиитов. Однако лидер иракских шиитов Муктада ас-Садр выступил решительно против американской оккупации и сформировал вооруженную группировку «Армия Махди». В издававшихся им листовках содержались призывы «бороться с американскими оккупантами». Именно Муктада ас-Садр возглавил вооруженное шиитское сопротивление. Он неоднократно заявлял: «Нынешний иракский президент (Дж. Талабани с 2006 по 2014 г. – Ред.) говорит, что Америка – наш партнер. А я заявляю, что Америка – наш враг» [6].

С тех пор как при помощи США к власти в Ираке пришли шииты, Тегеран включил его в планы распространения своего влияния. Ирак стал для Ирана стратегическим плацдармом в борьбе за доминирующее влияние в регионе.

В Иране скрывались многие иракские оппозиционеры. В частности, именно здесь аятолла Мухаммад Бакир аль-Хаким (1939–2003) создал бригады Бадра, которые первоначально сражались против Саддама Хусейна. В составе бригады было около 10 тыс. экипированных и обученных солдат. Затем бригады Бадра стали сражаться против ИГИЛ. Сегодня они воюют в Сирии.

В самом Ираке ситуация по-прежнему остается нестабильной из-за сохраняющейся безработицы и коррупции. И здесь, так же как и в Сирии, населению пытаются навязать антииранские настроения. Однако верховный лидер Ирана Али Хаменеи в органи-

зации протестов в Ираке обвинил западные спецслужбы. Заинтересованными сторонами в антииранских протестах в Ираке являются и Саудовская Аравия, и эмирата Персидского залива, которые, вероятно, предоставили деньги через своих эмиссаров иракским зачинщикам беспорядков.

В Йемене, где шииты составляют значительную часть населения, уже много лет продолжается гражданская война, которая вынудила бежать из страны более 2 млн человек и стоила жизни более 10 тыс. мирных жителей. 80% населения Йемена, чтобы выжить, вынуждены надеяться на международную помощь. С марта 2015 г. военный альянс под руководством Саудовской Аравии и ОАЭ сражается против поддерживаемого Ираном вооруженного формирования «Хуси». Хуситы контролируют, начиная с 2012 г., северо-западный район Йемена. Тегеран проявляет активность в Йемене, в том числе оказывая гуманитарную помощь, с 2011 г. С тех пор Иран обучил сотни боевиков военному делу и некоторое время по морскому пути поставлял повстанцам оружие.

То, что «Хуси» (хуситы) не являются шиитами-имамитами, как сами иранцы, а зейдитами, не является причиной отказа им в помощи от Тегерана. Религиозная автократия может быть pragматичной, если это на пользу собственным целям. В то время как Саудовская Аравия и ее союзники тратят огромные деньги, чтобы победить «Хуси», Иран проводит более хитрую и менее затратную политику, применяя булавочные уколы, причиняющие боль их суннитским противникам.

Похожий сценарий возможен и в Бахрейне. Большая часть местного населения в этом карликовом государстве – это шииты (более 60%). Однако они управляются суннитским господствующим домом. Так как это островное государство в Персидском заливе когда-то было захвачено персами, то у Ирана время от времени возникают идеи вернуть эту территорию. Дело в том, что в 1602 г. персы завоевали остров Бахрейн, и он оставался под их господством до 1783 г. Но в 1783 г. остров был захвачен племенем утуби, пришедшим с побережья Катара [7]. В 1822 г. персидские власти в Ширазе и британский политический резидент в Заливе капитан Уильям Брус заключили соглашение, по которому последний признал суверенитет Персии над Бахрейном. Однако это соглашение не было одобрено британским правительством [8].

Иранские политики называют Бахрейн «потерянной провинцией», которая снова должна вернуться под контроль Тегерана. Во время «арабской весны» в 2011 г. десятки тысяч жителей Бах-

рейна протестовали против королевского дома. Только с помощью войск Саудовской Аравии ему удалось подавить это восстание. В Бахрейне существуют радикальные подпольные группы «Сарай аль-Аштар» и «Сарай аль-Мухтар», которых власть обвиняет в совершении десятков поджогов участков полиции и служб безопасности в Бахрейне. Несколько членов этих групп уже были казнены.

«Арабская весна» повлияла на настроения шиитской молодежи Бахрейна. Естественно, что недовольство, неудовлетворенность молодежи является идеальной питательной почвой для социального взрыва. В этих условиях правитель Бахрейна, король Хамад бин Иса аль-Халифа, связывает свои надежды с присутствием в Бахрейне 5-го американского флота.

В ноябре 2010 г. Викиликс, группа во главе с Джулианом Асанжем, опубликовала сотни секретных донесений американских дипломатов, касающихся Ближнего Востока и Персидского залива, в их числе телеграмму саудовского короля Абдаллы (2009), в которой он просит правительство США атаковать Иран, чтобы «отрубить голову этой змее» [9]. В 2010 г. король Бахрейна Иса аль-Халифа встретился с командующим Центрального командования США генералом Дэвидом Петреусом, и просил его провести военную акцию против иранской ядерной программы. «Эта программа должна быть остановлена, – сказал король Бахрейна. – Опасность предоставления ей возможности развиваться превышает опасность ее остановки» [10].

Шиитский фактор во внешней политике Ирана объясняется pragmatismom и национальными интересами. За усилением суннитско-шиитского противостояния стоит, прежде всего, попытка Ирана создать под своей эгидой коалицию «шиитский полумесяц» – объединение Ирана, Ирака, Сирии, Ливана на основе религиозной общности.

Ряд событий первой декады XXI в. привел к усилению страха среди суннитских правительств, особенно в Заливе, перед возможностью подобного союза, получившего название «шиитский полумесяц».

Эта обеспокоенность усугубляется политикой ряда арабских СМИ, которые формируют в общественном мнении образ шиитов как врагов суннитского арабского мира, и заинтересованностью таких важных игроков на Ближнем Востоке, как США и Израиль, в подрыве позиций Ирана.

Еще один важный фактор, повлиявший на формирование образа врага в лице шиитов, – «арабская весна». В ходе событий

2011–2012 гг. на Ближнем Востоке особое беспокойство у государств Залива вызывало восстание шиитов на Бахрейне, которое было подавлено саудовскими войсками.

Наконец, война в Сирии обостряет шиитско-суннитское противоборство. Дело в том, что США и аравийские монархии, заинтересованные в поражении Б. Асада, пытаются разжечь конфликт между суннитами и шиитами внутри Сирии, делая акцент на том, что президент страны Б. Асад относится к малочисленному отвертвению шиизма. Алавитское сообщество в Сирии (от 10 до 12,5% населения) за годы правления семьи Асад – Х. Асад и Б. Асад – из малообразованного слоя превратилось в представителей среднего класса, они составили значительную часть офицерского корпуса Сирии. По мнению аравийских монархий, возможный союз Дамаска с Тегераном может способствовать возвышению Ирана, становлению его в качестве региональной державы, помешает планам Саудовской Аравии возглавить мусульманский мир.

Следует отметить, что современный шиизм по-прежнему опирается на ту часть населения, которая остро ощущает социальную несправедливость. В свое время известный арабист Е.А. Беляев объяснял распространение шиизма в Иране классовой борьбой между феодалами и крестьянством. По его мнению, феодалы Ирана приняли ислам в его суннитской форме, а крестьяне в пику феодалам приняли шиизм. «В Иране, – утверждал он, – ...крестьяне, составлявшие основную массу населения, стали переходить в ислам только тогда, когда стал распространяться шиизм – особая форма ислама, оппозиционная господствующему направлению этой религии (суннизму)» [11].

Как пишет Ариф Алиев, «шиизм иногда ошибочно считают порождением иранцев, своего рода персидским осмысливанием идеологии ислама, реакцией иранского духа против арабизма. Первыми шиитами, несомненно, были арабы, и лишь в годы существования халифата Омейядов (660–750) со столицей в Дамаске к ним примкнула значительная часть мавали [12] из числа лиц коренного населения Ирана» [13].

Академик В.В. Бартольд замечал по этому поводу: «Шиитство нашло благоприятную почву среди персидского народа, но элемент оппозиции имел в этом случае больше значения, чем элемент национальности» [14]. В результате в этнически пестром Иране возникла религиозная однородность населения, большинство которого составили мусульмане-шииты.

Шиизм не представляет собой целостного единого учения или единой церковной организации. В нем имеются многочисленные секты: зейдиты, имамиты, исмаилиты, алавиты и многие другие. Все они связаны общими историческими корнями и идеальными основополагающими положениями. Главное из них – признание четвертого халифа Али и его потомков единственными законными преемниками пророка Мухаммада в качестве духовного и светского главы мусульманской общины (имама).

Среди них обращает на себя внимание достаточно умеренная секта зейдитов, проживающих в основном в Йемене. В гражданской войне, продолжающейся уже не первый год на территории Йемена, принадлежность к зейдизму способствует сплочению северян, выступивших против альянса властей страны с Саудовской Аравией, поддержавших идею восстановления имамата, который существовал в Йемене до 1962 г. [15].

К шиитам относят также друзов, поскольку учение зародилось в фатимидском Египте, где власть придерживалась шиизма. Это направление возникло в 1017 г. в горах Ливана. В учении друзов причудливо сочетаются положения ислама и христианства. По четвергам друзья читают Коран и Библию. Они не признают обязательные для мусульман и христиан понятия рая и ада. У них есть своя священная книга, к которой даже нельзя прикасаться. Друзом нельзя стать, им надо родиться. У друзов существует моногамия [16]. Верующие разделены на посвященных, которые имеют право на участие в специальных ритуалах, и непосвященных, туда входит большинство женщин. Друзы живут в Ливане, Сирии и Израиле. Любопытно, что в Израиле они подлежат призыву в армию [17].

Следует тем не менее отметить, что современные друзья считают себя отдельным религиозным течением.

Особое место в семье исповедующих шиизм занимают исмаилиты, часть которых проживает вне Ближнего Востока. Начало движения исмаилитов традиционно связывают с расколом среди шиитов в середине VIII в. Свое название они получили от имама Исмаила ибн Дж'фара, назначенного духовным преемником Дж'фара ас-Садика. Другая ветвь – имамиты – принимают Мусу аль-Казима (ум. в 799 г.), младшего брата Исмаила, как истинного Имама. Внутри исмаилизма существует несколько ветвей. В частности, духовным главой самой большой ветви – низаритов – является Ага-Хан IV. Стержнем религиозно-политической доктрины исмаилитов стало учение об имамате, о необходимости существования непогрешимого имама из потомков Али [18].

Из всего сказанного следует сделать вывод, что Исламская Республика Иран интерпретирует нынешние события на Ближнем Востоке с позиций шиитской философии как признак скорого прихода Махди и как открывшуюся возможность для установления своего доминирующего влияния в так называемом «шиитском полумесяце» – регионе распространения шиизма на Ближнем Востоке. В той или иной степени Иран оказывает свое влияние на четыре страны – Ливан, Сирию, Ирак и Бахрейн. Более того, он пытается создать под своей эгидой широкую коалицию с участием всех стран, где живут шииты.

Литература

1. US Department of State. — URL: <http://www.state.gov>. [дата обращения: 03.07.2013].
2. Хазанов А.М. В плenу романтики Востока. М.: Истоки, 2011. С. 134.
3. Хазанов А.М. В плenу романтики Востока. М.: Истоки, 2011. С. 136.
4. Mansfield Peter. The Arabs. London: Penguin Books, 1980.
5. Ушаков В. А. Иран и мусульманский мир. М.: ИВ РАН, 1999. С. 171.
6. Сажин В. И. О влиянии Ирана на политические процессы в Ираке после свержения Саддама Хусейна // Ирак: 100 дней переходного правительства. М., 2004. С. 100.
7. Encyclopedia of Islam. Vol. 1. London, 1913. P. 584–585.
8. Ablbaharna Husain. The Arabian Gulf States. Beirut: Libririe du Liban, 1975. P. 168.
9. Katz Y., Hendel Y. Israel versus Iran. The Shadow War. Washington: Potomac Books, 2012. P. 5.
10. Katz Y., Hendel Y. Israel versus Iran. The Shadow War. Washington: Potomac Books, 2012. P. 5.
11. Беляев Е.А. Мусульманское сектантство (Исторические очерки). М., 1957. С. 18–19.
12. Мавали – находящиеся под покровительством, в том числе бывшие рабы и христиане в мусульманском государстве.
13. Алиев А.А. «Национальное» и «религиозное» в системе межгосударственных отношений Ирана и Ирака в XX веке. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 55.
14. Бартольд В.В. Культура мусульманства // Сочинения. Т. VI. М.: Наука, 1966. С. 175.
15. Алиев А. Иран – versus Ирак. История и современность. М.: Изд-во Московского университета, 2002. С. 231.
16. Полевые материалы, полученные во время поездок в страны Ближнего Востока.
17. Хазанов А.М. В плenу романтики Востока. М.: Истоки, 2011. С. 135.
18. Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 110–114.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

**СПИСОК СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В БЮЛЛЕТЕНЕ
«РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР»
В 2021 Г. № 1(319) – 4(322)**

№ 1 (319)

Сченснович В.Н. Внутренняя политика современной России. (Аналитический обзор) (с. 5–14); 2021.01.001. *Атамали К.Е.* Внешняя политика России: многополярность и поворот на Восток (с. 15–26); 2021.01.002. *Сченснович В.Н.* Межконфессиональные отношения в Крыму и миграционные процессы (с. 27–34); *Адиеев А.З.* Общественно-политическая и этнокультурная ситуация в Республике Дагестан в 2020 году (с. 34–53); 2021.01.003. *Дмитриева Е.Л.* Азербайджано-турецкие отношения и их влияние на geopolитическую ситуацию на Южном Кавказе (с. 53–64); *Сченснович В.Н.* Воздействие средств массовой информации Казахстана на этнополитику республики (с. 65–78); *Розимова Е.Ю.* Современные требования к военно-патриотическому воспитанию молодежи в Узбекистане (с. 79–83); 2021.01.004. *Дмитриева Е.Л.* Личность Имрана Хана как залог успеха и прихода к власти партии «Пакистансское движение за справедливость» (с. 84–91); 2021.01.005. *Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И.* Египет после президентских выборов 2018 года: «Возвращаясь на круги своя» (с. 91–96); 2021.01.006. *Дмитриева Е.Л.* Ислам в конфессиональной структуре населения Швеции (с. 97–107); *Межевникова О.П.* Перспективы развития исламского виртуального туризма (с. 108–116).

№ 2 (320)

Черевков О.С. Исламский модернизм в России: зарождение, особенности и возможные перспективы дальнейшего развития (с. 5–17); *Джабраилов Ю.Д.* Современная религиозная ситуация в Республике Дагестан в контексте национальной (гражданской) идентичности (с. 18–28); *Абдуллаев З.М.* Экстремальности религиозного сознания в системе исламского образования Республики Дагестан. (Часть 1) (с. 28–41); *Боташева А.К.* Проблемы конфликта политических элит в Карачаево-Черкесии (с. 41–50); 2021.02.001. *Атамали К.Е.* Терроризм как угроза региональной безопасности Центральной Азии. (Сводный реферат) (с. 51–59); *Азимов К.С., Бибикова О.П.* Шииты в общественно-политическом

пространстве современного Ливана. (Статья 2) (с. 60–79); 2021.02.002. Сченнович В.Н. Историко-религиозное наследие Ирана и социальная политика страны на современном этапе. (Сводный реферат) (с. 79–90); Кузнецова В.Е. Исторический анализ роли миграционных отношений Алжира и Франции в войне за независимость Алжира (с. 91–96); Добаев И.П. К 20-летию террористических атак на объекты в США: идеологическое обоснование такфиритов-джихадистов (с. 97–108); 2021.02.003. Поломоинов А.Ф., Поломоинов П.А. Религиозная веротерпимость как право и практика (в исламе и православии). (Реферат) (с. 109–112).

№ 3 (321)

Черевков О.С. Проблематика противодействия религиозно-политической идеологии исламизма в контексте обеспечения национальной безопасности России (с. 5–19); Сченнович В.Н. Миграционная политика в современной России. (Аналитический обзор) (с. 19–35); Аккиева С.И. Конфликтогенные факторы социально-политических процессов в Кабардино-Балкарии (с. 36–48); Абдуллагатов З.М. Экстремальности религиозного сознания в системе исламского образования Республики Дагестан. (Окончание) (с. 48–62); 2021.03.001. Сченнович В.Н. Проблемы безопасности в Центральной Азии. (Сводный реферат) (с. 63–72); 2021.03.002. Алиева А.О. Вызовы и проблемы реализации «Экономического пояса Шёлкового пути» в Центральной Азии. (Сводный реферат) (с. 72–78); Кириченко В.П. Положение шиитского населения Бахрейна после событий «арабской весны» 2011 г. (с. 79–87); Куклин Н.С. Исламский вектор во внешней и внутренней политике Индонезии: историческая ретроспектива. (Статья первая) (с. 88–103); Белинский А.В. «Игра престолов». Ливанские кланы и государство в ФРГ (с. 103–114); 2021.03.003. Дмитриева Е.Л. Исламский мир в условиях пандемии коронавируса. (Сводный реферат) (с. 115–123).

№ 4 (322)

2021.04.001. Сченнович В.Н. Проблемы адаптации и интеграции мусульман в современной России: роль религии. (Сводный реферат) (с. 5–12); 2021.04.002. Дмитриева Е.Л. Исламские финансовые институты в современной России. (Сводный реферат) (с. 12–19); 2021.04.003. Атамали К.Е. Внутриисламские противоречия в умме Крыма и этнополитическая мобилизация крымских татар в контек-

те внешнего влияния. (Сводный реферат) (с. 20–26); 2021.04.004. *Дмитриева Е.Л.* Каспийский регион в фокусе геополитических интересов мировых держав. (Сводный реферат) (с. 27–35); *Бибикова О.П.* Турция строит новый канал в Черное море: возможные последствия (с. 36–49); *Азимов К.С.* Положение сирийских беженцев в Ливане: проблемы и перспективы (с. 49–61); *Кириченко В.П.* Езиды Ирака: прошлое и настоящее (с. 61–69); *Куклин Н.С.* Этапы социально-политического развития исламской общины в Индонезии: культурная самобытность и национальные особенности. (Статья вторая) (с. 69–86); *Сченснович В.Н.* Иран в условиях новых санкций США. (Аналитический обзор) (с. 86–104); *Белинский А.В.* Свой среди «чужих». Мигранты в немецкой политике (с. 104–110); *Хазанов А.М., Гасратян С.М.* Роль «шиитского полумесяца» в нынешней ситуации на Ближнем Востоке (2000–2020) (с. 111–119).

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2021 – 4 (322)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Корректор О.В. Шамова
Компьютерная верстка
К.Л. Синякова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30/XI – 2021 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 7,1 Уч.-изд. л. 6,6
Тираж 250 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 85

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У